

LE MESSEAGER

ВЕСТНИК

РУССКОГО ХРИСТИАНСКОГО
ДВИЖЕНИЯ

169

ПАРИЖ — НЬЮ-ЙОРК — МОСКВА

№ 169

I-II - 1994

ВЕСТНИК РХД — № 169 = VESTNIK-LE MESSAGER

Publié par l'Action Chrétienne des Etudiants Russes
en collaboration avec les éditions «YMCA-Press»

*

Редакционная коллегия:

Архиеп. Сильвестр, прот. Николай Озолин, С. Аверинцев,
А. Богословский, В. Бибихин, Ю. Кублановский, Д. Поспеловский,
К. Сигов, Н. Струве.

—
Ответственный редактор : Н.А. Струве

ВЕСТНИК Р. Х. Д.

Н.В. в 1994 году выйдет только 2 выпуска

Условия подписки на эти 2 номера (с пересылкой) :

(Sea Mail) 200 фр.

(AIR MAIL) 250 фр.

Цена

(пересылки)

«ER»
(Paris)

4001545

Изда

движения

ER,

ESS,

LE MESSAGER

БИБЛИОТЕКА - ФОНД
«РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ»
Н. РАДИЩЕВСКАЯ, 2
915-10-73

ВЕСТНИК

РУССКОГО ХРИСТИАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ

169

БИБЛИОТЕКА-ФОНД
«РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ»
МОСКВА, НИЖНЯЯ РАДИЩЕВСКАЯ 2
4001545

ПАРИЖ — НЬЮ-ЙОРК — МОСКВА

№ 169

I-II - 1994

К ВОЗВРАЩЕНИЮ СОЛЖЕНИЦЫНА В РОССИЮ

«Я сам бы не мог так жизнь построить, как за меня она построена, не моими руками».

(А. Солженицын, телеинтервью японской компании, март 1976.)

В возвращении на родину, после 20-летнего изгнания, автора «Ивана Денисовича», «Ракового корпуса», трехтомного «Архипелага ГУЛага», десяти томного «Красного Колеса» есть что-то, что уже поражает современников, и что в еще большей степени поразит и дальнейшие поколения, — истинное измерение событий всегда отчетливее видится издалека, — а именно, завершенность и неразделимость двух судеб, личной, писательской, и исторической, все-народной.

20 лет назад, 15-го февраля 1974 года, в вечер приезда в Цюрих, — то был третий день изгнания, — Александр Исаевич, уставший от нашествия журналистов и общей суеты, уединился, прилег на кровать и тихим, спокойным голосом стал говорить: «я вижу свой возврат в Россию...» Позже, те же слова неоднократно прозвучали во всеулышание в разных телеинтервью, несмотря на то, что Солженицын быстрых перемен в России не ждал, а скорее опасался близкого падения Запада. С оползанием, а затем и крушением советской системы, эта уверенность перестала носить загадочно-пророческий характер, и тем не менее не раз сердце содрогалось при мысли, что, может быть, как Моисею, Солженицыну не будет дано вступить в землю обетованную...

Поразил многих его замысел вернуться в Россию не с парадного крыльца прямо в столицу, а длинным путем по Сибири и северным областям. Но и эта мысль родилась у Солженицына вскоре после изгнания (а кто знает, может и в то первое цюрихское озарение?), когда начались поиски надежного местожительства на Западе. Вначале Солженицын мечтал поселиться в западной Канаде, еще лучше на Аляске, как бы по соседству, чтобы до России-Сибири было рукой подать...

Отпечатано в Христианском издательстве
117192 Москва, Мичуринский пр-т, 1

Copyright © Le Messenger. Paris 1994

COMMISSION PARITAIRE
N° d'inscription 620 16

Когда пишутся эти строки, по первым сообщениям, уже ясно, как органически и естественно происходит погружение писателя в ту родную стихию, от которой все эти двадцать лет он был лишь телесно отдален. И что значит перед этим слиянием писателя и народа жалкий писк столичных газетных мосек, которым необходимо, для утверждения собственного существования, лаять на слона. Да писк этот не сегодня начался, он неукословно сопровождал Солженицына с того момента, как он, глашатай правды, прорвался к славе. Отчетливо выразил это Эжен Ионеско, писавший в марте 1976: «Солженицын не понят многими в своей стране, всеми мелкими буржуа советского общества. Он необычайно неудобен. Требование Солженицына наводит ужас: он хочет, чтобы люди считались с правдой, жили не по лжи». Перещеголяла всех «Независимая Газета», оказавшаяся наиболее зависимой от твякания черни. Но что всенародному писателю, и нам, его читателям, сегодняшним и будущим, до неизбежных зоиллов любого крупного художественного и духовного явления?

Мы можем лишь поздравить Александра Солженицына с его возвращением на родину, в которое столько лет против очевидности он не переставал верить, и Россию, с тем, что она дождалась того, кто «только ее боль и слышит, только о ней и пишет». О том, каково будет влияние Солженицына на людей или на ход событий, гадать бессмысленно: как всякое общественно-нравственное служение, оно не измеряется общим аршином. Но в то, что образ и слово Солженицына станут путеводными, что они изменят, очистят воздух, которым дышит тяжеловыздоравливающая Россия, мы можем смело верить.

Никита Струве

От Ред.

Ввиду исторического значения возврата Солженицына, мы сочли возможным и нужным перепечатать из «Нового Мира» те размышления о русской истории, о русском прошлом и будущем, с которыми Солженицын приехал в Россию.

ПРАВОСЛАВИЕ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

АНКЕТА ВЕСТНИКА РХД

1. Как и в чем, по вашему мнению, проявляется историческое лицо Православия?
2. В настоящее время в церковном сознании нет строгой определенности в употреблении понятий «Православие», «православность», «инославие», «ересь», «раскол», что может привести к проблемам в церковной жизни. Как бы Вы разграничили эти понятия?
3. В чем Вы видите историческое призвание Церкви на пороге XXI века? Можно ли говорить сейчас о миссии Церкви и в каком смысле?
4. В чем заключается православное понимание экуменизма? Каковы вообще перспективы сближения между христианскими Церквями?
5. Исторический путь Церкви — это всегда творческий процесс духовного обновления. В чем проявляется или должно проявиться это обновление в наши дни?

1. Адекватный ответ на этот вопрос потребовал бы объема, намного превосходящего тот, который допускают законы жанра. Поэтому ответу совсем кратко: историческое лицо Православия проявляется в свидетельстве перед современным миром о чувстве тайны, о сознании онтологической дистанции между Творцом и тварью, т.е. о том *страхе Божиим*, который не есть рабская приниженность и который позволяет совершенной любви — но только ей! — себя «изгонять»; а потому в противодействии столь, увы, характерной для современного мира эрозии сознания греха. Подчеркиваю, однако, что говорил, в послушании задавшему вопрос, об историческом лице Православия, а не о Православии в смысле вероучительном, равно и не об историческом лице русского Православия, иначе наряду со сказанным появились бы другие акценты.

2. А вот тут мы переходим к понятиям вероучительным. Во-первых, необходимо трудиться над разъяснением самим себе и друг другу четкой иерархии доктринальных и дисциплинарных определений: а то каждый из нас, наверное, не раз сталкивался со случаем, когда собеседник, почитающий себя за православного, походя, не замечая или почти не замечая того, что делает, опрокинет своей жестикуляцией некоторое количество основных догматов, после чего — в робости застынет перед каким-нибудь благочестивым мнением или привычным церковным обыкновением. Есть догматы, составляющие фундамент нашей веры и нашей жизненной ориентации, данные в Новом Завете, в вероучительных определениях Вселенских Соборов, наконец, во вселенском опыте Церкви: то, во что верные Церкви люди верили, по известному выражению св. Викентия Леринского, всегда, повсюду и все. Таких догматов, в конце концов, немного: но они стоят для верующего вне сферы законного употребления критического рассудка. Мы веруем, что эти догматы сохранят

силу, когда прейдут небо и земля; мы присягнули им на верность, и наше дело — оставаться верными. Иное дело — толкования этих догматов, предложенные лицами различного авторитета; от великих Учителей и Отцов Церкви — и до любого нашего предшественника в вере или собрата в вере. Мы хорошо поступим, если будем внимательно и уважительно вникать в толкования, прежде всего, разумеется, святоотеческие, но и другие: только глупцу свойственно исходить из того, что он умнее всех и никого слушать не должен. Отцы Церкви не только безгранично превышали нас духовным разумением; это были носители очень богатой и плодотворной философской традиции. И все же Церковь, обязывая нас чтить Отцов Церкви и учиться у них основам веры, не приписывает безусловной непогрешимости частным мнениям ни одного из них, а равно и воздерживается от того, чтобы придать абсолютное значение тому арсеналу философствования, каковой был ими унаследован от греческой традиции. Понятный язык сирийских Отцов, например, преп. Ефрема Сирина, существенно отличается от понятного языка Отцов греческих; это не вопрос вероучения, это характеристика историко-культурного феномена. А потому буква толкований не может обязывать нашу православную совесть так, как обязывают центральные догматы, на коих держится тождество Православия самому себе. Об интерпретации, даже и самой авторитетной, мы не имеем обетования, что она «не пройдет»; и о различных ее компонентах в среде верующих допустимы мнения различные. Скажем, филовизантийская позиция о. Георгия Флоровского, звавшего назад к Отцам, заслуживает самого серьезного к себе отношения (куда более серьезного, нежели многие паратеологические концепты нового и новейшего времени); однако согласия с ней никак нельзя вменить православному в безусловную обязанность. Сознательно пропускаю несколько пунктов перечня (доктринальные документы, относящиеся к жанру «символических книг» по западной терминологии, вроде «Исповедания веры» Петра Могилы; катехизисы; каноны Вселенских Соборов и дисциплинарные

определения меньшей важности). Последним пунктом идут благочестивые мнения, принадлежащие, например, старцам подлинным и старцам мнимым, а подчас вовсе неведомо кем высказанные, однако имеющие за собой силу привычки.

Во-вторых, перехожу к самим по себе упомянутым понятиям. Проблему по отношению к понятиям Православия и православности я усматриваю в смешении двух аспектов этих понятий: вероучительного — и исторического (этнографического, культурно-типологического, даже, прости Господи, геополитического). Вероучительно Православие есть вера Церкви, основанной Иисусом Христом и утвержденной Семью Вселенскими Соборами; православно все, что является богословски истинным, подлинно христианским — в меру своей аутентичности. Что до второго аспекта, применительно к нему я предпочел бы говорить не о Православии, а о чем-то ином — скажем, о византийской семье культур. Разумеется, эмпирический субстрат обоих аспектов по большей части один и тот же: скажем, византийско-сербско-болгарско-русская традиция иконописи является православной в той мере, в какой может быть оправдана богословски. Однако мне представляется очевидным, что в предвидимом будущем христианской веры (в отличие, например, от ислама) выбор самой веры, а равно и ее конфессиональной формы будет — хотим мы этого или нет — все менее определяться семейными, родовыми и даже этническими традициями; а это значит, что существенное различие между названными аспектами, которое прежде таилось под покровом видимости, все чаще станет проявляться осязаемо. Надо полагать, не мне одному приходилось на опыте убеждаться, что: англичанин, например, став очень хорошим православным иноком, нисколько не перерождается ни в грека, ни в русского, но остается англичанином — и что для Православия это чрезвычайно утешительно. «И не думайте говорить в себе: «отец у нас Авраам». «Кто будет исполнять волю Божию, тот Мне брат и сестра и мать».

4. Не «широта мировоззрения», не индифферентная «терпимость» и тем паче не церковная пародия на политическую дипломатию с ее неискренними «рядками», сменяемыми циничной холодной войной, — но живая и горячая, до раздора с житейской мудростью, любовь к Имени Иисусову в устах разделенных братьев. В наши дни на первый план все отчетливее выходит различие, проходящее поперек всех конфессиональных межей: между теми христианами, для которых самое важное в христианстве — Сам Христос, и теми, для кого важнее что-то иное. По этому признаку верующие будут объединяться поверх барьеров — но и разделяться внутри каждой исторической общности. Почти так, как предсказано в «Трех разговорах».

Это тезис, а вот антитезис: богословской ясности ума терять тоже нельзя, а это значит, что близость в вероучительных вопросах должна быть для нас важнее, нежели исторически или биографически обусловленные идиосинкрасии притяжения и отталкивания. Нет ведь однородного «инославия», которое позволительно было бы огульно охать и проклясть или без всякого различия братски приветствовать: есть весьма различные доктрины и очень непохожие типы сообществ, «нечувствие» к разнородности коих грозит утратой вероучительной позиции, да и нравственной чуткости. Неправославно позабывать разницу между Римским Епископом — и, скажем, Муном, между Лютеровыми учениками — и какими-нибудь «ориентологами». А ведь как раз новоявленные секты, дальше всего отошедшие от Предания, именно в силу своей новизны получают на нашей земле преимущество, поскольку наш православный народ, приученный к автоматической отрицательной реакции при одном имени старых видов «инославия», беззащитен перед неслыханными.

Кажется, будто жгучей, лично пережитой тоске по «соединению всех» и здравой разборчивости трудно соединиться. Но на самом деле они исключают не друг друга, а третье — холодный дипломатический практицизм, вопрошающий не о вероучительных критериях, а о выгоде временных союзов.

5. Проблема в том, чтобы Церковь каждое мгновение жила словом Господним: «идите, научите все народы». Дело учительства невозможно, если учащий чересчур подлаживается к своим ученикам — они не будут его уважать; но оно вдвойне невозможно, если он не видит, не чувствует своих учеников, реальных, каковы они есть, если он вместо них обращается к воображаемой пастве, игнорируя реальную, — он предаст повеление Господа своего, основавшего Церковь не для «отправления культа», как любили выражаться наши безбожники, но для спасения людей.

Истина Божья неизменна; люди, к которым сегодня, сейчас обращена эта истина, меняются. Вопрос о соотношении между здоровым консерватизмом и борьбой с духом инерции, косности, а то и стилизаторства, — вопрос не теоретический, а практический, решаемый не вне, а внутри конкретных ситуаций апостольской, миссионерской работы. А то, что наиболее одиозные лидеры лжеименного «обновленчества» были худы не тем, что ставили вопрос об обновлении чего бы то ни было в Церкви, а тем, что, во-первых, вступали в конфликт с фундаментальными канонами, но также, во-вторых, выступали как предатели законной иерархии в час гонений, и что их исторические грехи не должны раз и навсегда сделать самое слово «обновление» жупелом для верующего, — как-то неудобно объяснять.

Прот. Борис БОБРИНСКОЙ

1. В глиняных человеческих сосудах Православие содержит полноту и неизменность сокровищницы Откровения Божественного замысла о спасении человека и мира. Церковь возвещает миру всеобъемлющую любовь Богию, явленную Крестной Жертвой Богочеловека. Благодать Святого Духа, сила Воскресения действует в мире и уже ныне выявляет грядущее Царство Пресвятой Троицы.

Со дня Пятидесятницы и до скончания веков продолжается чудо «Живого Предания», в котором вся

полнота Откровения и всех таинств Церкви. Подвигом и верой «Отцов» зарождается и укрепляется божественная жизнь в «детях», возрастающих благодатной и непрерывной цепью «в полноту возраста Христова».

2. Я вижу «Православие» в следующих аспектах:

1) Явление и приобщение к «Славе Божьей», т.е. реальный, жизненный опыт Богоприсутствия, Богообщения: *«То, что мы слышали, что видели своими очами, что рассматривали, и что осязали руки наши, о Слове жизни, (...) о том, что мы видели и слышали, возвещаем вам»* (1 Ио. 1, 1-3). *«В храме стояще славы твоея, — гласит церковное песнопение, — на небеси стояти мним»*. И еще, в заупокойной службе: *«Образ есмь неизреченныя твоея славы, аще и язвы пошу прегрешений»*. Божественная любовь всецело ко мне обращена и подвигнута. Богопознание есть знание от опыта и видения.

2) Православие, т.е. «право-славение» Бога, совершается в молитвенном опыте Церкви. Без него не может быть ни Богообщения, ни Богопознания. Прославление в истине совершается дуновением Духа Истины, который сам в нашем сердце молится и раскрывает нам Лик Христов. В молитве «общественной», как и в тайниках человеческого сердца, укрепляется православное «сознание» от научения Духом.

3) Только лишь в меру Богообщения можно приобщиться к Божественной Истине и о ней свидетельствовать и учить. Словесное ее преломление совершается в догматах в соборном делании Церкви. Догматическое сознание Церкви одновременно неизменно, но и актуализируется и обновляется на языке каждой эпохи.

4) Границы Православия не всецело совпадают с границами «канонической Церкви», т.к. а) сама Православная Церковь должна постоянно очищаться и обновляться, и *«время начаться суду с дома Божия»* (1 Петр. 4, 17). О. Александр Шмеман охотно и часто писал о том, что Православная Церковь находится в состоянии «кризиса» (литургического, евхаристического, эклезиологического и т.д.); б) С другой же

стороны, «осколки» православного сознания можно нередко проследить и вне ограды Православия.

5) Нужно относиться к понятию «ереси» очень осторожно и не злоупотреблять им, в особенности в межконфессиональном, богословском общении.

6) Св. Киприан Карфагенский рассматривал церковные «расколы» и разделения, как тяжелый грех раздирания нешвенного Хитона, Ризы Христовой, т.е. Св. Церкви. Мы видим в настоящее время, насколько эти расколы губительны для Церкви и как бесконечно трудно их преодолеть.

3. На пороге XXI века, как и во все времена, миссия Церкви неизменна и непреложна: возвещать миру о безграничной Любви Божией, явленной во Христе и действующей в Духе Святом, напомнить человеку о его призвании. Перед наплывом разнородных и губительных учений, напомнить об основах православного, т.е. евангельского учения о человеке, а следовательно и о его месте и служении во всех отраслях общественной жизни, напомнить о «воцерковлении мира».

4. а) При глубокой и непреклонной верности Православию, свидетельствовать о Залог, полученном от «Отцов», в духе любви и уважения к инославным братьям.

б) Общение любви и взаимопомощи и совместная молитва (не литургическая!) суть необходимые предпосылки богословского диалога. Не может быть речи для Православия о каком-либо «соглашательстве» в вопросах истины. Тем не менее, в диалоге любви и истины само наше «православное самосознание» очищается, просветляется и углубляется.

в) Важно разграничить понятие «прозелитизма» (который не свойствен Православию), т.е. уловления душ различными способами, и миссию, т.е. проповедь Православия и самого Христианства в современном паганизированном мире. Могут ли, или даже должны ли христиане объединить свои силы для совместной проповеди Евангелия? Это чрезвычайно актуальная и жизненная тема.

5. а) Обновление должно всегда быть сугубо персональным и исходить от очищения сердца, т.е. самых сокровенных глубин и тайников человеческой жизни. Никакая область человеческой жизни не может быть чуждой обновлению духа, ибо «Дух Божий все пронизывает» (1 Кор. 2, 10) и все Ему подвластно. Ничто человеческое само по себе не «профанно», ибо создание Божие «добро зело» и благословенно Творцом, но любая область нашей жизни может быть «профанированной», т.е. оскверненной, а потому и нуждается в очищении и освобождении от духов скверны и злобы.

б) Но это духовное обновление должно совершаться в Церкви, а следовательно, и самой Церковью. Члены Церкви должны стремиться ревностно исполнять заветы своего Основателя, омывшего ноги ученикам. Иерархии следует освободиться от ненужной помпы, от звучных и номинальных титулов, наград, величаний.

в) Православная Церковь учит, в лице своих лучших богословов, о значении принципа «соборности» на всех уровнях церковной жизни, в приходе, в епархии, в поместной Церкви, и, наконец, во Вселенском Православии. Православные Церкви нередко болеют преувеличенным национализмом, который препятствует свидетельству о Царстве Божием, грядущем в силе.

Прот. Евгений КАСАТКИН (Иркутск)

1. Вопрос поставлен слишком широко и неопределенно. В таком плане конкретного ответа не может быть.

2. Вопрос терминов:

«Православие» — истинное вероучение, сохранившееся неповрежденным с апостольских времен.

«Православность» — система религиозных взглядов данного общества или частного лица, определяющая степень близости их к истине. В субъективных взглядах христиан всегда можно обнаружить элементы той или иной древней ереси.

«Ересь» — искажение вероучения.

3. XX век — век секуляризации (как официальной, так и неофициальной). Пагубность ее начинает осознаваться. Это следует Церкви использовать для оздоравливающего духовного влияния на общество. Сейчас необходим поиск средств такого влияния. Если в наше время невозможна симфония Церкви и государства, то необходима симфония с обществом. Сюда же должны входить и миротворческие функции в наше время взаимной вражды и злобы. Надо также обществу внушать, что ценность христианства — не только в высоте нравственного учения, но и в Евангелии (последнее часто забывается).

4. Соединение всех религий, конечно, утопия. Православная Церковь своим участием в движении имеет в виду свидетельство миру о Православии. Но эффективность свидетельства крайне низка и не оправдывает затрат сил и времени. В наше время перспектив сближения нет.

5. Традиции и каноны Церкви должны сохраняться в целостности и неповрежденности. Духовное обновление следует вносить в общество. Это не значит замены живописи иконописью, поэзии — стихирами и т.п. Все остается на своем месте. Но светское искусство, светская культура возвышаются и облагораживаются благодаря возрождению духовности в обществе.

святц. Георгий КОЧЕТКОВ (Москва)

1. Православие в истории — сложное явление. Здесь — явление Света и вершины Богопознания, здесь — великое Откровение и подвиг свидетельства. Но с другой стороны — здесь же бессловесность и ложное смирение, ведущее к сервильизму, когда оно отрывается от дерзновения. Здесь и обскурантизм, и конфессиональная гордыня и желание «заслуженного» индивидуального спасения «без других». Здесь — неуверен-

ность в себе, рождающая желание опереться на силы мира сего, здесь и неуступчивость по мелочам и закрытость ко всем и всему. Здесь — старец Зосима и «старец» Ферапонт. Здесь бедность и роскошь, человеколюбие, кротость и мудрость, но и компромиссы со злом и грехом. Здесь страх перед жизнью и жажда Жизни. Здесь кликушество и экзорцизм, социальная беспечность и сердечная жажда спасения мира. Здесь красота и доброта, явление духа и смысла, но здесь и безобразия и крик, духовность без смысла и осмысление без духа.

2. Историческое призвание Церкви на пороге XXI века, как и прежде, должно быть связано со свидетельством о Любви и Свободе, и значит об Иисусе Христе, о Боге и о Человеке. Надо в себе и вокруг себя явить и утвердить Любовь и Свободу. И прежде всего для этого надо стать свободным в своей собственной традиции, жить в Церкви как в своем родном Отчем Доме — доме Небесного Отца. При этом надо взять в традицию, воцерковляя, то доброе, красивое и истинное, что открылось нам как общечеловеческий опыт религий, культур, философий, культов, литератур и т.д. Надо найти место современной цивилизации и снять ее давление на человека и общество.

Такое живое, ясное, открытое свидетельство Церкви и есть главная задача ее современной миссии в мире. Церковь должна снова научиться примирять с Богом и ближним все, что от Бога и Человека, что истинно человечно и божественно по своему происхождению. Надо преодолеть подозрительность и излишнюю приверженность к форме без возможности «различать духов». В миссии мы должны верить в Бога и Человека, в Богочеловека Иисуса Христа и Богочеловечество — Его Тело, Церковь, так, чтобы без какого-либо страха свидетельствовать об Истине всякому, зная, что всякий, кто от Истины, услышит наш голос и примет весть с радостью и благодарением. Надо перестать «дружить против» другого или других, но всегда только «за» и «с» другим или другими.

Итак, Церковь должна стать чувствительной к Божественному откровению, находить для его воплощения адекватные формы и соединять через него Бога и человека с новой и очевидной (для имеющего глаза, чтобы видеть) силой Богопознания. Это потребует преодоления раздвоения христианской жизни на духовную и светскую. Это потребует откровения и свидетельства вечно новой христианской церковной общины, устроенной как духовная семья.

3. Действительно, чтобы мир захотел слушать голос Церкви, доверяя ему, Церкви надо обновиться. *Ecclesia semper reformanda* (Церковь всегда обновляется) — так говорили святые отцы раннего христианства. Чтобы поверили проповеди Церкви о Любви, о Свободе, нам надо на практике, в жизни показать нашу Любовь и Свободу. А это касается *всех* сторон церковной жизни — и богослужбной, и богословской, и канонической, и мистериальной, и мистической, и личной, и соборной. Нам надо обновить образ Бога и Человека в Церкви — не через манипуляции со старыми церковными или нецерковными словами и формулами, существующими ныне больше в руинах и обломках, а в явлении духа и силы в их преображающей целостности и личности.

4. Нет и никогда не будет строгих определений Православия, а значит и инославия, православности, ереси и раскола. Все это — глубинные многоуровневые понятия, отражающие различия в полноте и глубине личного христианского живого опыта людей. Не случайно же апостол Павел писал, что кто чего достиг, тот по тому принципу и должен и мыслить и жить. И еще, должны быть между вами разделения, дабы открылись между вами искусные (т.е. искушенные в вере). Таким образом, эти искушения в вере — свидетельство духовного здоровья Церкви. Только надо помнить, что искушения искушают, т.е. надо радоваться, когда приходит искушение, но только не надо искать.

Так что границы понятий динамичны.

5. Отсюда экуменическая задача — различать все подлинно хорошее (верное) и истинное в мире и привести его к Богу и в Церковь — для исполнения Жизни (от слова «полнота» — «плерома»). Это — задача Церкви и божественного домостроительства, не требующая унификации форм духовной жизни и организационных структур, по принципу: «Один дух может жить в различных формах, и одна и та же форма может быть порождением разных духов», в том числе разрушающих всякую форму, т.е. стремящихся к хаосу, к свободе падшей. Для исполнения этой экуменической задачи церквям нужно войти во всю толщу традиций, которые мы признаем истинными.

Надо знать в этом и меру компромисса. Собственно сближение христианских церквей происходит тогда, когда каждым христианином признается своей, по любви, всякая новая форма, содержащая дух Христов как дух Истины. Таким образом, современный экуменизм должен быть, во-первых, *личностным* (следовательно, по отношению к личности другого зрячим, и слышащим, и ощущающим, и различающим духи), и, во-вторых, главным образом *внутренним* (в том числе в одной церкви, семье, личности).

Для Православия это будет означать выход из «подполья» и отказ от трусливой позиции «охранительного православия». Дерзновение и смирение должны соединиться — для объединения полноты Богопознания и полноты Божественного откровения в полноте единой Церкви.

Валерий ЛЕПАХИН (Венгрия)

1. Понятие «историческое лицо» Православия по своему смыслу предполагает некое противостоящее понятие. В качестве такового я бы предложил «метаисторический Лик» Православия. Лицо — в истории, во времени, Лик — в вечности. Лицо может или затемнять сияние небесного Лица, или выявлять его полноту. В первом случае последствия такого несова-

дения внешнего и внутреннего часто трагичны: лицо «работает» против Лица (таково, например, «историческое лицо» Православия периода постпетровских реформ в Русской Церкви). Во втором случае «историческое лицо» стремится в себе и через себя явить миру Лик во всей его ангельской чистоте, стремится к совпадению лица и Лица (таких периодов было немало, например, конец XIV–XV век).

2. Не могу согласиться с тем, что в церковном сознании нет строгой определенности в употреблении этих понятий. Если подходить к ним извне, например, с точки зрения исторической науки, то тут могут возникнуть жаркие и долгие дискуссии, каждый ученый вправе предложить свою концепцию и ее отстаивать. Если же подходить к ним изнутри, то положение меняется. Для православного, церковного, живущего жизнью своей Церкви человека никакой неопределенности, мне думается, в значении этих понятий нет. «Разграничены» же они в любом словаре.

3. Какого-либо особого призвания для «порога XXI века» у Церкви, думается, нет. Призвание Церкви — метаисторично. Церковь, по определению апостола Павла, есть тело Христово (Еф. 1:23), она «столп и утверждение истины» (1 Тим. 3:15), а истина есть Христос (Ин. 14:6). Это единственное определение Церкви, принимаемое Православием. Но «Христос сегодня и во веки Тот же» (Евр. 13:8). А значит, то же Евангелие, те же заповеди. И поэтому то же призвание и в I и в XXI веке: свидетельствовать о Богочеловеке Иисусе Христе, соединившем земное и небесное (Еф. 1:10, Кол. 1:20) и открывшем путь спасения, призывать человека ко спасению и помогать ему шествовать этим путем, возрастая в Истине, вращаясь в церковный организм — тело Христово. Это и призвание Церкви и ее миссия.

4. Экуменизм, как мне видится, типично протестантская проблема. Реформация привела к тому, что в настоящее время в Протестантизме имеется более ста

различных конфессиональных направлений и, естественно, потребность в объединении и единстве сильно ощущается. Православные же веруют «во едину, святую, соборную и апостольскую Церковь», «столп и утверждение истины», и участвуют в экуменическом движении, чтобы свидетельствовать об Истине, которую хранит, на которой стоит и которой спасается Православная Церковь.

Что касается «сближения», то это термин не богословский, и вопрос, вероятно, следовало бы поставить по-другому. Существуют документы экуменических конгрессов, которые одобрены и православными. Вот эти документы и дают возможность понять, что такое экуменизм и на каком этапе находится сегодня экуменическое движение. Православные участвуют в нем до тех пор, пока общие документы экуменических конгрессов не противоречат православной догматике и экклезиологии. В последнее время, мне кажется, общий дух и направление экуменических документов вступает все в большее противоречие с православным вероучением. Делать же выводы из этого предстоит всем православным участникам экуменизма соборно.

5. «Исторический путь» (так же как и «историческое лицо») Церкви может рассматриваться только в его соотносительности с главным — метаисторическим путем Церкви в Царство Небесное. Исторический путь может уклоняться от метаисторического, даже мешать ему или может, в идеале, соответствовать ему. Поэтому исторический путь Церкви — это не всегда «творческий процесс духовного обновления». В нем могут быть периоды отступления, уклонения, стагнации, «обновления», но сами по себе они не могут быть подвергнуты аксиологической оценке. Даже стагнация, если она необходима для того, чтобы привести исторический путь в соответствие с метаисторическим, может быть не только полезна, но и необходима.

Что касается слова «обновление», то оно не совсем удачно, когда мы говорим о Церкви. Дело даже не в том, что у церковного человека оно ассоциируется с

«обновленчеством», а в том, что оно неточно выражает суть процесса. Позволю себе вернуться к ответу на первый вопрос. Лик и лицо Православия, — в каком соотношении они находятся? Тут нам может помочь иконописание: готовую икону покрывали олифой, которая со временем темнела, и вместо икон мы видели «черные доски»: лик, изображенный на иконе, становился почти неразличимым. Тогда иконописец делал «поновление» иконы. Вот, может быть, слово, которое здесь больше подходит. Если мы видим, что «историческое лицо» превращается в личину и готово затмить истинный Лик, мы его соответствующими средствами и осторожно, чтобы не повредить Лик, *поновляем*.

Чтобы начать обновление, надо вначале досконально узнать и полюбить предмет, который мы хотим обновить; сделать это необходимо хотя бы в той мере, в какой иконописец-реставратор изучает и *вживается* в икону, которую он готовится поновить. Ведь речь идет не только о формах, а о живом, таинственном организме Церкви, о живой жизни этого Богочеловеческого организма. Цена ошибки тут безмерна.

Д. ПОСПЕЛОВСКИЙ (Канада)

1. В том, что Православие глубоко укоренено в Истории, ему присуще чувство исторической преемственности.

Но эта историчность нередко превращается в идолопоклонство перед историей, которую люди смутно себе представляют. Так, все, что было в Церкви до обвала 1917 года, воспринимается многими как незыблемая основа основ, как именно та непоколебимая История и Предание, на которых зиждется православие. Более того, встречаются профессора современных русских духовных академий, которые обвиняют в еретичестве тех пастырей и богословов (в том числе и о. А. Шмемана), которые доказывают *неисторичность* многих наслоений в православии позднейших веков, пытаются очистить Церковь от тех из них, которые противоречат

учению Отцов Церкви и традициям, литургической жизни ранней Церкви. Некоторые из них считают, что поскольку Церковь живет и развивается в истории, то традиции, сложившиеся впоследствии и заменившие собою традиции ранней Церкви, тем самым отменили их богословски, и попытки восстановить первоначальные традиции, отменив те, по которым живет современная Церковь, являются ересью. Именно на этом основании один такой профессор доказывал еретичность учения обновленцев о женатом епископате, об употреблении живого русского языка в богослужении и пр.

Такая псевдоисторичность очень осложняет дело разумных реформ в Православии, способствует его окостенению, неспособности оперативно откликаться на духовные потребности общества данного дня, делает его «неконкурентноспособным» в условиях современного религиозного плюрализма и всеобщей богословской безграмотности в России и на Западе. Фактически и в России, и на Западе сегодня обстановка, напоминающая первые века христианства, когда перед христианами стоит задача миссионерства, обращения миллионов и миллионов в христианство, почти в такой же степени, в какой она стояла перед древней Церковью. Следовательно, чтобы рассчитывать на успех в этой области, Православию за опытом надо обращаться не в XIX, а в IV–IX века, к той Церкви, которая способна была обращать миллионы, а это включало в себя, во всяком случае в восточном христианстве, богослужение на общепонятном языке, проповедничество с участием мирян, участие в Евхаристии всех верных, участие мирян в избрании себе пастырей.

2. *Православие* — название религии, которая в области догматики не допускает никаких изменений иначе, как через Вселенский Собор и наитие Духа Святого, наличие которого познается духовным опытом всей церковной полноты. Поскольку Вселенских Соборов не было со времени 7-го, Православие или Православная Церковь является единственной христианской конфессией, сохранившей полноту веры апостольских соборов.

Иными словами, Православие есть **правильное прославление Бога**.

Православность — производное от *Православия*, состояние пребывания в православии, исполнение заветов Церкви, соблюдение церковных правил и жизнь в соответствии с ними.

Инославие — все остальные религиозные верования.

Ересь — искаженное толкование веры в Бога, отрицание церковной доктрины, установленной Вселенскими Соборами, и произвольная ее замена самовольными учениями, несовместимыми с соборными догматами и Символом веры, являющимся кратким определением единого, неразделенного христианства соборной эпохи.

Раскол — отделение группы верующих от Матери-Церкви по признакам, не имеющим догматического характера. Например, *старообрядцы*, которые разошлись с «*никонианами*» из-за разногласий обрядового, а не доктринального характера. На практике, однажды отделившись от церковной полноты, раскол может выродиться в ересь. Например, хлысты, молокане, духоборы, которые по-видимому выродились из разных ответвлений старообрядцев. Другим примером надо считать карловчан или т.н. «Русскую Православную Церковь за рубежом», которая в своей отрицании евхаристической благодати у Русской Православной Церкви (Московская Патриархия) впала в донатистскую ересь.

3. Отвечать духовным исканиям современного человечества, не изменяя, конечно, сути учения и догматов Православной Церкви. Надо учесть, что обрядовая сторона православного богослужения складывалась в имперских условиях и в значительной степени скопирована с византийских придворных церемоний. С другой стороны, православный богослужебный устав, принятый в Русской Церкви, является монастырским уставом, где богослужению уделяется около 8 часов в сутки, что совершенно нереально в условиях приходской жизни вообще, а в наше время в особенности. В результате, священники сокращают богослужение, каждый по-своему. Необходима богослужебная реформа, создание

приходского устава с краткими богослужениями в будние дни.

Воскресная и праздничная литургия — другое дело, но и тут излишни бесконечные повторения ектений (еще будущий Патриарх Тихон в 1905 г. предлагал сократить количество и длительность ектений, русифицировать богослужебный язык и сделать богослужение более понятным мирянам), дополнительные молебны, водосвятия и акафисты после литургии, будто литургия недостаточно свята и нужны дополнительные службы (это после Евхаристии!). Необходимо внушить верующим, что суть всей литургической жизни Церкви (не одних духовных лиц, а всего церковного мира) — Евхаристия, которая совершается только на литургии. Поэтому самое главное богослужение — литургия, а все остальные службы и требы — весьма второстепенное к ней приложение.

Церковь есть совокупность духовенства и мирян. Поэтому не может быть у духовенства тайных молитв от мирян. Все они должны совершаться во всеуслышание, особенно евхаристические «тайные молитвы», чтобы каждый верующий слышал и проникался их мистической глубиной и красотой. По этой же причине недопустимо, чтобы учительная часть богослужения — чтение Евангелия, Апостола, Ветхого завета — читались на плохо понимаемом языке и спиной к верующим!

Поскольку ясно, что преимущественной формой государственного устройства останется секуляризм, а следовательно выпускники государственных школ будут и дальше иметь очень смутные представления вообще о христианстве, а тем более о Православии, необходимо развитие специальных миссионерских приходов или миссионерских отделений в приходах. Помимо того, что духовенство и миряне таких миссионерских приходов должны вести специальные курсы элементарного богословия для взрослых, издавать специальную литературу, устраивать общественные лекции, находить возможности личных контактов с неверующими и ищущими (вплоть до посещения домов, как теперь делают сектанты, а когда-то делали

апостолы), должны быть и еще специальные миссионерские богослужения для приближающихся к Православию и неофитов. Такие богослужения должны быть относительно краткими, прерывающимися краткими пояснениями смысла тех или иных моментов богослужения (как это делал покойный старец Таврион). Такого же рода должны быть специальные богослужения для детей, для молодежи. Для подготовки миссионеров — как и духовников для вооруженных сил, тюрем, больниц, молодежных организаций — должны быть созданы специальные курсы или отделения при семинариях и духовных академиях, в которых преподавались бы такие предметы, как психология, психотерапия, педагогика, политология, экономика, социология, философия и даже основы естественно-научных теорий новейшего времени, чтобы священник не уходил от «проклятых вопросов», а готов был грамотно объяснить взаимоотношение науки и веры. Современный русский священник слишком перегружен обрядо-исполнением, физически изматывающими длительными богослужениями, требованиями, чтобы еще быть в состоянии нести и нагрузку пастыря-учителя. Необходима поэтому такая богослужебная реформа, чтобы богослужение не доводило священника до изнеможения, чтобы оно было разумно кратким и оставляло священнику силы и время миссионерствовать, учить, участвовать в общественных диспутах на мировоззренческие темы. Ведь Христос осуждал в молитве многословие, называя это фарисейством!

Думаю также, что Церковь стала бы динамичнее, ее администрация более эффективной и епископат стал бы ближе к церковному народу и его потребностям, если бы: а. провести в жизнь решение Собора 17–18 гг. о многочисленности епископов, чтобы в каждом районе (уезде) был епископ; б. провести решение того же Собора о децентрализации Церкви, разделе ее на самоуправляющиеся митрополичьи округа; в. возродить (наряду с монашеством) и женатый епископат, как это было в древней Церкви. Епископы с практическим опытом приходской жизни и административным опытом управления большими приходами более приспособле-

ны к архиерейскому призванию, чем монахи, стремящиеся к одиночеству и отходу от суеты мирской. (Эти установки выдвигали не только обновленцы 20-х гг., но и «32 петербургских священника» 1905 г., предложения которых митрополит С.-Петербургский Антоний (Вадковский) принимал весьма благосклонно, и развивал эту тему известный богослов-мирянин Н. Аксаков, особенно осуждавший институт «академического монашества», как лицемерие, к подлинному монашеству никакого отношения не имеющее). Уместно и своевременно было бы и возрождение института диаконисс в том объеме, в котором он существовал в ранней Византии, т.е. чтобы наравне с диаконами они присутствовали в алтаре во время богослужения (см. доклад по этому вопросу профессора богословия Громогласова на Московском Соборе в 1918 г.). Это вовсе не является шагом к введению женского священства. Священник в богослужении — образ Христа, а Христос явился миру в виде мужчины. Диакон же и диаконисса — служители: как в церковной благотворительности, так и в алтаре они помогают епископам и пресвитерам. Решение этого вопроса положительно повлияло бы на решение вопроса о роли женщины в Церкви без нынешних конфликтов, характерных для западных Церквей, влияние которых рано или поздно почувствуется и на Востоке, если его не решить теперь в рамках, допустимых канонами и историческим прецедентом Православия.

Необходимо возвращение понимания сути различных частей литургии. Пора покончить с теми символами, которые утратили смысл, или, что гораздо лучше, вернуть символам их реальное осмысление. Например, зачем в русских храмах до сего дня провозглашается: «Оглашенные, изыдите», когда оглашенных нет и никто не исходит? Надо одно из двух: отменить заключительную часть Литургии оглашенных, как делают греки и многие другие православные Церкви, или восстановить институт оглашения для всех ищущих прихода или сознательного возвращения в Церковь; а перед началом Литургии верных священник должен пояснить, что все неверующие, колеблющиеся, ино-

славные и оглашенные должны покинуть храм: Литургия верных только для верных. Причастие должно быть регулярным. Исповедь должна быть восстановлена в своем первоначальном значении — как покаяние, а не как пропуск к Причастию.

Необходимо приучить людей к тому, что Православие есть прежде всего Вселенская Церковь, а не племенная религия славян и греков. Поэтому православный обязан нести миссию, распространять свою веру по всему миру. Ответственность каждого православного в ознакомлении всего человечества со своей верой ничуть не меньше, чем первых христиан, несших истину Христова учения миру. Каждая Поместная Православная Церковь должна осознать и учить, что не Православие есть приложение к нации, а нация есть приложение к Православию, основной части своей культуры — даже продукт Православия. Для раскрытия вселенской миссии Православия необходимо решить внутренние проблемы взаимоотношения между Поместными Православными Церквями и их диаспорами.

Для решения этих вопросов необходим Всеправославный Собор, который был бы подлинно представительным и неограниченным во времени. Собор должен решить вопрос, каким единым епископатом будет возглавляться все Православие. Скорее всего такими правами надо было бы наделить Вселенский престол, превратив его из греческого во всеправославный, с выбором кандидатов на патриарший престол во всех православных Поместных Церквях и созданием при нем представительного межправославного синода.

4. Термин «экуменизм» на русский язык можно перевести как *вселенскость*.

Возникает много градаций в отношениях Православия с иными христианскими Церквями в зависимости от того, о какой христианской Церкви (а далеко не все из них вообще можно назвать Церквями) идет речь. Начнем с самых близких Православию и постепенно будем «удаляться».

а. *Дохалкидонские или т.н. монофизитские*. Давно установлено православными богословами, что раскол с ними — досадное лингвистическое недоразумение. Пора, наконец, полностью евхаристически соединиться с ними, признать их как православных иного обряда. Вообще надо вернуться к традициям ранней Церкви, когда чуть ли не каждая епархия имела свой богослужебный устав, свои обряды. Только при таком широком подходе к обрядам мы можем рассчитывать на возможность воссоединения с Православием целых конфессий. Конечно, инообрядность допустима только при условии сохранения полного православного евхаристического канона, всех таинств и Никейского Символа веры без *филиокве*. Кстати, при возвращении к богослужебной практике ранней Церкви возродилось бы и литургическое творчество, что оживило бы Церковь, восстановило ее динамичность.

б. *Римо-католики*. Если говорить о единой Церкви Христовой в расширительном смысле, то ею является вкуче Восточно-Православная и Римо-Католическая Церковь, при трагическом расколе между этими двумя половинами. Если у римо-католиков ересь папизма, то и православный цезаро-папизм можно считать ересью. Но факт тот, что как и большинство просвещенных православных сегодня против восстановления цезаро-папизма, предпочитают Церковь, не зависящую от «цесаря», так и большинство современных римо-католиков не верят в непогрешимость папы. И можно предположить, что после польского папы один из дальнейших его преемников воспользуется правом своей непогрешимости *ex-cathedra*, чтобы отменить догмат непогрешимости. Будет ли Православие, которое не сумело вобрать в себя даже старокатоликов и «монофизитов», готово тогда на воссоединение с Римом в единую Вселенскую Церковь?

в. *Старокатолики*. Эти Церкви давно стали бы частью Православия, если бы последнее не было так раздроблено и неединомысленно. Такие крупнейшие русские богословы, как В.В.Болотов и Н.Н.Глубоковский считали еще на пороге нашего века, что старокатолики

догматически и богословски ничем, кроме обрядов, не отличаются от православных. Филиокве у немецких старокатоликов сохранялось в скобках, т.е. как спорный догмат, упоминание которого предоставляется на решение каждого священнослужителя или мирянина, а голландские старокатолики от него вообще отреклись. Только неповоротливость и несговорчивость, бюрократизм Синодальной Русской Церкви были в конце концов причиной того, что объединение не произошло. Теперь вопрос сложнее, ибо старокатолики находятся в евхаристическом общении с англиканами, а у последних женское священство и пр. самовольные нововведения. Но при умелом и дипломатичном подходе, наверное, если не всех, то значительную часть старокатоликов можно присоединить к Православию с их западным обрядом. Это имело бы большое значение для судьбы Православия на Западе, ибо православные составляли бы в союзе со старокатоликами местные, а не «иностранные» Церкви и в Голландии, и в Швейцарии, и в Германии, и в Австрии, и даже в Польше (хотя польских старокатоликов меньше, чем членов польской Православной Церкви, но последнюю каждый поляк считает «русской», а первую своей, польской).

г. *Англикане.* С ними вопрос сложнее не только из-за ересей, внесенных в нее в последние два десятилетия, но и потому, что Англиканская Церковь не Церковь, а конгломерат группировок, каждая со своим «богословием» или вообще без такового. От Низкой Церкви, которая пронизана самым крайним кальвинизмом, не признает некоторых Вселенских Соборов, почитание икон считает идолопоклонством, не признает большинства таинств и т.д., до самой Высокой Церкви, которая в свою очередь разделена на про-римское и про-православное течения. Наконец, догматические и вероучительные вопросы англиканства в конечном счете решает парламент, большинство членов которого — агностики или верующие других религий. Отношения с англиканами у православных, наверное, останутся теплыми, т.к. эти отношения поддерживают про-православные англиканские сферы, но об объединении не

может быть и речи, пока Высокая Церковь не порвет со своими протестантами — Низкой Церковью — и не выделится в отдельную Церковь. Но этого ей, как государственной Церкви, не позволит правительство. Тут гораздо больше перспектив в сближении с американскими епископалами, как независимой от правительств частью Англиканства. Но американские епископалы увлеклись погоней за модами века сего, и тут следует ожидать перехода в Православие лишь отдельных мирян и священнослужителей и целых епископальных приходов, что и происходит сейчас в Америке с переходом десятков епископальных приходов под омофор Антиохийского Патриархата, который принимает их с сохранением англиканского богослужебного обряда с православными коррективами.

д. *Лютеране.* И с ними могли в свое время сложиться иные отношения. Дело в том, что, в отличие от германских лютеран, скандинавские не прерывали апостольской преемственности. У них просто весь католический епископат в XVI веке перешел в лютеранство. Если бы на этом основании мы своевременно признали скандинавскую иерархию, как признаем римо-католическую, не исключено было бы тесное сближение с ними, а возможно даже и переход части скандинавского духовенства в Православие (вопрос особенно актуален в Финляндии, где есть местная Православная Церковь).

Лютеранство с большой симпатией относится к Православию и весьма терпимо к переходу в него членов своих клира и паствы. Эти отношения надо культивировать и с православной стороны: продолжать православно-лютеранский диалог, совместные неевхаристические моления.

е. *Протестантские фундаменталисты.* К ним надо подходить, как к младшим братьям, которые сами не понимают, что они младшие. Они думают, что знают все, и стремятся поделиться своими знаниями со всеми, обратить «неразумных» в учеников первого класса.

Опытный учитель не выгоняет самоуверенного, амбициозного ученика из школы, а тем более не избе-

гает общения с ним, ценя в нем цельность, целенаправленность, амбицию, видя в нем потенциал учителя и деятеля, способного своим азартом зажигать других. Так надо относиться и ко всем баптистам и евангелистам, если они искренни в своих заблуждениях, а не являются просто проходимцами, как многие американские проповедники, наживающие себе миллионы. Но для того, чтобы зарвавшегося ученика поставить на место, учитель должен иметь авторитет. Так и с Православной Церковью. Если она, ее пастыри и богословы будут на должной высоте эрудиции и убежденности, то их контакты с баптистами и евангелистами могут только приближать их к Православию.

Вот в этом я и вижу смысл Всемирного Совета Церквей и всевозможных межконфессиональных форумов: просвещать Православием инославных, свидетельствовать перед миром о Православии. Что касается совместных интерконфессиональных молитв, то поскольку они не носят литургического характера, они возможны между всеми верующими в единого Бога — Творца Вселенной, Бога как Личности, а не абстрактного понятия (как у ряда восточных религий), т.е. возможно вместе молиться и с мусульманами, и с иудеями, но никак не с буддистами, Белым братством, теософами и пр. оккультистами.

5. На этот вопрос я уже ответил, в основном, в пункте 3.

Никита СТРУВЕ

1. С объективной, догматической и жизненной точки зрения, Православная церковь тождественна нераздельной Церкви первых десяти веков. В ходе истории, вследствие натиска с католического Запада и с мусульманского Востока, она оказалась целиком восточной Церковью, с преобладанием сначала греческого, а затем славяно-русского элемента. К тому же, еще с пятого века, неразделенная Церковь потеряла свои африкан-

ские и азиатские окраины. Но примечательно, что эти Церкви (коптская, эфиопская, армянская, индусская) хотя и живут обособленно уже 15 веков, остались по духу и по выражению совершенно православными: монофизитство, а тем более несторианство фактически никто уже не исповедует. Западное христианство, хотя и не впадало открыто в ереси, гораздо дальше ушло от Церкви первых веков.

Православие отличается от западного христианства гармоническим равновесием в оценке как предшествовавшего Боговоплощению, так и того, что в историческом плане последовало за ним.

Протестантизм несомненно недооценивает действительность Боговоплощения в истории (отказ от почитания Божьей Матери, от реального присутствия тела и крови Христовой в Евхаристии); католицизм эту действительность переоценивает (папа — наместник Христа, мариология развивается независимо). Но католичество и протестантизм сходятся в недооценке антропологических и космических предпосылок Боговоплощения: Христос-Бог сходит в мир в значительной степени Ему чуждый. Рим поздним догматом (1856 г.) о непорочном зачатии Божьей Матери изъял Ее из рода человеческого. Мир не подлежит преобразению. Не случайно праздник Преображения, столь существенный в Православии, не имеет в западном христианстве никакого значения.

Историческое лицо Православия проявляется именно в сохранении того, что утерял в известной мере Запад: чувство пронизанности твари Творцом, Христом, Духом Святым, чувство красоты, радость о Господе, что не упраздняет сознания греховности и необходимости крестного пути, но не придает этому сознанию безнадежного, мрачного характера.

Есть ли в западном христианстве черты, которых не доставало бы историческому лицу Православия? Тут мы сталкиваемся с парадоксом: не очень верящий в преобразование мира западный христианин больше над этим миром работает, чем православный, который слишком надеется на Божью благодать, а сам склонен

уходить от мира. Встает вопрос: историческое неблагополучие православных стран от испытаний свыше или от недостаточных усилий православных? По терминологии А. Карташева, наш исторический кенозис божественный или греховный?

2. Понятия эти вполне разграничены, но орудовать ими нужно с большой осторожностью и тактом. Раскол — отделение от Церкви канонического порядка, без вероучительного, догматического искажения. Ересь есть сознательное и заявленное отрицание православных догматов или же их существенное искажение, или же утверждение, не в качестве мнения, а в качестве обязательной истины, каких-то неизвестных доселе догматических положений. Но в расколах часто кроется и вероучительное расхождение, а некоторые формальные ереси иногда упираются в словесные недоразумения.

3. Церковь по своему назначению послана в мир свидетельствовать: «Идите и научите»... Но во избежание прозелитизма, осужденного Христом, отчасти и по нерадению, мы слишком часто ограничиваемся призывом: «Приди и виждь»...

4. Единого, как известно, понимания экуменизма в Православии нет. Экуменизм не учение (и потому не может быть ересью), а стремление, более чем законное, к единству христиан. Разделенность христианского мира должна порождать в нас страдание, а страдание — поиски общих путей и братских отношений, единства в главном, без невозможного единения.

Степень отхода Церквей от Православия — различна: самые близкие к нему — дохалкидонские Церкви, и первый долг Православия — искать полного единения с ними, оно возможно. Затем идет римо-католическая Церковь, но, увы, новые догматы, провозглашенные во второй половине XIX века, преграждают путь к единению. На вопрос папы Иоанна-Павла II, в чем главное препятствие к единству между Православием и Като-

личеством, обедавший с ним православный епископ ответил: «Ваше святейшество, это Вы». Увы, когда-то близкие к Православию англиканская, а затем старокатолическая Церкви продолжают соскальзывать в протестантизм.

Этот уклон естественен и в Католичестве, из которого произошел Протестантизм. Во всем мире побеждает цивилизация, порожденная Протестантизмом. Сумеет ли Православие устоять перед этой цивилизацией или внести в нее нечто свое? Этот вопрос встает с большой остротой перед православными общинами в Соединенных Штатах: православные по сути, они иногда уже похожи на протестантские по видимости, по стилю. Есть ли тут противоречие? Где в этом смысле границы Православия? Каким оно будет, если укоренится на Западе?

5. Церковь — живой организм и ткани ее постоянно обновляются. Думать, что все в Церкви было дано разом и в готовом виде, есть недомыслие. Обновление бывает двоякого рода. Через расчистку от поздних, неоправданных наслоений, как очищают икону от копоти. И через творчество, что в Церкви равносильно святости.

МИССИЯ В ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ СЕГОДНЯ

Тезисы

О чем мы обычно думаем, когда слышим слово «миссия»? Видимо часто это слово ассоциируется с тем образом, с которого св. Иннокентий Московский начинает свое наставление для миссионеров: «Оставить родину и идти в места отдаленные, дикие, лишенные многих удобств жизни, — для того, чтобы обращать на путь истины людей, еще блуждающих во мраке неведения...»¹ Но тогда для многих миссия будет или чем-то, что относится только к истории Церкви, или тем, что предпринимают отдельные смелые люди, отправляющиеся в дальние края, чтобы трудиться среди дикарей. А отсюда уже можно сделать вывод, что все это, как будто, непосредственно ко мне не относится. Вот это мнение я и хотела бы оспорить и обсудить при этом, какое значение имеет сегодня миссия для Русской Православной Церкви.

Церковь — Единая, Святая, Соборная и Апостольская — связана с миссионерством по самой своей природе. Если это утверждение кажется спорным, то лучше не читать дальше эту статью, а обратиться к Новому Завету и внимательно перечитать его. Миссия касается каждого члена Церкви — каждый призывается свидетельствовать о Христе. Мы видим, что вокруг нас живут люди, которые ничего не знают о Боге, о Христе и о Благой Вести. И в этих условиях духовного голода в России самые разные религиозные и квазирелигиозные группы проявляют необычайную активность.

Очевидно, что цель христианской миссии — приводить людей к Богу. А так как Бог — это не просто набор идей, то это означает, что люди должны приходить к живому опыту Богообщения. Все более или менее понятно с учительной частью миссии, и есть много попыток предоставить больше информации о христи-

анстве для самого широкого круга людей. Но ведь это только часть дела. Истина о Боге не может быть оторвана от живого опыта встречи с Богом. А такой опыт обретается через вхождение в Божественную жизнь. Может быть, большая часть опасений по поводу миссии происходит из-за недостатка его у нас самих? Ведь мы можем передать другим только то, что сами имеем или знаем. Чтобы это не звучало слишком абстрактно, рассмотрим этот вопрос более внимательно и выделим в нем дополнительные аспекты.

Видимо, все согласятся с тем, что Евангелие необходимо проповедовать. Многие, однако, испытывают проблемы с вопросом: а что же дальше? Обычный ответ, конечно, такой: покайтесь и креститесь (Деян. 2:38). Ну а что дальше? Что значит «покаяться» и какова цель крещения? Покаяние — это радикальный поворот в жизни, от жизни для себя к жизни во Христе, и крещение неразрывно связано с покаянием. Через крещение мы получаем очищение от наших грехов и становимся одно со Христом. Это единство со Христом проявляется не только на уровне отдельного человека, но и в более широком плане, через Тело Христово, через Церковь.

Поэтому миссия имеет дело с личностями и с Церковью. Это призыв жить во Христе как личность и в Церкви. Что это значит? Как эта жизнь проявляет себя? Если мы посмотрим на таких выдающихся православных миссионеров прошлого, как св. Иннокентий Московский, архимандрит Макарий (Глухарев), епископ Нестор (Анисимов) — то мы увидим, что их подход к миссии включает целое мировоззрение. Лучше всего это видно в «Мыслях о способах...»² архимандрита Макария. И это, пожалуй, главная задача, которая стоит перед нами сегодня. Дело не в том, чтобы иметь привлекательную, хорошо организованную структуру в церковных учреждениях, под вывеской «Миссия», а в том, чтобы иметь такое видение церковной жизни, которое было бы всеобъемлющим и миссионерским. И оно будет отличаться от того, что было выработано в прошлом веке. Не существует миссионерских шаблонов, в жизни Церкви вообще нет шаблонов. Почему это

так? Потому, что Церковь живет в мире, который меняется, и люди сейчас живут уже по-другому. Бог христианского Откровения — это не безличная внешняя сила. Он Бог личный, который действует через Свой народ. Он остается тем же, Его Слово и Его Истина все те же, но Бог не разрушает и не устраняет личности тех, кто живет в Нем. Он не делает своих людей одинаковыми. Мы можем видеть это, как оглядываясь на историю Церкви, так и смотря на современную жизнь Церкви в разных странах. Маленький православный приход в Англии, из которого я приехала, в целом живет той же жизнью, что и большой приход в Москве, к которому я принадлежу сейчас. Но есть много конкретных деталей в жизни этих приходов, которые очень различны, поскольку отражают разные условия жизни в Англии и в России. И это потому, что Бог преображает и освящает нашу жизнь. Бог не отвергает Свое творение и не имеет цели уничтожить его — Он занят его спасением.

И Бог призывает нас быть соработниками Ему, быть Его посланниками, несущими спасение людям и всему миру вокруг. Но это невозможно без Церкви, которая живет таким видением, которое можно назвать всеохватывающим и миссионерским. И это должно касаться каждого члена Церкви, в противном случае наша миссия останется чем-то из области приятных мечтаний, не имеющих ничего общего с реальностью. И только когда мы начинаем смотреть на миссию вот так всерьез, мы видим, что простых путей для миссионерской жизни нет. Миссия начинается потому, что, как пишет ап. Павел в 2 Кор. 5:14, «любовь Христова объемлет (в переводе еп. Кассиана — «понуждает») нас». Когда мы впервые приходим к вере, мы бываем потрясены тем, что Бог любит нас. Постепенно мы входим в отношения любви с Богом и начинаем разделять Его заботы и любить те вещи и тех людей, которых любит Он. Люди становятся миссионерами потому, что они начали разделять Божию любовь к Его миру. Достаточно беглого взгляда на историю Церкви, чтобы увидеть прямую связь между миссионерской активностью и

общим состоянием духовной жизни Церкви. И так и должно быть. Как мы уже сказали, истина о Боге не может быть отделена от живого опыта, будь то индивидуальный опыт или опыт Церкви. И тогда, прежде всего остального, мы видим необходимость постоянного духовного усилия с нашей стороны и постоянной опоры на благодать.

Каждый член Церкви ежедневно встречается с миром. Поэтому каждый несет ответственность за то, чтобы то преобразование, которое приносит Христос, стало реальностью жизни его самого, и тех, кто вокруг него, и жизни всего мира. Это справедливо для каждой церковной общины и для Церкви в целом. Мы видим в этом призыв жить такой жизнью, которая была бы динамичной и творческой. Это призыв оставить тихие гавани, которые мы себе построили в «христианстве», которое игнорирует миссионерство. Это призыв к активной вовлеченности в жизнь мира вокруг нас, но не по его законам, а по воле Божией (ср. Рим. 12). И когда мы делаем это, мы видим, как любовь Божия преобразует нас и мир вокруг нас.

Итак, миссия важна для Церкви в России сегодня потому, что миссия не может быть отделена от жизни Церкви, пока Церковь существует в мире. Бог все время занят спасением этого мира, и мы должны делать то же, если мы живем в Нем.

Примечания

- ¹ «Наставление высокопреосвященного Иннокентия, бывшего архиепископа Камчатского, Курильского и Алеутского, Пущагакскому миссионеру иеромонаху Феофилу». — Церковные Ведомости. 1903, № 3, с. 97.
- ² Мысли о способах к успешному распространению христианской веры между евреями, магометанами и язычниками в Российской державе. Москва, 1894.

О РЕФОРМАХ В БОГОСЛУЖЕНИИ (спор вокруг Сретенско-Владимирского прихода)

...Уважение к преданию, которым стояла Россия, нечувствительно для нее самой перешло в уважение более наружных форм его, чем его оживляющего духа. Оттуда произошла та односторонность в русской образованности, которой резким последствием был Иоанн Грозный, и которая, через век после, была причиной расколов...

Иван Киреевский

Как известно, указом Святейшего патриарха Алексия от 27 октября 1993 г., но врученном лишь три месяца спустя (промедление показывает, что решение принято как бы нехотя), был перемещен из Сретенского монастыря, в соседнее малоприспособленное помещение, московский приход, созданный стараниями свящ. Георгия Кочеткова, с разветвленной образовательной, миссионерской и благотворительной деятельностью. Оказался наказан не столько настоятель, сколько сплотившаяся вокруг него община из многих сотен прихожан, среди которых немало новообращенных. К сожалению, указ ничего не говорит о причинах, вызвавших это несправедливое решение. Как известно, о. Георгий Кочетков последовательно проводил в своем приходе реформы с целью приблизить богослужение к его изначальному смыслу и сделать его максимально доступным для верующих, и в течение первых трех лет это не вызывало возражений со стороны священноначалия...

Так или иначе, мера, принятая по отношению к приходу о. Георгия, не могла не всколыхнуть православную общественность как в России, так и за рубежом. В защиту о. Георгия и его прихода выступили митрополит Антоний Сурожский, архиепископ Михаил Мудьюгин, академики С. Аверинцев (член прихода) и Д. Лихачев, потомки строителей Сретенского монастыря — семья

Прозоровских, богословы и церковно-общественные деятели Парижа и Соед. Штатов Америки, (что, впрочем, не означало обязательно с их стороны полного согласия со всеми реформами, проводимыми в приходе). Полемика перешла в прессу, где вскоре приняла ожесточенный характер, несовместимый с серьезностью поставленных вопросов. Не говоря о статье «Союза Православных Братств», полной клеветы, удручающее впечатление производит обращение к Патриарху, опубликованное в «Литературной России» (11.03.94) и подписанное, кажется, 25 архимандритами, наместниками монастырей, настоятелями церквей и несколькими мирянами, с просьбой (после того как указ был уже приведен в исполнение) «пресечь губительный и соблазнительный богослужебный модернизм». Удручает оно не только инквизиторским тоном, но еще и исторической необоснованностью. «Сам факт, — пишут досточтимые отцы, — что священник Г. Кочетков и С.С. Аверинцев отвергают литургические творения* свв. Кирилла и Мефодия и других святых отцов и заменяют их своими «переводами» (почему в кавычках, тоже непонятно. — Н.С.), с духовной и культурной точки зрения есть чудовищный вандализм, подобно тому, как переводить на современный русский язык поэзию А.С. Пушкина». Неужели 25 наместников и настоятелей не знают, что свв. Кирилл и Мефодий, поскольку вообще сохранились о их переводческой деятельности достоверные сведения, перевели библейские и богослужебные книги не на наш современный церковно-славянский язык, а вероятнее всего на т.н. древнеболгарский. Наиболее древние списки, восходящие к этим переводам, содержат много ошибок, а целый ряд греческих выражений вообще в них не переведены. Ведь не читают же теперь за богослужением Священное Писание по Остромирову Евангелию, которое в своей лексике, не говоря о грамматике, сильно разнится с ныне принятым текстом. Известно, что современный

* Почему «переводы» названы творениями, не совсем понятно. Принцип, легший в основу переводов, — полная дословность (слово в слово) по отношению к греческому подлиннику. — Н.С.

церковно-славянский язык испытал очевидное влияние живого русского (в частности — южнорусского) языка, что богослужебные тексты неоднократно исправлялись. Все подписавшие письмо служат по никонианским исправлениям, которые два века назад были восприняты огромной массой верующих как «чудовищный вандализм», что повлекло за собой пагубный раскол. В обращении сказано о «долге передать потомкам церковно-славянское достояние в неискаженном виде», но в каком же: девятого века, нам неизвестном, одиннадцатого, шестнадцатого или восемнадцатого? Есть огромная опасность, по существу равносильная ереси,* сакрализовать какой бы то ни было язык, пусть самый утонченный и красивый. Подвиг свв. Кирилла и Мефодия как раз и заключался в том, что ради миссионерской цели, ради проповеди среди славян они отказались от «божественного языка», на котором в основном был написан Новый Завет, и с которого веком раньше был переведен весь Ветхий, в пользу языка нового, не устоявшегося, не всегда имеющего соответствующие понятия. Пытаясь переводить на русский, С. Аверинцев, ученый патролог и духовный поэт, и другие переводчики, не только не «профанируют православное богослужение» (а что тогда сказать о свт. Стефане Пермском, о свт. Иннокентии Московском, переводивших Евангелие и богослужение на языки весьма мало развитые), а являются продолжателями по духу дела свв. Кирилла и Мефодия. К тому же С. Аверинцев не претендует на законченность своих переводов, еще меньше на то, что они должны непременно и повсеместно заменить церковно-славянский...

Сравнение с Пушкиным не выдерживает критики. Пушкин — создатель русского литературного языка, и, в лексическом смысле, совершенно понятен. Только безумец мог бы предложить его перекладывать на якобы более понятный язык. И как раз начиная с Пушкина

* Иван Киреевский считал «ересью» Стоглавый собор, за то что на нем сакрализовалась как непогрешимая и неизменная именно форма.

русский язык приобрел те отнюдь не мирские, а священные звуки, которые делают его вполне достойным материалом для перевода священных текстов, во всяком случае более, чем, скажем, язык алеутский. Следует попутно отметить, что случаи реального, а не мнимого духовно-культурного «вандализма» в русской церкви имели место: таково забвение византийского или рублевского иконописного стиля и замена его западным, или переход на партесное пение и забвение знаменного. Но я убежден, что многие подписавшие обращение молятся перед «фряжскими» иконами, которые патриарх Никон считал необходимым сжигать, или под итальянские распевы...

Вопрос богослужебного языка сложный, и мы к нему вернемся, но никто не имеет права квалифицировать попытки приблизить церковно-славянский язык к русскому как «антиправославный модернизм», к тому же еще и «губительный». Тогда в антиправославные нужно будет записать и преп. Феофана Затворника, призывавшего к переводам на русский, и патр. Сергия, разрешившего в 1935 году службы на русском языке, и многих других. И неужели сила слова Божьего не в самом слове, а в тех различных оболочках, в которые оно облачается?

Тяжелое впечатление производит, в той же «Литературной России» (04.03.94), и обращение к Патриарху 40 деятелей науки и культуры (среди которых несколько бывших членов КПСС), «объединенных ... преданностью спасительным святыням Православия». Было бы интересно знать, что под этим выражением подразумевается? Спасительны вера, преданность Христу, исполнение Его заповедей, в первую очередь любовь к ближнему, таинства, если они принимаются с верой, а не отвлеченные святыни... Но дело не в этом культурологическом подходе к христианству, а в недопустимом тоне обращения. Формально деятели культуры просят Патриарха всего лишь разъяснить недоумения (правда, «незамедлительно»), но на самом деле им уже все совершенно ясно. О. Георгий Кочетков и его единомышленники не только «необновленцы», что позволяет

их сопоставить ни больше ни меньше как «с палачами и гонителями Церкви Христовой», они соблазн куда хуже сектантского Богородичного центра (известного своим изуверством), «они-то и являются наиболее опасными ... ибо несут разрушение церковной жизни не извне, а изнутри», «их мыслимые и немыслимые (?) формы обособления ассоциируются в сознании верующих (интересно, от чьего имени говорят деятели искусства? — Н.С.) с привносимыми извне ересями и расколами». У непредубежденного читателя такие выражения вызывают ассоциации с еще не так давно грозно звучавшими призывами (от имени масс) бороться с врагами народа, их иностранными вдохновителями и прочими интервентами. Авторы обращения обсуждают некоторые частности богослужебной практики бывшего Сретенско-Владимирского прихода, но чувствуют, что тут крамолы мало, и призывают Патриарха вскрыть «глубинный слой нарушений и искажений церковного сознания», который им непременно хочется увидеть. Тут уже недалеко и от тайного заговора... Грустно, что церковные вопросы огромной сложности и важности могут получать освещение в духе той нетерпимости, что в течение 70 лет воспитывалась в русских людях злосчастной советской системой...

Ни в обращении священнослужителей, ни в письме деятелей искусства нет ни малейшего вопрошания, ни малейшей тревоги по поводу церковной практики в современной России. Судя по всему, она им кажется идеальной и не подлежащей никаким улучшениям или приспособлениям. Такое нечувствие идет вразрез с недавним утверждением Патриарха, согласно которому «руководство РПЦ вовсе не против нововведений и их обсуждения», так как «церковная жизнь, как все на свете, нуждается в усовершенствовании». (*Московские Новости*, 17–24 апреля 1994 г.) В этих словах Патриарх выразил вселенское сознание Церкви, живущей в истории и состоящей из клира и народа, одинаково подверженных ограниченностям и слабостям. Недостаточности или нестроения были и в первохристианских

общинах (о них пишет апостол Павел), и в константиновскую эпоху (о чем горько сетовал свт. Иоанн Златоуст); в России, в частности после Смутного времени, когда распространилась, из уважения к форме, больше, чем к духу, многоголосица (одновременное совершение разных служб), или в XIX веке, когда верующие перестали поголовно причащаться и Св. Чаша выносилась втуне, или недавно, при патриархе Пимене, когда было издано запрещение причащать верующих на Пасху... Да и сейчас сколько нестроений! За крепкой стеной «фряжского», большей частью, иконостаса не слышно возгласов священника, идет как бы немая служба с песнопениями... В одном московском приходе (кстати, его настоятель подписал обращение, обличающее о. Г. Кочеткова) проскомидия переносится, вернее дублируется (нововведение!) в конце литургии оглашенных, вычитываются сотни и сотни одинаковых имен, что задерживает службу, народ, и, в частности, дети, маются (а тем временем по церкви снуют продавцы церковно-патриотических газет, их покупают и начинают тут же в церкви, во время службы, читать), в другом приходе во время чуть ли не всей литургии проводится длинная общая исповедь (та же, собственно, многоголосица, что в XVII веке) и т.д. и т.д. Мы приводим здесь эти примеры, чтобы показать, как неблагоприятно обстоит дело с участием народа в том, что названо *литургией*, т.е. делом, точнее, «действием народа». Народ не зритель и не потребитель таинства, а его деятельный соучастник, без его *аминь* оно не действительно (отчего в Православии запрещено священству служить литургию вне присутствия хотя бы одного члена Церкви). Вопрос литургических реформ сводится к доступности богослужения для более действительного участия в нем народа. Доступности и понятности богослужения препятствует извечное пономарское чтение «без чувства, без толка, без расстановки» или же переливчатое пение, поглощающее слова. Пономарское, невнятное чтение родилось от казенного исполнения служб (лишь бы вычитать побольше да побыстрей), но, конечно, усугубилось непонятностью

церковно-славянского языка. Слишком часто чтец не понимает того, что читает, не делает правильных расстановок, отчего чтение становится еще более непонятным, чем сам текст.

Как показывает традиция Церкви, *сакрального* языка в Православии не существует. Вся сложность проблемы для русской Церкви в том, что церковно-славянский язык одновременно, или, точнее, попеременно, понятен и невнятен. В одних выражениях он чрезвычайно близок к русскому и прозрачен, в других достаточно далек и темен. Однозначного и общеобязательного решения этого вопроса не может быть. Слово Божье (особенно ветхозаветные паремии и апостольские послания, некоторые псалмы) должно звучать на живом языке, или, если это кого-то смущает, на двух языках. В остальном, тактичнее и эстетичнее продолжать медленную русификацию церковно-славянского языка, длившуюся все десять веков его существования. В этом смысле четко высказался один из членов Синода, митрополит Смоленский Кирилл. Однако, в отдельных приходах переход на русский язык имеет несомненно миссионерское значение. В 30-е годы митрополит Московский Сергей давал благословение таким общинам.

Служение священнической литургии с закрытыми царскими вратами ярко выражает отчуждение народа от участия в богослужении. Это позднее явление клерикального порядка, стремление как-то литургически отметить неравенство между епископом и священником. То, что заслуженные священники получают право служить с открытыми царскими вратами (как бы приравниваются к епископу), красноречиво показывает степень клерикализации службы. О народе уже не думают, а ведь при закрытых царских вратах он лишается одного из способов участия в богослужении: зрительно за ним следить. А когда и возгласы почти до него не доходят, то что остается у бедного народа от его царственного священства, да и конкретно от его участия в литургии, в народном действии?

Вероятно, та же постепенная клерикализация службы и отчуждение народа повлекло за собой, что так

называемые «тайные» (мистические) молитвы перестали читаться вслух. Тот, кто их знает, прекрасно понимает, что ничего тайного в них нет, да и быть не может, ибо, как красноречиво писал об этом св. Иоанн Златоуст, перед лицом таинства священники и миряне равны. В прямом смысле тайнодейственными являются именно возгласы, а тайные молитвы, которые к ним приводят, наделены богословским, катехизаторским смыслом, и их-то и нужно в наше время читать во всеуслышание... И на служение с открытыми вратами, и на чтение тайных молитв свое благословение давал митрополит (будущий патриарх) Сергей. В Греции, Сирии и Ливане, на православном Западе и то и другое теперь практикуется широко.

В общине о. Георгия Кочеткова участием народа в литургии придается такое большое значение, что, согласно практике первых трех-четырех веков, не только оглашенных, т.е. еще не крещенных, но и по тем или иным причинам не причащающихся просят покидать собрание, когда начинается литургия верных. Этот суровый порядок отвечает заветам величайшего учителя Церкви, свт. Иоанна Златоуста, писавшего в праведном гневе: «если ты недостоин приобщения, то недостоин и участия в литургии верных... ты пришел, пел песнь, как бы признавая себя вместе с другими достойным Св. Тайн, потому что не вышел с другими недостойными. Почему же ты остался и между тем не участвуешь в трапезе? «Я недостоин», говоришь ты. Значит, ты недостоин общения в молитвах, ибо Дух Божий нисходит не только когда приносятся дары, но и когда поются священные песни». Несмотря на свой авторитет и силу своего слова, св. Иоанн потерпел в этой области поражение: непричащающиеся перестали выходить из храма с оглашенными или кающимися, а теперь и некрещеные остаются на литургии верных. Можно по-разному расценивать возврат к столь давней практике, видеть в нем нарочитость, искусственность, считать его преждевременным или даже вовсе неуместным, с сожалением констатируя, как далеко мы ушли от литургического реализма первых веков, но обвинять

стремящихся в этом направлении в неправославности нет никаких оснований.

Однако, в силу как раз их правоты, реформаторам богослужения грозит опасность слишком большое значение придавать в итоге все той же форме, а не духу. Возвращение обряду его исконного смысла несомненно дело благое и необходимое, и по существу, и с миссионерской точки зрения. Народ Божий должен понимать богослужение, чтобы в нем активно и достойно участвовать; надо упразднить средостения между клиром и мирянами... И тем не менее «правильное» богослужение еще не все,* оно не должно быть целью само по себе, тем паче, не должно надмевать. «Если ... знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру... а не имею любви, то я ничто».

Но, разумеется, в неизмеримо большем соблазне, чтобы не сказать в прелести, находятся те, кто, по слову Киреевского, открыто уважают более наружную форму, чем животворящий дух, придают ей мнимую непогрешимость и потому видят всюду врагов Церкви и мыслят в категориях обличений, запрещений, пресечений, а не понимания, долготерпения и любви.

* В журнале «Новая Европа» (нам непонятно, зачем православным сотрудничать в русскоязычном католическом журнале, рядящемся в православные тона, что неизбежно порождает двусмысленность), о. Георгий Кочетков несколько горделиво противопоставляет свою деятельность «официальной» Церкви.

ПРИЛОЖЕНИЯ *

I. Святитель Феофан Затворник о переводе церковной службы на современный русский язык

Есть вещь крайне нужная. Разумею новый упрощенный и уясненный перевод церковных богослужебных книг. Наши церковные песнопения все назидательны, глубокомысленны и возвышенны. В них вся наука богословская и все нравоучение христианское, и все утешения, и все устрашения. Внимающий им может обойтись без всяких других учительных христианских книг. А между тем, большая часть из этих песнопений совсем непонятна. А это лишает церковные книги плода, который они могли бы производить, и не дает им послужить тем целям, для коих они назначены и имеются. Ныне — завтра, надобно же к нему приступить, если не хотим нести укора за эту неисправность и быть причиной вреда, который от этого происходит.

II. Из материалов Священного Собора Российской Православной Церкви 1917–1918 гг.

Доклад «О церковно-богослужебном языке»
(принят решением Собора)

1. Славянский язык — основной язык нашего богослужения.
2. В целях приближения нашего церковного богослужения к пониманию простого народа признаются и права общерусского языка для богослужения.
4. Частичное применение общерусского языка в богослужении (чтение слова Божьего, отдельные песнопения, молитвы, замена отдельных слов и речений и т.п.) для достижения более вразумительного понимания

* Публикуются по тексту журнала *Христианский вестник*, № 3, 1994.

богослужения при одобрении его церковной властью желательно и в настоящее время.

5. Заявление какого-либо прихода о желании служить богослужение на общерусском языке в меру возможности подлежит удовлетворению по одобрении перевода церковной властью.

8. Высшее Церковное Управление неотлагательно должно озаботиться изданием богослужбных книг на параллельных славянском, общерусском языках.

III. Справка о благословении священнику Василию Адаменко (иеромонаху Феофану) совершать богослужение на русском языке

МОСКОВСКАЯ ПАТРИАРХИЯ
ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПАТРИАРШЕГО МЕСТОБЛЮСТИТЕЛЯ

26 ЯНВАРЯ 1935 г.
№ 168
МОСКВА

СПРАВКА

Настоящая выдана священнику Вас. Адаменко (ныне иеромонаху Феофану) в том, что, на основании определения Патриархии от 10 апреля 1930 г. за № 39, мною дано Ильинской общине г. Н-Новгорода (бывшей в руководстве у о. Адаменко) благословение совершать Богослужение на русском языке, «но с тем неременным условием, чтобы употребляемый у них текст богослужения был только переводом принятого нашей Православной Церкви богослужбного славянского текста без всяких произвольных вставок и изменений» (резолюция от 24 января 1932 г. п. 2). Сверх того, дано благословение на некоторые, ставшие для них привычными, особенности богослужения, как-то отверстие царских врат, чтение Св. Писания лицом к народу (как

в греческой церкви) и, «в виде исключения, чтение тайных молитв во всеуслышание» (п. 3).

Руководствуясь примером покойного Святейшего Патриарха, я не нахожу препятствий к тому, чтобы Преосвященные Епархиальные Архиереи, если найдут полезным, разрешали иеромонаху Феофану (или другим) то же самое и каждый в своей епархии.

Заместитель Патриаршего
Местоблюстителя

Сергий М. Московский

Управляющий делами
Патриаршего
Священного Синода

протоиерей Александр
Лебедев

В магазине Editeurs Réunis можно приобрести

**СБОРНИК
СУТОЧНЫХ ЦЕРКОВНЫХ СЛУЖБ,
ПЕСНОПЕНИЙ ГЛАВНЕЙШИХ ПРАЗДНИКОВ
И ЧАСТНЫХ МОЛИТВОСЛОВИЙ
ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ**

на русском языке

Священник В. АДАМЕНКО

(с издания 1929 г.)

YMCA-PRESS
1989

Заказы посылатъ по адресу:

Les Editeurs Réunis
11, rue de la Montagne-Ste-Geneviève,
75005 Paris

Цена:

120 фр.фр.

К.П. ПОБЕДОНОСЦЕВ И ПРИБАЛТИКА

«На крапиве не родится виноград; из лжи не выведешь правды, из смешения лжи и невежества с безумием и развратом сам собою не возникнет порядок. Что мы посеяли, то и должны пожинать», — писал К.П. Победоносцев в 1887 г.¹ Что же взрастил сам К.П. Победоносцев на «почве» Российской империи, удобряя ее своими государственными начинаниями, — «крапиву» или «виноград»?

К.П. Победоносцев (1827–1907 гг.) был профессиональным юристом, в 1859–1865 гг. занимал кафедру гражданского права в Московском университете; в 1868 г. стал сенатором; в 1872 г. — членом Государственного Совета, а с 14 апреля 1880 г. был назначен обер-прокурором Св. Синода и на этой должности пробыл 25 лет — до 19 октября 1905 г.

Широта интересов К.П. Победоносцева поражала современников. Он был автором «Курса гражданского права», активно выступал за развитие российского торгового флота. Еще в 1869 г. Победоносцев издал собственный перевод сочинения Фомы Кемпийского «О подражании Христу», а уже занимая пост обер-прокурора Св. Синода, написал целый ряд своих богословских сочинений: «Праздники Господни», «Победа, победившая мир», «Вечная память: воспоминания о почивших» и другие; занимался исправлением русского перевода новозаветных книг Священного Писания.²

За ряд статей по истории крепостного права в России Победоносцев в 1875 г. был избран в действительные члены московского Общества истории и древностей российских. Не занимая громких государственных должностей, Победоносцев, тем не менее, самым непосредственным образом влиял на государственную политику правительства Александра III. Дело в том, что, еще будучи профессором права Московского университета,

К.П. Победоносцев был приглашен преподавать законоведение великим князьям Николаю Александровичу и Александру Александровичу. Старший брат Александра III Николай Александрович умер 12 апреля 1865 г., и в 1865 г. Победоносцев, являвшийся преподавателем покойного, приступил к чтению лекций по законоведению младшему брату — Александру Александровичу, ставшему наследником престола. Отношения Победоносцева с Александром Александровичем не прерывались и после окончания курса обучения. Победоносцев все время находился с ним в самой оживленной переписке, наставлял своего бывшего воспитанника советами, а в дальнейшем, по восшествии Александра III на престол, был автором большинства манифестов, и, оставаясь как бы в тени, занимая «скромное» место обер-прокурора Св. Синода, непосредственно влиял на направление политики правительства. Идеалом правителя, по мнению Победоносцева, был «рыцарь долга» Николай I, глубоко понимавший «сердцем, где лежит центр тяжести русского национального интереса».³ Напротив, реформаторскую деятельность правительства Александра II Победоносцев оценивал резко отрицательно, никогда не скрывая от наследника престола свою неприязненную точку зрения на политику его отца. При всей консервативности оценки Победоносцевым политики Александра II, его резкая критика, причем на таком высоком уровне, вызывает только уважение. В 1879 г. он писал наследнику Александру Александровичу: «В нынешнее правительство так уже все изуверились, что ничего от него не чают. Ждут в крайнем смущении, что еще будет, но народ убежден, что правительство состоит из изменников, которые держат слабого царя в своей власти. Всю надежду возлагают в будущем на Вас и у всех только в душе шевелится страшный вопрос: неужели может и наследник когда-нибудь войти в ту же мысль о конституции? Этого бояться, об этом говорят и думают».⁴ Победоносцев неустанно внушал своему воспитаннику, что благо России — в сильной власти, в хозяине, а гибель — в конституции, в реформировании абсолютной монархии».⁵

Убийство Александра II потрясло всю Россию. Между тем К.П. Победоносцев воспринял это событие как закономерное следствие просчетов правительства. Сразу же после трагического события марта 1881 г. Победоносцев призвал Александра III править «крепкой рукой и твердой волей», не верить и не уступать «так называемому общественному мнению», ибо «это будет гибель, гибель России и Ваша... Безумные злодеи, погубившие родителя Вашего, не удовлетворятся никакой уступкой и только рассвирепеют. Их можно унять, злое семя можно вырвать только борьбой с ними на живот и на смерть, железом и кровью». ⁶ Но не к мести призывал Победоносцев. Он был свято убежден и не переставал это повторять, что все разговоры о конституции для России — это пустая, ненужная и даже пагубная болтовня, что благо для империи — в сильной самодержавной власти, в великорусской политике. Достаточно Государю сказать свое твердое слово, как вокруг него встанут истинно русские люди, готовые «вести борьбу на жизнь и смерть за благо, за всю будущность России». ⁷

Непримиримая позиция по отношению к свободомыслию не мешала К.П. Победоносцеву уважать и высоко ценить великих деятелей русской культуры своего времени. Он тепло отзывался о Ф.М. Достоевском, называя его «своим близким приятелем», ⁸ горячо ходатайствовал за предоставление материальной помощи П.И. Чайковскому. ⁹ Однако, по свидетельству современников, у самого К.П. Победоносцева друзей не было, ему только льстили и его ненавидели. ¹⁰ Русский философ К.Н. Леонтьев, говоря о К.П. Победоносцеве, отмечал: «Он как мороз: препятствует дальнейшему гниению, но расти при нем ничто не будет. Он не только не творец, он даже не реакционер... мороз». ¹¹ Даже горячий поклонник Победоносцева, идеолог русского дворянства князь В. Мещерский, в своем письме ему от 12 июля 1887 г. признавался: «...у Вас где-то близко к горячему и доброму сердцу есть какой-то резервуар холодной воды, которого я боюсь до последней степени». ¹²

Являясь сторонником сильной центральной власти, Победоносцев был одним из инициаторов националь-

ной политики правительства Александра III, которая характеризовалась решительной русификацией национальных окраин.

Основными задачами своей государственной деятельности К.П. Победоносцев считал охранение самодержавия, укрепление Православной Церкви, возрождение и развитие самобытности и русского национального самосознания. ¹³ В этой связи «строптивые» национальные окраины только расшатывали устои сильной царской власти, и значит — устои государства. В единой Российской империи нет и быть не должно много самобытностей: прибалтийской, польской и др. Есть только одна самобытность — российская, всей России в целом, которая должна осуществиться через развитие и распространение русского национального самосознания среди всех народов империи. Политика русификации, являясь одной из самых печальных страниц в истории Латвии, вместе с тем остается и одной из самых наименее изученных. Как правило, она трактовалась достаточно односторонне — в смысле усиленного введения русского языка в народное образование и официальное делопроизводство. Вместе с тем речь шла не просто о замене существовавшего немецкого влияния на русское, не просто о борьбе центральной власти с сепаратизмом прибалтийских губерний. Вопрос ставился значительно глубже: основное — это добиться скорого и прочного сплочения местного населения с «великой Русской семьей», ¹⁴ слияния через язык, вероисповедание, через ликвидацию всех региональных различий. Прибалтика всегда находилась в сфере пристального внимания К.П. Победоносцева. Очень умело и расчетливо Победоносцев заботился о том, чтобы будущий правитель России не забывал о наличии в империи региона, бесцеремонно претендующего на свой, самобытный путь развития. В 1869 г. он настоятельно советовал Александру Александровичу ознакомиться с критикой прибалтийских порядков в «Окраинах России» известного славянофила Ю.Ф. Самарина, а также с полемическим письмом М.П. Погодина к апологету прибалтийской

самобытности К. Ширрену, «зная, что Вы интересуетесь остзейским вопросом»,¹⁵ с большой теплотой рекомендуя Самарина как «крепкого и грозного представителя и русской веры, и русского ума и сердца». ¹⁶ В 1881 г. Победоносцев представил Александру III одну из первых книг на латышском языке, напечатанную кириллицей. ¹⁷ Победоносцев постоянно проводил мысль о том, что «в Российском государстве не может быть отдельных властей, независимых от центральной власти государственной». ¹⁸ В этой связи сепаратизм Прибалтийского края его не просто раздражал, он являл собой прекрасный пример того, к чему приводит неправильная внутренняя политика правительства. По словам Победоносцева, «вся ошибка тогдашнего правительства (т.е. правительства Александра II — А.Г.) состояла в широком доверии к легальности правительственных классов края, о которой сами они постоянно свидетельствовали в своих адресах, мемориях, записках и т.д., а также в надежде на политический такт, в силу давней политической роли их в крае». ¹⁹

Сферой постоянных забот обер-прокурора Св. Синода являлось укрепление положения Православной Церкви как во всей Российской империи в целом, так и в отдельных ее регионах. Победоносцев считал, что в охране Православия состоит не только исторический долг России, но это является и основной потребностью ее существования. ²⁰ «В настоящее время народ наш смотрит на отступление от православной веры, как на измену отечеству»; ²¹ между тем как в прибалтийских губерниях Православная Церковь и православные находятся в стесненном положении, подвергаются постоянным унижениям со стороны местных органов власти, которые угнетают православных «во имя неприкосновенности» прав и привилегий «остзейского дворянства и лютеранской Церкви». ²² А тем временем местное население прибалтийских губерний «взывает к престолу о даровании ему прав, общих со всеми русскими подданными, но дворянство пользуется всеми своими могущественными средствами, чтобы пресечь или извратить народный вопль к престолу». ²³

Основные положения церковной политики правительства в прибалтийских губерниях были сформулированы К.П. Победоносцевым в опубликованных в 1887–1888 гг. в центральной российской прессе ответах обер-прокурора Св. Синода президенту и членам реформатских швейцарских союзов. В письмах к Победоносцеву швейцарские пасторы попытались защитить положение Лютеранской Церкви в Прибалтике, обвинили российское правительство в притеснении лютеран прибалтийских губерний. ²⁴ В своих ответах на эти обвинения К.П. Победоносцев, отождествляя Православие с центральной властью, а Лютеранскую Церковь с местной, прибалтийской формой самоуправления, подчеркнул, что Православие пользуется «особенным нерасположением со стороны лютеранского духовенства и дворянства как такая вера, которая духовно связывает туземцев с многомиллионным народом и Царем русским, и колеблет самые основы остзейской исключительности». По мнению Победоносцева, правительство, укрепляя положение Православной Церкви в Прибалтике, только стремится «освободить религиозную совесть в крае от угнетений лютеранской исключительности». ²⁵

Победоносцев назвал прибалтийско-немецкое дворянство «историческим врагом» российского правительства; меры же, принятые правительством в Прибалтике, только покончат со «стеснением в крае всяких попыток к единению с общим отечеством его — Русским Государством, в особенности с Православной Церковью». В Российской империи «западные исповедания не свободны от мирских видов, от посягательств на могущество и даже целость России». ²⁶ В прибалтийских губерниях правительство действительно ведет борьбу, однако не наступательную, а оборонительную, так как «знаменем лютеранства в остзейском крае прикрываются грубые земные побуждения и война во имя мирской корысти и земной власти, а не во имя «царства не от мира сего». ²⁷ Лютеранские школа и Церковь старались оторвать крестьян от России и «привлечь к Германии», ²⁸ Православие же «дворяне и пасторы отождествляют с русской

национальностью. Действуя против Православия, они укрепили свою власть и искали в этом гарантии против реформ крестьянского быта, управления и суда». ²⁹ Правительство «не может оставаться равнодушным, когда оно ясно видит, какие преступные стремления прикрываются именем религиозной совести в наших западных окраинах, т.е. в бывших польских областях и в остзейском крае». ³⁰ Таким образом, Победоносцев не только обосновывал необходимость укрепления Православия в прибалтийских губерниях, но и пытался придать действиям правительства в вероисповедном вопросе вид законной защиты интересов местного населения от преследований со стороны лютеран за инакомыслие, ведь население всего края взывает к престолу о даровании ему прав, общих со всеми русскими подданными. ³¹

Активными проводниками правительственной политики по ассимиляции местного населения через православное вероисповедание выступали губернаторы прибалтийских губерний, воплощая идеи К.П. Победоносцева. В 1883 г. светские власти Эстляндской губернии инсценировали переход нескольких сот крестьян губернии в Православие в день коронации императора Александра III. ³² 4 апреля 1885 г. губернатором Эстляндской губернии был назначен князь С.В. Шаховской. Первый же его отчет об управлении губернией был удостоен благосклонного внимания Александра III. Напротив слов Шаховского о том, что с «распространением Православия падает сила чужеземного строя», Александр III написал: «Этого-то я так горячо и желаю!» ³³ Поощряемый правительством, С.В. Шаховской развивал мысль о необходимости положить в основу правительственной политики по ликвидации сепаратизма прибалтийских губерний распространение Православия среди местного населения. В 1887 г. он писал: «Весь так называемый Остзейский вопрос разрешается только и единственно путем присоединения местного населения к Православию... Не забывайте, что Россия и Православие синонимы... Главнейшая наша задача здесь — это чтобы местные народности слились по вере с Россией и, укрепившись в вере, восчувствовали, что не только

их материальное, но и духовное благо зависит существенно от полного смешения с великой Православной русской семьей». ³⁴

Не отстали от Шаховского в своем служебном рвении и губернаторы других прибалтийских губерний. По мнению Курляндского губернатора К. Панченко, высказанному им в 1885 г., «расширение православной паствы должно быть одной из главнейших задач местной духовной власти... школа и Церковь, действуя солидарно и влияя неразрывно друг на друга, явились бы мощными двигателями русских начал в здешнем крае». ³⁵ В свою очередь Лифляндский губернатор М. Зиновьев считал, что «православное духовенство имеет все шансы рассчитывать на успех при воздействии своим на уклоняющихся из Православия, в особенности если придет ему на помощь правительство лучшей организацией церковных попечительств и школьного дела». ³⁶

Распространяя административным путем Православие, светские органы власти пытались втянуть в этот процесс православное духовенство Рижской епархии. Так, по просьбе М. Зиновьева, епископ Рижский Донат (Бабинский) в 1887 г. поручил духовенству епархии огласить во всех церквях письмо к нему Лифляндского губернатора с перечислением всех мер наказания, которым по законам империи подвергаются отступники от Православия или те, кто не соблюдает свои обязанности по отношению к Православию. ³⁷ Еще 26 июля 1885 г., указом царя, в прибалтийских губерниях было восстановлено действие закона, по которому духовенство при бракосочетании жениха и невесты разных вероисповеданий должно было брать с них подписку об обязательном крещении и воспитании детей, рожденных от такого брака, в Православии. ³⁸ Указом от 5 марта 1885 г. Лифляндский губернатор получил право возбуждать дела об уголовном преследовании пасторов за «преступления, нарушающие права господствующей Православной Церкви». ³⁹ В 80-90-х годах, по инициативе светских органов власти, был наказан ряд пасторов прибалтийских губерний, попытавшихся выступить

«против порядка правления», т.е. за противоборство русификаторской политике правительства. Так, 29 августа 1888 г., по повелению Александра III, были высланы под надзор полиции в Смоленскую губернию на два года пасторы Вильгельм Гарф и Готфрид Поорт, с запрещением им навсегда заниматься проповеднической деятельностью в прибалтийских губерниях. Вина этих пасторов заключалась в том, что 13 сентября 1887 г., при освящении возобновленной в Кокнесе церкви, они сказали в своих проповедях, что «пришли тяжкие для нас времена, явились чуждые нам люди, лишаящие нас свободы, притесняющие дорожную религию и отнимающие у нас школы... хотя мы и недостаточно сильны, чтобы бороться против нашего исконного врага, мы тем не менее должны отстаивать свои права, школы и свою религию».⁴⁰

Чтобы привлечь местное население к Православию и поднять авторитет господствующей в империи конфессии, в 80-90-х годах XIX века в Прибалтике было развернуто массовое строительство православных церквей. 17 августа 1874 г. в распоряжение МВД было выделено на 6 лет 900 тыс. рублей для постройки в Риге кафедрального собора и ремонта церквей Рижской епархии.⁴¹ Ремонт православных храмов Рижской епархии действительно был необходим. В 40-х годах XIX века, во время массового перехода латышских и эстонских крестьян в Православие, храмы строили наскоро, часто из сырого, некачественного лесоматериала. В результате, по сведениям на 1871 год, из 147 церквей Рижской епархии только 69 находились в удовлетворительном состоянии, остальные же размещались либо в крестьянских избах, арендуемых помещениях, в зданиях для военного поста, либо находились в аварийном состоянии.⁴² Положение усугублялось еще и тем, что приходы в большинстве своем составляло крестьянство, поэтому, несмотря на все усилия православного духовенства, собственных средств приходов на поддержание храмов в должном состоянии катастрофически не хватало. 1 февраля 1876 г. министр внутренних дел А.Е. Тимашев утвердил «Положение о строительстве

православных церквей в Лифляндской, Эстляндской и Курляндской губерниях». По этому «Положению», контроль за церковным строительством в Прибалтике выходил из компетенции Св. Синода, а осуществлялся МВД.⁴³ Тем не менее, строительство православных храмов в прибалтийских губерниях в 70-х годах шло очень медленно, а отпускаемых правительством средств на строительство новых и ремонт старых православных церквей не хватало. К тому же местные помещики, не заинтересованные в усилении православного вероисповедания, не поддерживали меры по строительству новых православных храмов и расширению приходов. По словам епископа Доната, помещики «или соглашались уступить под православные постройки самые неудобные участки, притом за невозможную великую плату, или вовсе отказывались продать их православному духовенству за какое бы ни было вознаграждение».⁴⁴ В 1886 г. правительством были изданы откровенно тенденциозные «Правила о порядке отчуждения и занятия частных недвижимых имуществ для надобности Православной Церкви, молитвенных собраний, кладбищ, приютов и школ в Прибалтийских губерниях».⁴⁵ Были резко увеличены затраты на строительство православных церквей и школ в Рижской епархии. В результате, только в период руководства епархией архиепископом Арсением (Брянцевым, 1887–1897 гг.) было капитально отремонтировано или построено заново 67 православных церквей. 28 октября 1884 г. состоялось торжественное освящение Рижского Христо-Рождественского кафедрального собора, на постройку которого правительство истратило сумму в 561.504 руб.⁴⁶ На торжества по освящению нового собора прибыл сам обер-прокурор Св. Синода К.П. Победоносцев.⁴⁷ В 1884 г. было повышено жалование причту Рижской епархии.⁴⁸ Пользуясь моральной и материальной поддержкой правительства, Православная Церковь Прибалтики в 80–90-х годах XIX века укрепила свое правовое и материальное положение. В этом она не только сравнялась с Лютеранской Церковью, но по своему статусу стала в прибалтийских губерниях, как и во всей империи, «государственной».

Поощрительные меры правительства по повышению авторитета Православной Церкви способствовали притоку местного населения в Православие. Так, в 1883 г. в Рижской епархии 3 тысячи латышей и эстонцев были присоединены к Православию; в 1884 г. — свыше одной тысячи; в 1885 г. — 1500 человек.⁴⁹ Максимальное количество относится к 1886 г., когда в Рижской епархии в Православие перешло 5.773 человека.⁵⁰ В 1887 г. к Православию присоединились из латышей и эстонцев 3.061 человек.⁵¹ К концу 80-х годов количество присоединений уменьшается. Так, в 1889 г. уже только 1096 жителей прибалтийских губерний перешли в Православие.⁵² В дальнейшем среднее число переходивших в Православие в Рижской епархии в год не превышало тысячи человек. Следует отметить, что переход в Православие в 80-х годах XIX века в основном затронул Эстляндскую губернию, где до этого было лишь несколько малочисленных православных приходов. Это можно объяснить служебным рвением светской администрации губернии и отсутствием такового в среде православного духовенства Лифляндской губернии, где православные составляли 14% населения. По словам самих крестьян, в 40-х годах XIX века «немцы сами вогнали нас в русскую веру батогами и шпицрутенами»,⁵³ т.е. нерешенным аграрным вопросом и политическим бесправием крестьянства. Переход в Православие в 80-х годах, в отличие от стихийного движения 1845-1848 гг., был организован светскими органами власти империи.

В целом нельзя утверждать, что управление Рижской епархией, несмотря на сильное давление на него со стороны Св. Синода и светских органов власти, активно поддерживало русификаторскую политику. В вопросах, которые затрагивали улучшение материального положения епархии, епархиальное управление поддерживало центральные органы власти. Что же касается приходского православного духовенства, то оно старалось выполнять распоряжения епархиального начальства и следило за соблюдением буквы закона, и не его вина, что законы были в пользу Православной Церкви. Сюда

же примешивалась и обида за причиненные унижения в период, когда правительство, издавая законы по охране Православия от «посягательств» со стороны других конфессий, на практике за соблюдением этих законов в Прибалтике не следило. В результате православные крестьяне, при попустительстве местных органов власти, подвергались экономическим репрессиям со стороны местных помещиков, а вокруг православных прихожан и самой Православной Церкви епархии складывался неблагоприятный психологический климат. Тем не менее, в 80-х годах, когда статус Православной Церкви в прибалтийских губерниях кардинально изменился, нельзя констатировать случаев, чтобы инициатива мероприятий по проведению русификаторской политики исходила от епархиального управления или приходского духовенства. Она всегда принадлежала центру, Св. Синоду или светским органам центральной и местной власти.

Так что же было «посеяно» трудами К.П. Победоносцева? В истории России отчетливо прослеживаются три периода, надломивших духовную силу русского общества. Первый раз эта сила была поколеблена в конце XVII века расколом Церкви, который заставил людей сомневаться в авторитете и непогрешимости церковной иерархии, породил в обществе сомнения, вселил мысль о возможности компромисса с Богом и, как следствие этого, положил начало обмирщению общества. Второй удар по авторитету Православной Церкви нанес Петр I, ликвидировав Патриаршество, превратив Церковь в составную часть государственного управления империи, а само Православие — в государственное вероисповедание. По словам Г.П. Федотова, «весь духовный опыт денационализации России, принятый Лениным, бледнеет перед делом Петра... который сумел на два столетия обезвредить и обезличить национальные силы Православия».⁵⁴ Третий сокрушительный удар Православной Церкви был нанесен в 80-90-х годах XIX века при непосредственном участии К.П. Победоносцева, когда закончился процесс политизации верхушки церковной иерархии, слияния ее с

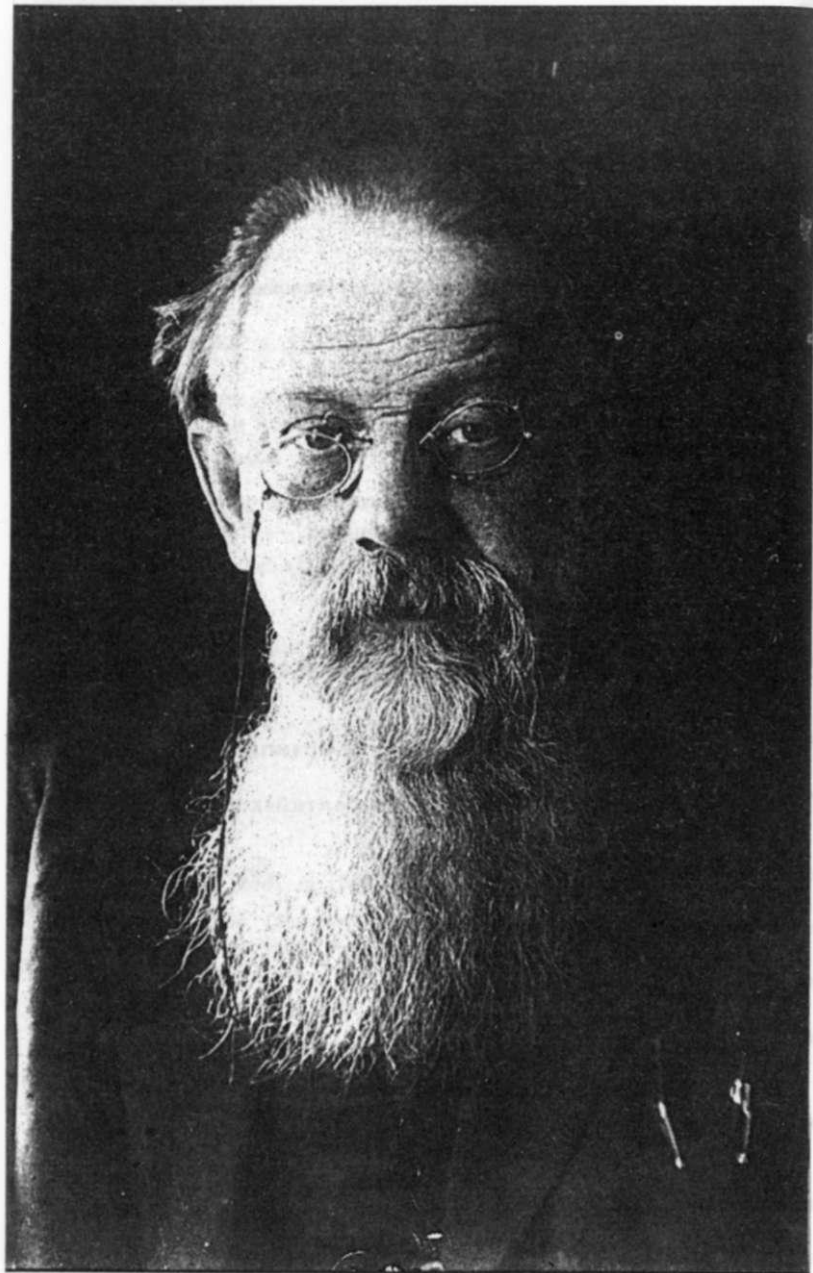
политикой правительства, а Православие, по выражению В. Соловьева, стало «казенным». ⁵⁵ Обвиняя прибалтийско-немецкое дворянство в стремлении «к достижению чуждых религии политических стремлений», ⁵⁶ Победоносцев сам в эти «стремления» вверг Православную Церковь. Внешне это давало Православной Церкви силу, внутренне — нанесло ей непоправимый вред. Росло материальное благополучие Православной Церкви, ее внешнее влияние в империи, влияние на общегосударственные дела, но, с другой стороны, падал ее авторитет в обществе. Не Православия, а Православной Церкви, церковной организации.

Что же касается Прибалтики, то политика русификации вместо планируемого сближения латышей и эстонцев с «великой русской семьей» вызвала в среде местного населения только обратную реакцию. Если до начала реализации этой политики коренное население Прибалтики видело в центральном правительстве потенциального союзника в борьбе с прибалтийско-немецким привилегированным меньшинством, то в ходе ее латыши и эстонцы от лояльности к правительству переходят к непримиримой позиции. Русификаторская политика нанесла болезненный удар по латышским и эстонским православным приходам. «Богу Богово, кесарю — кесарево» было забыто правительством и Св. Синодом, но не простыми прихожанами. Несмотря на то, что православное духовенство Рижской епархии в целом старалось не вмешиваться в политические игры правительства, среди местного населения распространялась мысль о политическом характере Православной Церкви и, как следствие этого, определенная индифферентность в вопросах веры. И не поощрительные меры правительства и Св. Синода сохранили и укрепили православные приходы Рижской епархии, не шумная мирская суэта, далекая от духовных помыслов, а тихая, незаметная деятельность приходского православного духовенства, благодаря которой не произошло после объявления 17 апреля 1905 г. свободы вероисповедания массового возвращения православных латышей и эстонцев в Лютеранство, как ожидали противники Православия.

- 1 К.П. Победоносцев и его корреспонденты. Письма и записки. — М., 1923, с. 651.
- 2 Прибавления к «Церковным Ведомостям». — 1905 г., № 44, с. 1861-1865.
- 3 Письма Победоносцева Александру III. — М., 1923, т. 1, с. 65.
- 4 Там же, с. 249.
- 5 Там же, с. 52-54, 67, 194, 249-250.
- 6 Там же, с. 314-315.
- 7 Там же, с. 317.
- 8 Там же, с. 310.
- 9 Там же, с. 342.
- 10 К.П. Победоносцев и его корреспонденты. Письма и записки. — М., 1923, с. 778.
- 11 Бердяев Н.А. Константин Леонтьев. — Париж, 1926, с. 141-142.
- 12 К.П. Победоносцев и его корреспонденты. Письма и записки. — М., 1923, с. 728.
- 13 Прибавления к «Церковным Ведомостям». — 1905, № 44, с. 1862.
- 14 Из речи великого князя Владимира Александровича на встрече с представителями Дерпта (Тарту) в 1886 году. — См. «Копец балтийского вопроса». — Русский Вестник, 1886, № 7/8, с. 407.
- 15 Письма Победоносцева Александру III. — М., 1923, т. 1, с. 10.
- 16 Там же, с. 43.
- 17 «Русскую азбуку для латышей» Н.П. Крауклиса. — Там же, с. 309.

- ¹⁸ К.П. Победоносцев и его корреспонденты. Письма и записки. — М., 1923, с. 508.
- ¹⁹ К.П. Победоносцев — Д.А. Толстому 11 марта 1887 г. — Центральный Государственный исторический архив С.-Петербурга, ф. 797, оп. 57, II отд., 3 ст., д. 85, л. 64.
- ²⁰ Прибавления к «Церковным Ведомостям». — 1888 г., № 7, с. 168.
- ²¹ ЦГИА С.-Петербурга, ф. 797, оп. 57, II отд., 3 ст., д. 1, л. 64.
- ²² Там же, д. 85, л. 39-73.
- ²³ ЦГИА С.-Петербурга, ф. 797, оп. 57, II отд., 3 ст., д. 1, л. 22.
- ²⁴ Там же, л. 21-22.
- ²⁵ Там же, л. 23.
- ²⁶ Прибавления к «Церковным Ведомостям». — 1888, № 7, с. 167-169.
- ²⁷ ЦГИА С.-Петербурга, ф. 797, оп. 57, II отд., 3 ст., д. 1, л. 23-24.
- ²⁸ Там же, л. 63.
- ²⁹ Там же, л. 64.
- ³⁰ Там же, л. 65.
- ³¹ Там же, л. 22 об.
- ³² Высоцкий И.И. Очерки истории объединения Прибалтики с Россией (1710-1910). Рига, вып. 3, с. 4.
- ³³ ЦГИА С.-Петербурга, ф. 796, оп. 167, д. 2341, л. 1.
- ³⁴ Из архива князя С.В. Шаховского. Материалы для истории недавнего прошлого Прибалтийской окраины (1885-1894 гг.) — СПб, 1910, т. 3, с. 5, 32.
- ³⁵ ЦГИА С.-Петербурга, ф. 796, оп. 167, д. 948, л. 5.
- ³⁶ Там же, ф. 821, оп. 5, д. 281, л. 22. Александр III согласился с этим мнением Зиновьева. — Там же, л. 31.

- ³⁷ Там же, ф. 797, оп. 57, II отд., 3 ст., д. 185, л. 55.
- ³⁸ Там же, ф. 821, оп. 5, д. 281, л. 53.
- ³⁹ Там же, д. 1547, л. 189.
- ⁴⁰ Там же, д. 1552, л. 89-90; д. 1553, л. 39-41, 64.
- ⁴¹ Высоцкий И.И. Очерки... с. 24-25.
- ⁴² Латвийский Государственный исторический архив, ф. 6360, оп. 1, д. 3, л. 33-34.
- ⁴³ Там же, ф. 6088, оп. 1, д. 520, л. 44-45.
- ⁴⁴ Историко-статистическое описание церквей и приходов Рижской епархии. — Вып. 2, ч. 2, с. 123.
- ⁴⁵ Василевский А. Сборник узаконений и распоряжений о крестьянах в Прибалтийских губерниях. — Ревель, 1893, ч. 3, с. 148-151.
- ⁴⁶ ЛГИА, ф. 4754, оп. 2, д. 143, л. 189.
- ⁴⁷ Rīgas Jaunās katedrālbaznīcas iesēdētīšanas svētki. — R. 1885, 5. lpp.
- ⁴⁸ Сахаров С.П. Рижские православные архипастыри... с. 27.
- ⁴⁹ Православие и Лютеранство в Прибалтийском крае. — СПб., 1911, с. 55.
- ⁵⁰ ЦГИА С.-Петербурга, ф. 796, оп. 167, д. 2669, л. 85.
- ⁵¹ Там же, оп. 168, д. 2546, л. 84-85.
- ⁵² Там же, оп. 170, д. 2681.
- ⁵³ Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. — Рига, 1882, т. 4, с. 556.
- ⁵⁴ Федотов Г.П. Трагедия интеллигенции. — О России и русской философской культуре. — М., 1990, с. 419.
- ⁵⁵ К.П. Победоносцев и его корреспонденты... с. 970.
- ⁵⁶ ЦГИА С.-Петербурга, ф. 821, оп. 5, д. 280, л. 154.

К 50-летию со дня смерти П.Б. СТРУВЕ
(26.2.1944)

Отклики на кончину

ПИСЬМО С.Л.ФРАНКА А.П.СТРУВЕ

29.II.1944

Дорогой Ляля,*

Как громом поразило меня твое письмо, когда я его спокойно распечатал, думая найти в нем обычные текущие новости и узнав вдруг о кончине папы!

Мое горе не меньше вашего. Я потерял друга всей моей жизни, ни с каким другим несравнимого, совершенно единственного. Мы сошлись с ним с первой встречи, более 45 лет тому назад, я ему обязан бесконечно многим в моем умственном и духовном развитии; и с первой встречи и до конца я всегда имел ощущение, что понимаю его с полуслова, что он раньше и лучше меня высказывает все мысли, которые у меня только начинали шевелиться, и что он так же понимал меня. И так мы шли с ним в жизни 45 лет. Теперь я чувствую себя сиротой на свете.

Он умер поистине «на славном посту», творя и работая до последнего мгновения. Лучшей смерти нельзя и желать. Оценят его по-настоящему будущие поколения, как мыслителя и деятеля; но личность его, это дивное сочетание юношеской чистоты, юношеского горения сердца с великой мудростью — эту личность могут оценить только те, кто имел счастье быть его другом.

Вы, его дети, остаетесь носителями великого имени. Берегите его наследие во всех смыслах.

Прошу вас сохранить для меня какую-нибудь память от него — его перо, или карандаш, или книгу, которую он читал перед смертью.

Обнимаю нежно тебя и Адю, и всех твоих. Сейчас же пишу Малер, чтоб она уведомила Глеба.

С.Франк.

Дорогой мой Ляля, всем сердцем переживаю смерть папы — Нюнич так хорошо написал, что он значил для него — и так же в ином смысле и для меня — дай Бог вам все перенести.

ПИСЬМО И.А. БУНИНА А.П. СТРУВЕ

6 марта 1944 г.

Grasse, A.M.

Милый, родной Алексей Петрович, пишу с опозданием — видит Бог, что истинно не нахожу слов, чтобы выразить все то, что чувствую при мысли о потере моего незабвенного Друга и совершенно необыкновенного человека! Обнимаю Вас с горячей любовью, прошу передать всем Вашим мое самое сердечное сочувствие, целую руку дорогой Катерине Андреевне.

Ваш Ив. Бунин

* Оба письма печатаются впервые. Упоминаются в письмах сыновья П.Б.Струве: адресат Алексей Петрович (Ляля, 1899-1976), Аркадий (1904-1951), Глеб (1898-1986), жена А.П.Струве Екатерина Андреевна Катуар (1896-1978), Елизавета Малер, профессор Базельского Университета. За письмом С.Л.Франка следует приписка его жены Татьяны Сергеевны Барсовой.

Татьяна ТРУСЕВИЧ

П.Б. СТРУВЕ И ЦЕРКОВНАЯ СМУТА В ЭМИГРАЦИИ по материалам газеты «Возрождение»*

Значение православной Церкви в жизни русского зарубежья в период с 1919 по 1939 г. было велико. Церковь стала центром культурной, просветительной и благотворительной деятельности, ее учение и молитва сделались источником обновления и очищения. Самоуправляющаяся приходская община, ставшая в изгнании характерной для русской Церкви, объединила русских эмигрантов, весьма разных по социальной принадлежности и политическим взглядам. Кроме приходов, благотворительных обществ, юношеских организаций, приютов, самым значительным творческим явлением в духовной жизни эмиграции явилось создание Богословского института. Основанный в Париже митрополитом Евлогием, православный Богословский институт с первых же лет своего существования стал, по выражению прот. В. Зеньковского, «центром свободы богословских изысканий» и подготовки пастырей для зарубежья.

Однако доброе, положительное и значительное в церковной жизни эмиграции сопровождалось напряженной борьбой, разногласиями внутри церкви, которые в прессе тех лет назывались, в зависимости от степени полемики, по-разному: распря, буря, разрыв, кризис. В «Воспоминаниях» митрополита Евлогия (Георгиевского), написанных по его рассказам Т. Манухиной, представляющих собою труд, излагающий полную биографию архипастыря, с 1921 года принявшего на себя управление православными церквами в Западной Европе, этот период разброда и внутренней борьбы назван сдержанно и точно: «церковная смута».¹

* Глава из кандидатской работы на тему «Первые годы газеты «Возрождение». Опыт анализа (1925-1927)».

Вопрос о церковно-правовых полномочиях заграничного Церковного управления и Епископского синода, сформировавшихся по ликвидации Временного Церковного Управления и после эвакуации Крыма переехавших сначала в Константинополь, а затем в Сербию, история возникновения и развития церковных разногласий, канонические основы полномочий митрополита Евлогия, за которые он был ответственен и которые определили направление его церковного пути, — все это разнообразно, порою противоречиво освещалось в печатных изданиях русской эмиграции.²

Однако до сегодняшнего дня не существует труда, который бы дал исторически последовательное и документированное освещение фактов церковного раскола, сохраняя беспристрастность, сдержанность при оценке деятельности зарубежных иерархов и стоявших за ними политиков, оказавшихся во враждующих группировках. На факт отсутствия подобного труда указывает Н.А. Струве в предисловии, предваряющем публикацию писем крупнейшего религиозного мыслителя С.Л. Франка к дипломату и церковному деятелю кн. Г.Н. Трубецкому.³

Тем большую ценность представляют свидетельства современников и материалы периодики тех лет, проливающие свет на события смутного времени в церковной жизни зарубежья. В этом отношении особое место принадлежит «Возрождению», которое не только разъясняло и комментировало события церковного раздора, но статьями и выступлениями таких людей, как А.В. Карташев, П.Б. Струве, кн. Г.Н. Трубецкой делало все возможное для предотвращения раскола.

Не вдаваясь в изложение уже известных фактов, следует напомнить, что первые разногласия между митрополитом Евлогием, тогда архиепископом, управляющим Западноевропейской епархией (что подтверждалось указом патриарха Тихона от 8 апреля 1921 года), и Архиерейским синодом в Сербии выявились на монархическом съезде в Рейхенгале.⁴ С болью писал митрополит Евлогий о нежелании митрополита Антония (Храповицкого), председателя Церковного управ-

ления, упраздненного и переименованного во Временный Архиерейский синод, увидеть всю политическую подоплеку церковного съезда в Сремских Карловцах, который с канонической точки зрения не являлся собором русской Церкви. Послания и постановления съезда, получившие название «соборных» и тем самым приобретающие более веское значение, были приняты в духе монархически настроенной группы и продиктованы властолюбивыми политическими устремлениями окружения митрополита Антония.⁵ В резко проявившихся на соборе политических тенденциях, в сложности органов церковного управления, созданных карловацким собранием, которые были лишены действительной силы и повседневной работы, в претензии отдельных духовных руководителей эмиграции поучать и руководить и заключался главный недостаток карловацкого собрания. Оно бросило семена внутреннего разложения в церковную жизнь, фактически подготовило церковное раздробление беженства. Последовавшие за 1921–1922 гг. события развивались с драматической быстротой: Архиерейские соборы 1923 и 1924 гг., дискуссии по поводу новой системы церковно-административного устройства зарубежной Церкви, излишняя уступчивость митрополита Евлогия, согласившегося на сохранение Архиерейского синода и собора в качестве органов церковного управления, не настоявшего, в целях миролюбия, на полном исполнении определений указа св. патриарха Тихона, закреплявшего за ним управление всеми русскими заграничными приходами, все усиливавшиеся с 1925 г. стремления Архиерейского синода к самочинному провозглашению автокефалии и разрыву канонической связи с Московским Патриархатом, разногласия по вопросам высшего руководства религиозной жизнью русских — все это привело к открытому разрыву между двумя церковными направлениями в 1926 году.⁶

Внешней отправной точкой зарубежного церковного раскола стало вычленение Архиерейским собором в 1926 году Берлинского викариатства из Западноевропейской митрополии, возглавляемой митрополитом

Евлогием, и превращение этого викариатства в самостоятельную епархию, возглавляемую епископом Тихоном, с подчинением его Архиерейскому синоду. Процесс расширения власти Архиерейского синода и расчленения Западноевропейской епархии перешел на соборе 1927 года в фазу открытых наступлений на митрополита Евлогия, единственного из епископов, обладавшего каноническими правами и справедливо отстаивавшего независимость своего положения.

Именно в этот самый тяжелый и решающий период зарубежного церковного раскола «Возрождение» встало на сторону митрополита Евлогия, выражая ему свою поддержку и регулярно разъясняя своим читателям смысл происходящих в жизни Церкви событий.

Первая публикация сообщения, озаглавленного «По поводу Архиерейского собора в Сремских Карловцах», была сделана «Возрождением» 24 июля 1926 года. Редакция ограничилась перепечаткой постановлений Архиерейского собора в том виде, как они появлялись в «Новом Времени», предостерегая при этом читателей от поспешных заключений, могущих привести к неверному истолкованию событий и церковному раздору. «Возрождение», не желая верить в непоправимость ситуации, писало:

«Есть лишь тягостная угроза церковному единению. И все силы и помыслы верующего русского православного зарубежья должны быть устремлены на то, чтобы не дать этой тягостной угрозе воплотиться в действительность».⁷

Путеводной нитью, способной вывести православное зарубежье из тупика, по мысли автора передовой, являлось «твердое и неуклонное хранение сложившихся устоев православной Церкви за рубежом в духе верности заветам и указаниям главы Церкви — почившего патриарха Тихона и его преемников. Убежденное следование этому пути одно лишь способно обеспечить Церкви мир и порядок. Следуя этому пути, любовные усилия иерархов, духовенства и мирян должны устранить пагубную угрозу церковного раздора».⁸

Через несколько номеров «Возрождение» напечатало две статьи об Архиерейских соборах и митрополичьих округах в Западной Европе и в Северной Америке, дающие полную справку об источнике канонических прав митрополитов Евлогия и Платона. Спокойные по тону и документально выдержанные, эти статьи проливали свет на существо церковных дел со времени образования Высшего Церковного Управления до событий Архиерейского собора в октябре 1924 года, когда вопрос об отмене автономии западноевропейского округа впервые вызвал решительный протест митрополита Евлогия.

«Ясно, — писало «Возрождение», — что полномочия, данные Патриархом, может отменить только он сам или его законный заместитель, и, защищая эту, единственно правильную, каноническую точку зрения, митрополит Евлогий исполняет свою прямую обязанность, от которой не имеет права уклониться, ибо она возложена на него Патриархом».⁹

И. Никаноров, регулярно освещавший события церковной жизни на страницах «Возрождения», в связи с каноническими осложнениями, возникшими на соборе 1926 г., писал, что мирное течение зарубежной церковной жизни нарушено действиями, постановлениями Архиерейского собора, стремящегося к перемене церковной власти в зарубежье, а не упорством митрополита Евлогия, права которого на управление православными церквями в Западной Европе, полученные им от патриарха Тихона, неоспоримы и непререкаемы. Выделение Архиерейским собором германской епархии, совершенное на соборе в отсутствие митрополита Евлогия, и передачу германского викариатства с возглавлением его епископом Тихоном под омофор Архиерейского синода «Возрождение» рассматривало, во-первых, как вопиющий факт нарушения распоряжений патриарха Тихона и митрополита Петербургского Вениамина, а во-вторых, как определение, противоречащее 67-му правилу Карфагенского собора.

...Епископ Тихон, вызывая к себе отдельных членов причта германских приходов, стремился

путем частных переговоров закрепить за собою сторонников и приверженцев. Это все больше похоже на агитацию, а не на обоснованные канонические действия,

— заключал И. Никаноров свою статью о церковно-канонических осложнениях в православных приходах Тегеля, Берлина, Бадена и Висбадена.⁸

Важное значение для понимания церковных дел имела передовица, предвзявшая обращение митрополита Евлогия к пастве, полный текст которого газета опубликовала в августе 1926 года.⁹ Разъяснительная по своему характеру, эта статья, явно принадлежащая перу П.Б. Струве, представляла собою исчерпывающий анализ создавшегося в зарубежной Церкви положения и четко выражала позицию «Возрождения», всемерно призывая архипастырей и мирян к церковному миру, возможному только на основе канонической правомерности, следования воле патриарха Тихона и при условии живого общения с российской православной Церковью. П.Б. Струве писал:

Существенная неправильность, чтобы не сказать порочность, постановлений нового карловацкого Архиерейского собора 1926 года, решения коего так торжественно и в то же время так осматрительно изображены в «Окружном послании» митрополита Антония, заключается в том, что они совершенно опрокидывают истинную природу установившегося положения православной Церкви за рубежом.

Простое положение: Архиерейский собор не может ничего приказывать митрополиту Евлогию, и церковно-юридически непререкаемо, и церковно-политически неоспоримо.

Церковно-юридически оно непререкаемо в силу происхождения всего устройства русской Церкви за рубежом из единоличного устроительного поручения, данного святейшим патриархом митрополиту Евлогию.

Церковно-политически оно неоспоримо в силу абсолютной жизненной необходимости для рус-

ской Церкви за рубежом всемерного поддержания связи с патриаршей, ныне часто в просторечии именуемой «Тихоновской», подлинно православной и подлинно русской Церковью. И чем труднее там, внутри России, положение православной Церкви, тем бережнее здесь, за рубежом, вся Церковь, и епископы, и священство, и миряне, должны относиться к заветам, к преемству, к традициям патриарха Тихона. (...)

Ужасной ошибкой, граничащей с преступлением, было бы теперь опрокинуть заветы патриарха Тихона и сломать дело соглашения и церковного мира, усаженное кротостью и мудростью избранного в Бозе почившим первоиерархом русской Церкви исполнителя его воли, митрополита Евлогия. Мы уповаем, мы уверены, что иерархи русской зарубежной Церкви остановятся перед этой ужасной ошибкой и этим великим соблазном. И мы знаем, что наш голос предостережения не есть единичный голос немногих оторванных от Церкви людей. Так же, как мы, чувствует и думает множество мирян, считающих себя имеющими не только право голоса в церковных делах, но и несущих нравственную ответственность за эти дела. Мы всемерно призывали и теперь продолжаем призывать к церковному миру на основах канонических прав, в духе подлинного общения с Родиной-Матерью, в том духе соглашения и согласия, которого носителем являлся и является досточтимый и горячо любимый своей паствой митрополит Евлогий.

Только на этом пути церковного миротворчества будет избегнут скорбный и соблазнительный раздор и раскол в русской зарубежной Церкви. Да будет так!¹⁰

Призывы к церковному миру, прозвучавшие в обращениях митрополита Евлогия и со страниц «Возрождения», не были услышаны Архиерейским синодом, продолжавшим непримиримо утверждать свою власть во всех странах зарубежья.¹¹

Чем больше усугублялся церковный раскол, тем непоколебимее становилась позиция «Возрождения», остававшегося, вместе с митрополитом Евлогием, на страже канонической правды. Каждая новая публикация документов, справок, проливающих свет на канонические основы устройства зарубежной православной Церкви, ее историю и современное положение, была проникнута твердой уверенностью в том, что «только твердым стоянием на почве православных канонов и бесстрашным исповеданием канонической правды преодолеваются нестроения в Церкви».¹²

По мере осложнения церковных нестроений выяснялось, что в разгоравшемся споре речь шла не просто о выборе между митрополитом Евлогием или митрополитом Антонием и Архиерейским синодом.

Спор идет не о лицах и не между лицами, — писал Г.П. Федотов. — Вся зарубежная русская Церковь призвана своим выбором между иерархами ответить на некоторые принципиальные вопросы огромной важности. Конечно, защита митрополита Евлогия для его паствы есть прежде всего защита права — канонического права. Мы стоим на канонически неуязвимой и в добром смысле консервативной почве борьбы за право. Но самое осмысление этого права — его канонических истоков — ставит перед всем православным зарубежьем первый вопрос:

1) Желаем ли мы сохранить теснейшую связь с российской патриаршей Церковью или рассматриваем себя как Церковь автокефальную?¹³

Мы видели выше, как отвечало «Возрождение» на этот вопрос, отражая мнение большинства православного зарубежья, идущего за митрополитом Евлогием: дорожа единством с российской матерью-Церковью, оно звало чтить память патриарха Тихона, оставаясь верными его заветам.

Еще за год до выявления раскола, когда слухи о проекте церковно-административного разрыва с русской патриаршей Церковью и о провозглашении зарубежного

патриарха начали волновать зарубежье, А.В. Карташев писал:

Политические сердца бьются не только под пиджаками, но и под рясами и омофорами. И совокупными усилиями политиков того и другого ряда (...) разрабатывается проект административного разрыва с нашей мученической московской патриаршей Церковью и установления здесь в бегстве фактической автокефалии и даже более — с претензией возглавлять титулярно отсюда и всю российскую Церковь! (...) Надрыв канонической связи с московским патриархатом уже наметился с того момента, как в 1922 году не был исполнен нашей иерархией указ патриарха об упразднении Высшего Церковного Управления Заграницей и о передаче общего наблюдения «над всеми заграничными приходами» одному митрополиту Евлогию. Но если эту каноническую шероховатость завершить еще самочинным провозглашением автокефалии по мотивам в сущности политическим, ибо церковных нет, то мера баззакония исполнится, заграничная Церковь, на радость врагам, расколется. Отказ от союза с русской Церковью-мученицей — даже не с церковной и нравственной точки зрения, а и с политической и национальной — это просто безумие.¹⁴

Попытка совершить партийно-политический захват власти над Церковью крайне правыми группировками, оказывавшими все более очевидное влияние на митрополита Антония и Архиерейский синод, поставила русское православное рассеяние перед другим вопросом принципиальной важности — должна ли Церковь стоять вне политики? Ответом на этот вопрос явились статьи П.Б. Струве, писавшего:

Происходящий сейчас церковный спор, грозящий раздором и даже расколом, между прочим, тем тягостен, что в нем с разных сторон обнаруживаются и действуют неправильные и вредные стремления — втянуть Церковь в политику.

Одни делают это сознательно, другие — бессознательно, одни — откровенно, другие — прикровенно. Мы решительно оспариваем эти стремления, ибо отрицаем само их существо.

Церковь выше всех политических споров и тем более всех политических партий.

(...) В православной Церкви, основанной на приятии определенных верований, не могут состоять люди, заведомо отрицающие ее вероучение, но о политических (социальных, экономических и т.п.) взглядах своих членов или верных православная Церковь не может и не должна вовсе спрашивать. Люди всех политических взглядов могут состоять в Церкви.

Не спрашивая о политических взглядах своих сочленов, Церковь и не может и не должна иметь суждений об этих взглядах и вытекающих из них действиях до тех пор, пока эти взгляды и эти действия не отрицают религиозно-духовного существа тех начал, которыми жива Церковь, как некое религиозное Общенье и Единство.

Тут, конечно, возникает целый ряд спорных вопросов, и всякий верующий вообще, и, в частности, всякий православный человек должен решать для себя и про себя эти вопросы. Но эти вопросы об отношении к государству, о религиозной допустимости или даже обязательности сопротивления злу силою, суть для верующих не вопросы политического направления, а конечные религиозно-нравственные вопросы их жизни.

Вот почему, если должен быть отвергаем проповедуемый во имя Церкви *политицизм*, то так же решительно должен быть отвергаем и проповедуемый во имя ее *аполитицизм*. (...)

Есть множество людей, которые сейчас сознательно или бессознательно впадают в забвение или пренебрегают той простой постановкой вопроса и тем простым предварительным или неизбежно — формальным решением его, которое мы даем.

Есть люди, которые превратно утверждают, что православные христиане *должны* быть монархистами, и есть люди, которые столь же или еще более (если в этом случае может быть речь о сравнительной степени) превратно утверждают, что православные христиане должны подчиняться коммунистической или советской власти.

Церковь и ее верующие не решают политических вопросов и не дают политических «директив», ни прогрессивных, ни консервативных, ни республиканских, ни монархических, ни революционных, ни контрреволюционных.

Те, кто думает иначе, подходят к Церкви и Вере с неуместной политической или социально-политической меркой.

В эту ошибку и, более того, в этот соблазн впадают сейчас одинаково и некоторые «правые» и те, кто против них спорят, напр. Н.А. Бердяев, *уклоны* мысли которого должны быть решительно отвергаемы, как соблазнительные, бессознательные или прикровенные уклонения церковно-религиозной мысли именно в политику.¹⁵

В среде мирян, в которую все больше проникал спор о Церкви, вопрос ее свободы или зависимости от политического влияния вызвал полемику, выявившую резкое расхождение мнений. Часть православного зарубежья поддерживала идею аполитизма Церкви, другие искали в историческом прошлом России подтверждения своей мысли о связи Церкви с политикой. Примером такого расхождения взглядов могут служить письма мирян, адресованные П.Б. Струве, в которых их авторы — «евлогианцы» или «синодальцы» выражали свое отношение к смуте, а главное, к позиции «Возрождения» и его главного редактора, предлагали свое решение церковных проблем. Так, Н. Езерский, видевший уже в первых стадиях церковного спора гибельное отражение политических навыков и приемов, писал:

Существо спора для большинства непонятно, так как для него нужно знание канонов, но все чувствуют, что в этом споре, касающемся как бы

только порядка управления Церковью в зарубежье, есть посторонние элементы, все видят, что в нем на первый план выступают не канонисты и не церковные деятели, а политические лидеры и публицисты, которые вносят в него всю страстность и все приемы партийной политической борьбы. Вот против этого внесения партийности в Церковь всякий верующий будет протестовать всеми силами души.

Миряне, придерживающиеся иных взглядов и защищавшие митрополита Антония, как единственного «истинного поборника чистоты православия», отводя от него «упреки в политиканстве», писали:

Упреки в политиканстве и требование внеполитичности церкви или наивны или злостны. Каждый мало-мальски грамотный русский читал Историю Государства Российского и знает, как все политически важные события всегда были связаны с Церковью и ее иерархами.¹⁶

Все большее внесение политики в церковный спор, резкие нападки печатного органа крайне-правых «Отечество» на митрополита Евлогия,¹⁷ полемика в среде мирян по вопросу Церковь-политика, побудили П.Б. Струве к новому выступлению на страницах «Возрождения». П.Б. Струве писал:

Чрезвычайно печально то и совершенно неосмысленное и совершенно непозволительное политическое использование, которое некоторые политические круги желают дать церковно-юридическому и церковно-политическому спору в зарубежной православной Церкви. Перед лицом этого беспринципного отношения к важнейшим церковным вопросам мы считаем нужным вновь и вновь подчеркнуть единственно правильную позицию в этом споре.

Помимо юридического вопроса в возникшем споре есть сторона церковно-политическая. У всякой организации, в том числе и у Церкви, должна быть своя политика. Суть церковной политики и зарубежной, и внутренней России заключается и

не может не заключаться в том, чтобы при всех политических условиях отстаивать самостоятельность церковной организации и церковной жизни и ее независимость от какой бы то ни было политики. Эта мысль, очевидно, высказана и, надо думать, высказана весьма ярко в той записке митрополита Нижегородского Сергия, о которой «Возрождение» сообщило в номере от 28 августа.¹⁸

Церковь ставит и должна себе ставить широкие религиозные задачи. Они могут иметь, или, вернее, не могут не иметь при известных условиях и большого политического значения. Но это политическое значение естественно вытекает из церковного делания, а не последнее должно подгоняться под какие бы то ни было, хотя бы самые почтенные и важные, политические задания.

(...) в Церкви нет и не должно быть места политике. И я скажу еще, хотя прошу не принимать этой мысли за какое-либо доказательство или соображение:

Вносить политику в Церковь и политически бессмысленно. Политическая непримиримость не только не выиграет, а наоборот, все проиграет, осложнившись мнимо-религиозной или мнимо-церковной нетерпимостью.¹⁹

Сохранившиеся письма мирян к П.Б. Струве, датированные августом-сентябрем 1926 года, свидетельствуют о том, что в приходской среде церковные дела все чаще воспринимались как борьба политических партий, и вопрос ставился не о свободе Церкви, а о победе правой или левой политики. Со страниц «Возрождения» П.Б. Струве вынужден был непосредственно обратиться к мирянам:²⁰

Моя речь сейчас к мирянам. Среди них замечается два весьма опасных способа относиться к церковному спору.

Один — наивное прикладывание политических мерок к церковному вопросу, который имеет свое собственное содержание и свой собственный

смысл. В этом внесении политики в церковный вопрос повинны гораздо больше, чем иерархи, именно некоторые миряне, для которых сознательно или бессознательно церковные дела интересны только по их политическому смыслу и отражению. Я получил этому грубо-наивное и осязательно-грубое доказательство. Мое отстаивание законности в церковных делах многим, очевидно, не нравится.

Приведя полностью, в качестве примера, письмо «недовольного» мирянина — М. Ростовцева (не придавая, впрочем, гласности имя автора письма) П.Б. Струве писал:

Очевидно, что этот темный обыватель о лице и о его делании может судить только по фамилии и ее звуку, а о церковном вопросе не способен вовсе рассуждать по-церковному. И таких темных людей, не могущих иначе, как партийно-политически рассуждать о церковных делах, — увы — много, и на их темноту рассчитывают те, кто оспаривают начала законности в церковной жизни и хотят ввести вместо нее какой-то, даже в этой области, еще невиданный произвол.

Но, к сожалению, не одни только совершенно темные люди неправильно судят об этих вещах. Есть и более культурные и просвещенные лица, превратно о них судящие и грубо в них ошибающиеся. Эти лица думают, что настоящий церковный спор есть личная свара между иерархами, «чисто поповские кляузы» и что иерархам «недостает обер-прокурора, который их осадит, место им укажет и к порядку приведет» (как пишет мне один общественный деятель, предлагающий мне «осадить» спорящих).

Это взгляд поверхностный и — прямо скажу — легкомысленный. В настоящем церковном споре речь идет о *гораздо* большем, чем о каких-нибудь личных пререканиях иерархов, — о законности в Церкви и, в связи с соблюдением законности, о внутренней свободе церковной жизни. (...)

И если я в «Дневнике политика» пишу об этих вещах, то делаю это вполне сознательно и ответственно, потому что своим долгом политика, и в то же время члена Церкви, считаю всемерную борьбу с внесением политики в церковные дела, с политическим их извращением.²¹

Иллюстрацией мысли П.Б. Струве о продуманном и годами готовившемся «политическом извращении» церковных дел стало сопоставление Заключений Высшего Монархического Совета 1924-1925 годов с постановлениями Архиерейских соборов тех лет, отражавших волю крайне правых, монархически настроенных лидеров (таких как Н. Тальберг, Н. Марков и др.), сделанное И. Никаноровым. Закljučая свой сравнительно-сопоставительный анализ, И. Никаноров писал:

Правы и трижды правы были митрополиты Платон и Евлогий, что ушли с собора: там были не решения, а исполнение — по старой привычке — новоявленной обер-прокуратуры в лице Высшего Монархического Совета.

Не архиереев осаживать надо, а мы, миряне-церковники, должны решительно и твердо сказать мирянам-политикам: руки прочь от церковного дела. Церковь не средство, а цель.

И столь же твердо надо сказать святителям: будьте святителями и молитвенниками, свято блюдите законы и каноны церковные. Церковь политике не подчиняйте. Будет ли из этого хорошая политика — неизвестно, а церковная смута налицо. Пощадите Церковь.²²

Комментируя сам факт данной полемики, П.Б. Струве в очередном «Дневнике политика» призывал русское зарубежье к «упорному осуществлению и соблюдению практики согласия» в церковных делах:

(...) не может подлежать ни малейшему сомнению, что церковный спор, сводящийся к нарушению Архиерейским собором Соглашения, состоявшегося между ним и митрополитом Евлогием, которому святейший патриарх Тихон поручил управление всеми зарубежными церковными де-

лами, что этот церковный спор возник не столько и не только в среде самих иерархов, но получил и получает питание со стороны известных политических групп и организаций зарубежья. В этом полемике А.Н. Крупенского с И. Никаноровым, опубликовавшим в «Возрождении» соответствующие документы, разубедить не может. Но тем более элементы, от имени которых говорит А.Н. Крупенский, обязаны теперь всемерно вложиться в дело разрешения церковного кризиса на основе соглашения и единения.

Мы не устанем и не перестанем призывать русских людей к соглашению и согласию во всех решительно областях. (...)

В области церковных отношений сейчас повелительно диктуется честное и простое возвращение к тому разумному соглашению, которое, в смягчение суровой воли патриарха Тихона, в свое время установил митрополит Евлогий и вне подтверждения и закрепления которого не может быть сейчас церковного мира, нужного зарубежью во всех отношениях.

(...) Сейчас я не имею в виду останавливаться на церковном споре по существу. Как этот спор ни важен, как болезненно он ни ощущается, все-таки и этот спор — есть частный случай, на котором обнаруживается повелительная необходимость — убежденно и упорно строить *всю* жизнь зарубежья на началах соглашения и приводить все «врозь тянущиеся силы зарубежья к согласованному и согласному действию».²⁴

К концу 1926 и в начале 1927 года смута окончательно проникла в среду мирян и, поколебленная распрями, приходская жизнь Ниццы, Канн, Лилля, Берлина, Лондона и других городов и стран свидетельствовала о том, что русское православное рассеяние, став на путь размежевания и раздоров, все больше отдалялось от жизненно необходимого церковного мира, «согласного и согласованного действия», за которые ратовал П.Б. Струве.²⁵

Миссия «Возрождения» в деле умиротворения церковной жизни зарубежья в конце 1926 – начале 1927 года осложнилась тем, что, помимо полемических нападок со стороны таких эмигрантских газет и листков, как «Последние Новости», «Дни», «Двуглавый Орел», «Царский Вестник», «Голос Верноподданного», «Вечернее Время», участились нападки со стороны мирян, упрекавших «Возрождение» в вынесении церковных дел на страницы печати и, тем самым, в разжигании смуты.²⁶ Ответом на подобного рода беспочвенные обвинения стала статья П.Б. Струве «К церковному спору», в которой говорилось:

Из обывательской среды по нашему адресу часто раздаются голоса, что миряне и, в частности, национальная зарубежная печать вовсе не должны заниматься церковным спором.

Мы этого указания просто не понимаем. Не только миряне не должны перестать интересоваться церковным спором, а наоборот, они обязаны, как православные, отнестись к нему с полным вниманием, т.е. с величайшей сознательностью, вдумчивостью и осторожностью и бросить на весы этого спора все то влияние, которое и по духу, и по строю православной Церкви, и по суровым условиям беженского существования *должна иметь* в церковных делах *паства*.

В дальнейшем, как и раньше, нашей главной мыслью и заботой, в качестве ответственного зарубежного органа национальной мысли, будет — искать разумных и достойных, в мире духа и любви, выходов из тягостного церковного спора. При этом мы всемерно будем избегать ненужной полемики, в то же время твердо отстаивая мысли и начала, которые мы считаем единственно правильными.²⁷

Именно такой, стройный, проникнутый духом мира и соборности, выход предлагал кн. Г.Н. Трубецкой в своей статье «Мир в Церкви должен быть восстановлен».

Исходя в своих рассуждениях из высоких заветов церковных деятелей дореволюционной России, пони-

мавших принцип соборности как единство церковной иерархии с сознательной активностью всего народа церковного, кн. Трубецкой требовал от мирян и духовенства исчерпания всех доступных средств для восстановления мира, не только внешнего, но и внутреннего, без нарушения канонов и при полном соблюдении уважения к авторитету иерархов.

Признавая канонические права митрополита Евлогия непоколебимыми и являясь его неизменным сторонником, кн. Г.Н. Трубецкой призывал, во имя истинной соборности, понять и тех «с кем мы несогласны, и поверить, что инакомыслящие могут быть не менее нас убежденными и добросовестными в своих взглядах». Сетую на то, что человеческие страсти «мутным потоком ворвались в ограду Церкви», кн. Трубецкой писал:

Политика отравила церковную жизнь. Получается какое-то чудовищное и совершенно искусственно навязываемое массе верующих деление Церкви на правую и левую половины.

Мы, миряне, должны с обеих сторон решительно и без остатка вымести прочь всякую партийную политику, правую и левую. Только так мы можем восстановить взаимное доверие между собой, которое будет предшествовать восстановлению общего мира в Церкви.

Далее, по мысли автора статьи, чтобы дело мира могло принести свои плоды, «надо прекратить всякую полемику в печати и всякую борьбу в церковной жизни. До полного мира, нужно установить пока хотя бы фактическое перемирие». Единственно правильный путь к укреплению мира в Церкви лежал, по мнению кн. Г.Н. Трубецкого, в созыве всезаграничного собора из епископов, клириков и мирян.

Такой собор, — писал он, — конечно, по составу своему, не может и не должен судить иерархов, но он устраняет самую надобность постановки такого вопроса.

В случае возражений иерархов или синода против всезаграничного собора, по мысли кн. Трубецкого, «оставался бы другой путь для мирного решения

церковного спора — обращение к какой-либо поместной православной Церкви для третейского решения. Нам лично, — заключал кн. Трубецкой, — такое решение представлялось бы крайним и мы бы предпочли, чтобы трения и разногласия в русской Церкви не выносились за ее пределы».²⁸

Статью и высказанные в ней предложения кн. Трубецкого высоко оценили отдельные иерархи зарубежной Церкви, в частности, архиепископ Анастасий, полагавший, что подлинно церковный по духу призыв к единению и миру найдет немедленно отклик в сердцах всех русских православных людей; однако, как и следовало ожидать, в среде клира и мирян предложения кн. Трубецкого были приняты не всегда единодушно и безоговорочно.²⁹

Поисками мирного урегулирования церковных нестроений в январе 1927 года, кроме кн. Г.Н. Трубецкого и П.Б. Струве, были движимы в своей деятельности Б.П. Вышеславцев, А.В. Карташев, В.Н. Ильин, Г.П. Федотов, выступавшие в публичных обсуждениях темы «Церковь и государство», выдвинутой Религиозно-Философской Академией.³⁰

Отнюдь не духом миролюбия была проникнута в это самое время деятельность карловацкого Архиерейского синода, который 26 января 1927 года имел суждение о церковной смуте, вызванной «противлением» и «непослушанием» митрополита Евлогия, и принял новые постановления, сводившиеся к следующему:

- 1) Митрополита Евлогия предать суду епископского сословия.
- 2) В качестве меры пресечения временно впредь до решения Архиерейского собора и суда или до заявления покорности, отстранить митрополита Евлогия от управления Западноевропейской епархией и запретить в священнослужении.
- 3) Управление церквами поручить архиепископу Лондонскому Серафиму с тем, что он может пребывать в Лондоне или переехать в Париж.

4) Сообщить о постановлении Архиерейского синода главам православных церквей, правительствам государств Западной Европы, архиепископу Кентерберийскому, а в свое время довести до сведения всероссийской церковной власти.³¹

Этим самым окончательно отрезался путь к мирному решению церковных разногласий и начинался новый, еще более тягостный момент в распре, поразившей русскую Церковь зарубежья.

В ответе, адресованном Архиерейскому синоду, митрополит Евлогий, подчеркнув свою верность духу и заветам св. патриарха Тихона, твердо указал на тот факт, что, не являясь подчиненным синоду, он не может, ни по существу, ни формально, признать действительными и имеющими обязательную силу указы, исходящие из Карловцев, вследствие чего должен будет «организовать независимое от Архиерейского синода управление своею епархией на точном основании указов св. патриарха Тихона и, разумеется, в теснейшем единении с Матерью Русской православной Церковью».³²

Этой же мыслью было проникнуто обращение митрополита Евлогия к пастве, опубликованное в «Возрождении» 14 февраля 1927 года. Скорбным спокойствием и вместе с тем твердой уверенностью в правоте занятого положения звучало слово владыки в обращении к духовенству и приходам, в котором указывалось:

Отныне наша Западноевропейская митрополия становится на путь самостоятельного, независимого от заграничного Архиерейского синода существования — так же как независимо от него живет вся Американская русская православная Церковь с митрополитом Платоном во главе и со всеми его епископами, а также Латвийская Церковь, с архиепископом Иоанном, Литовская с архиепископом Елевферием и другие.

Мы имеем указанные священными канонами пути к соборному окончательному разрешению наших разногласий авторитетом всероссийской церковной власти или же судом православных

иерархов, возглавляющих поместные Церкви — к чему мы теперь и обращаемся.³³

В условиях усугубившегося церковного раскола в странах русского рассеяния прошли приходские собрания. 20 февраля 1927 года состоялось чрезвычайное приходское собрание прихожан Сергиевского Подворья, возглавляемое настоятелем Подворья архимандритом Иоанном и кн. Г.Н. Трубецким, также состоялось соединенное заседание приходских советов Парижа. Большая часть участников приходских советов Парижа, Гамбурга, Ниццы, Брюсселя, видя в митрополите истинного, законного и непререкаемого архипастыря, выражала ему сыновью каноническую преданность.

С февраля 1927 года «Возрождение» периодически печатало письма членов церковных советов, прихожан, обращения сестричеств, молодежи, выразивших свою поддержку митрополиту Евлогию.

В то же самое время, играя на личных или политических чувствах клира и мирян, сеятели смуты добивались усиления распри — некоторые приходы отказывались подчиниться митрополиту Евлогию, другие, разбитые на враждующие группировки, представляли картину самой неприглядной борьбы.³⁴

Положение усугубилось тем, что карловацкий синод повел атаку против парижского Богословского института, против журнала «Путь», против ряда русских богословов, и в частности — против о. С. Булгакова, упрекая их в забвении церковной православной традиции, в покушении на неприкосновенность православной мысли и в фантастических ересьях. Характеризуя выступления Н. Тальберга и Е. Маркова на страницах печатного органа Высшего Монархического Совета «Двуглавый Орел» как «богословские упражнения... имеющие своей целью демагогическое опорочение той церковной интеллигенции (духовной и светской), которая поддерживает митрополита Евлогия», Г.П. Федотов писал:

Полемика эта крайне вульгарна, богословски неграмотна и рассчитана на очень невежественного читателя. Но она играет на сильных религиозных

струнах: страха перед опасным модернизмом и верности традиции.³⁵

В этих условиях особое значение имели выступления кн. Г.Н. Трубецкого, призывавшего мирян противостоять запугиванию карами, прещениями и не поддаваться соблазнительной игре богословскими терминами и канонами, помня, что «в конце концов страсти перегорают, люди меняются и уходят, а Церковь остается, и это — Церковь не митрополита Антония и не митрополита Евлогия, — а Христова Церковь».³⁶

Осознав опасность, которой подверглась Церковь, миряне выступили на защиту церковного мира, по-разному представляя себе пути, ведущие к конечному умиротворению. Часть церковного народа зарубежья в качестве выхода из конфликта предлагала обращение к великому князю Николаю Николаевичу, могущему силою авторитета остановить распрю иерархов, другая часть мирян считала, что возникший спор мог бы найти свое разрешение в распоряжении, исходящем от российского патриаршего престола. Подобные предложения оказались нереальными и не дали никаких результатов.³⁷ Более жизнеспособными, по тем временам, представлялись предложения, с которыми на страницах «Возрождения» выступили Т. Аметистов, граф В.Н. Кокцов, П.Б. Струве и кн. Г.Н. Трубецкой.

По мнению П.Б. Струве, к выходу из церковной смуты вели следующие пути и в следующей последовательности:

Отмена указа 26 января 1927 года и отказ от заключающегося в нем церковного переворота и тем самым возврат к прежнему положению русской зарубежной Церкви, нарушенному резкими и противоканоническими отступлениями от патриаршей воли.

Временное устройство зарубежной Церкви, временно отрезанной от правильных и беспрепятственных сношений с российской патриаршей Церковью, путем созыва зарубежного организационного церковного собора из епископов, духовенства и

мирян — в пределах, указуемых канонами и патриаршими указами.

В совокупности своей это были, по утверждению П.Б. Струве, «пути канонической правды, взаимного благожелательства и соглашения, пути соборного единения и согласия».³⁸

Идею созыва всезаграничного собора отстаивал кн. Г.Н. Трубецкой, посвятивший проблемам церковной смуты и анализу способов выхода из нее пять статей, которые «Возрождение» печатало на протяжении марта 1927 года.³⁹ Кн. Г.Н. Трубецкой убедительно разъяснял причины конфликта и канонические основы прав митрополита Евлогия, не впадая ни в односторонность, ни в пристрастие, а наоборот, рассуждая спокойно, нелицеприятно, беспристрастно, со всей основательностью человека с настоящим историческим образованием и немалым практическим опытом (следует напомнить, что кн. Г.Н. Трубецкой участвовал в качестве члена и тов. председателя в Ставропольском Соборе 1919 года, созванном для решения вопросов церковного управления).

Видя в созыве собора единственный достойный способ утишить распрю, кн. Г.Н. Трубецкой подчеркивал:

Собор не призван ни судить иерархов, ни выносить каких-либо политических постановлений, в свое время осужденных патриархом и священным синодом русской Церкви. (...)

Если решение созвать собор для пересмотра положения о зарубежной Церкви будет принято обеими сторонами, то с полной очевидностью возникают два условия, требующие одновременно их согласия:

- 1) временно до созыва собора восстанавливается без изменений порядок, существовавший до лета нынешнего года,
- 2) снимаются прещения, наложенные обеими сторонами.

Только при соблюдении обоих условий может выявиться искреннее желание восстановить мир и собор получит должную свободу в принятии своих решений.⁴⁰

Идея кн. Трубецкого не имела успеха, всезаграничный собор не был создан. Но в апреле 1927 года, по благословию митрополита Евлогия, Епархиальным управлением был решен вопрос о созыве епархиального собрания, призванного завершить организацию Западноевропейской епархии, в состав которой входило 59 приходов. (За время карловацкой смуты отпало два прихода — Рим и Бари, 57 сохранили верность митрополиту Евлогию как патриаршему ставленнику).

В день открытия епархиального собрания, начавшегося 3 июля 1927 года в помещении Богословского института на Сергиевском Подворье, П.Б. Струве, приветствуя собрание как важное событие церковной жизни, свидетельствующее о жизненности зарубежной русской церковной организации, писал:

Были попытки оспорить полномочия, данные в свое время патриархом митрополиту Евлогию, и тем самым расшатать на эти полномочия опирающуюся церковную организацию западноевропейских русских православных Церквей. Собирающееся сегодня епархиальное собрание лучше всего обнаруживает тщету этих попыток, которым противопоставилась решимость владыки митрополита идти по пути, завещанному св. патриархом, решимость, подкрепленная твердостью в церковной дисциплине приходского духовенства и церковно-общественной сознательностью мирян. (...) Собирающееся сейчас епархиальное собрание именно тем и знаменательно и значительно, что в нем осуществляется и исходит свою оздоровляющую и живительную силу великое начало церковной соборности.⁴¹

И. Никаноров, посвятивший открывающемуся собранию специальную статью, а затем на протяжении шести дней освещавший в «Возрождении» ход его работы, полагал, что, с созывом епархиального собрания, призванного разрешить среди прочих вопросов приходской жизни «без всякой полемики и суда большой вопрос о карловацких притязаниях», окончательно удастся «ор-

ганизовать церковную жизнь европейского беженства и направить ее в нормальное русло».⁴²

Предостерегая участников собрания от соблазна полемики по вопросам церковной смуты, Н. Езерский, в статье «Задачи епархиального собрания», писал:

Наше отношение к печальному церковному спору достаточно выявляется из того, что съезд собирается вокруг митрополита Евлогия и будет работать с его благословения. Вряд ли нужны еще прения по вопросу для всех ясному: протекший год уже вынес приговор так называемой смуте. (...)

Единение верующих должно быть закреплено на съезде деятельной работой по организации и оживлению церковной жизни. Главное, чего мы ждем от съезда, — вдохнуть в приходскую жизнь струю, без которой эта жизнь превращается в исполнение формальностей, а связь с приходом ограничивается ежемесячными взносами. Не нужно выдумывать новых организаций или широких программ и призывов, чтобы оживить дух; нужно вносить его во всякое существующее учреждение, во всякое начинание; тем-то и отличается Церковь от другой организации, что в ней действует не формальное право, не личный интерес, а нечто невесомое, неисчислимое и даже невыразимое точными словами — братская любовь.⁴³

Епархиальное собрание, по свидетельству журналистов «Возрождения», прошло в атмосфере спокойной уверенности и твердого следования заветам св. патриарха Тихона. Кроме вопросов организационно-административного устройства епархии, обсуждались вопросы приходской жизни, вопросы школьно-церковного обучения и духовно-просветительной работы среди юношества, вопросы финансово-имущественного плана. Об объеме и разносторонности проделанной участниками собрания работы свидетельствуют темы некоторых докладов, заслушанных и обсуждавшихся на епархиальном съезде: «Положение Американской Церкви» —

И. Никаноров, «О Сергиевском Подворье» — архимандрит Иоанн, «О Богословском институте в Париже и Софийском братстве» — прот. С. Булгаков совместно с советом института, «О церковном движении молодежи» — Н.М. Зернов, «Об учебном деле в епархии», «Об управлении храмовыми имуществами» — Е.П. Ковалевский.

Главное внимание участников епархиального собрания было сосредоточено на обсуждении доклада графа В.Н. Коковцова «Отношение к церковным разногласиям», вызвавшем оживленные прения, итогом которых явилось принятие следующей резолюции:

Епархиальное собрание, заслушав доклад административной комиссии по вопросу об отношении русских православных приходов в Западной Европе к церковному разногласию и разделяя высказанные в докладе положения, определяет:

- 1) Западноевропейская православная русская епархия, признавая себя нераздельной частью русской православной Церкви, как таковая, находится в исключительном каноническом подчинении законным правопреемникам патриарха Тихона и состоящим при них Высшим Церковным Управлениям.
- 2) Все постановления Московского Священного собора 1917-1918 гг., определяющие основания о порядке епархиального и приходского управления, равно как и все исходящие от патриаршего Управления распоряжения, подлежат неуклонному исполнению Западноевропейским Епархиальным управлением.
- 3) Непосредственная каноническая власть по управлению всеми приходами Западноевропейской епархии принадлежит всецело и исключительно высокопреосвященнейшему Евлогию, митрополиту Западноевропейских русских православных Церквей, как воспрившему эту власть управления от св. Тихона, патриарха Московского и всея России, и с согласия митрополита Петроградского, коему

принадлежала до 1921 года власть над православными русскими Церквами в Западной Европе.

- 4) Неуклонным каноническим подчинением этой законной власти клир и миряне выполняют свой долг сыновней верности всероссийской православной Церкви.⁴⁴

Частичное разрешение вопросов нормального хода епархиальной жизни, единство в обсуждении большого вопроса о восстановлении мира церковного и, как итог, принятие вышеуказанной резолюции вдохнуло оптимизм в ряды мирян Западноевропейской епархии, что нашло отражение в заключительной статье И. Никанорова, полагавшего, что смуте и раздорам положен конец. И. Никаноров писал:

Что сделало собрание для мира церковного? Самое главное: во главу угла поставлен закон, коему обязаны служить и подчиняться иерархи и клирики и миряне. Тут уже нет ни митрополита Евлогия, ни митрополита Антония, ни суждения об их личных качествах, склонностях и симпатиях. Идут за тем, кто идет за законом, — и какое же здесь место для раздоров?

Что будет с теми, кто отказался от пути, указанного патриаршим престолом? Это решение их доброй воли. Их иерархи не поражены в своих благодатных правах... их клирики и миряне должны определить свое каноническое положение и тогда станут ясными и пути канонического общения. Ни догматических, ни обрядовых расхождений нет. Спор шел о том, подчиняться ли велениям патриаршего престола или карловацкого собора. Клер и церковный народ 57 приходов Западной Европы пошли в непрерывной связи с патриаршей Церковью и в своих постановлениях зовут отколовшихся в этот мирный и законный путь.

Таким образом, вопрос о смуте и раздоре кончен. Остается вопрос о примирении, об устранении тех острых фактов, которые, не нарушая церков-

ного порядка по существу, создают волнения и соблазны. Разрешение этого вопроса в воле самих иерархов, и разрешение это найдет тем легче свой собственный путь, что церковный православный народ и клир Западной Европы исповедовал себя неразрывной частью патриаршей Церкви». ⁴⁵

К сожалению, ни резолюция епархиального собрания, ни сам съезд клириков и мирян не разрешили всех церковных нестроений и разногласий в зарубежье.

Параллельно с карловацкой распрей, возник в 1927 году тягостный конфликт с Московской Патриархией, завершившийся в марте 1930 года прекращением канонического подчинения российскому патриарху и переходом в 1931 году Западноевропейской митрополии, во главе с митрополитом Евлогием, в юрисдикцию Вселенского патриарха. ⁴⁶

Период церковно-приходской жизни с 1931 по 1938 год был назван митрополитом Евлогием «примиренческим», хотя попытка примирения явилась не весьма удачной, т.к., несмотря на личное примирение с митрополитом Антонием, на уступки, сделанные митрополитом Евлогием синоду в проекте организации управления зарубежной Церковью, со стороны синода в отношении к Западноевропейской епархии, к митрополиту Евлогию и его пастве, к Богословскому институту по-прежнему преобладал дух недоверия, враждебности, что еще раз выявили Карловацкие соборы 1930, 1936 годов и принятое на них с большими трудностями «Временное Положение», лишь обострившее отношение двух юрисдикций.

Сегодня, по прошествии более чем полувека, со всей очевидностью выявляется тот факт, что газета «Возрождение», в годы ее редакторского возглавления П. Струве, до конца выполнила долг перед православным русским рассеянием. Ее сотрудники, ее журналисты, сохраняя верность философско-политической концепции, положенной в основу создания газеты, оставаясь верными духу соборности в анализе событий церковной жизни, своими статьями помогали членам Церкви не

только понять корни постигшего Церковь раздора, не только определить, как требует того долг, свое место и назначение, но и, что много важнее, — найти достойный путь к восстановлению мира в зарубежной Церкви.

В условиях отсутствия в Западноевропейской митрополии церковного печатного органа (возникшего лишь в 1929 году) «Возрождение» предоставило свои страницы архипастырям, клирикам, мирянам, церковным деятелям, богословам, получившим тем самым редкую возможность выступить в защиту чистоты и свободы Церкви.

Отражая полемические нападки различных эмигрантских газет и листков, «Возрождение», на всех этапах церковного раздора, справедливо доказывало, что правда духовная и правда каноническая целиком была на стороне той части иерархии, которая блюла свободу Церкви, ставила Церковь над мирскими стихиями и политическими страстями.

Об этом следует вспомнить, обращаясь к страницам «Возрождения», донесшим до нас историю церковной смуты в зарубежье и поисков выхода из нее, в наши дни, когда, по замечанию Н.А. Струве, «эта смута перекидывается и в Россию и когда об этом периоде можно встретить в прессе самые невероятные измышления». ⁵³

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «Путь моей жизни».

Манухина Т.И.

Воспоминания митрополита Евлогия, изложенные по его рассказам Т. Манухиной. YMCA-Press, Paris, 1947. (псевд. Т. Таманин) — 1885-1962, автор аллегорического романа «Отечество», книги об Анне Кашинской и статей в «Новом журнале».

² Ник. Бердяев

Ю. Граббе

«Церковная смута и свобода совести», «Путь», № 5, 1926 г.
«Корни церковной смуты», Белград, 1927.

- Н. Зернов «Русское религиозное возрождение XX века», YMCA-Press, 1974.
- А. Карташев «Реформа, реформация и исполнение Церкви», «На путях», Берлин, 1922.
- П.Е. Ковалевский «Православная Церковь в зарубежье и значение Православия в мире» в кн.: «Зарубежная Россия», 1971, стр.197-207.
- Н.Е. Марков «Правда о смуте церковной», Париж, 1927. «Войны темных сил», Париж, 1928.
- Н. Тальберг «Церковный раскол», Париж, 1929.
- С. Троицкий «Размежевание или раскол», YMCA-Press, Paris, 1932.
- Г. Федотов «Зарубежная церковная смута» в кн.: «Лицо России», YMCA-Press, 1988.
- прот. А. Шмеман «Спор о Церкви», «Церковный Вестник» № 2, март 1950, стр. 9-17.
- Из книг, изданных по данному вопросу на французском языке, следует указать исследование Michel d'Herbigny et Alexandre Deubner "Evêques Russes en Exil", Roma, 1931.
- 3 Н.А. Струве «У истоков церковной смуты в эмиграции».
Письма С.Л. Франка к кн. Г.Н. Трубецкому, «Вестник РХД» № 159, II, 1990, стр. 242-251.
- 4 Уже тогда, незадолго до карловацкой распри, главной задачей митрополита Евлогия было «отстоять свободу Церкви от политики», ибо «Церковь должна стать выше всех политических партийных раздоров». «Путь моей жизни».
- 5 О влиянии политического окружения на митрополита Антония писали Н. Бердяев («Церковная смута и свобода совести», «Путь» № 5, 1926), П. Зернов («Возвращение блудного сына» в кн. «Русское религиозное возрождение XX века», YMCA-Press, 1974, стр. 225-254), А. Карташев («Расколы русской церкви», «Возрождение» № 40, 12 июля 1925), П.А. Струве («Вестник РХД» № 159, 1990, стр. 242).
- 6 По поводу уступчивости митрополита Евлогия, разделившего возложенное на него патриархом Тихоном единоличное управление русской Церковью за рубежом с Архиерейским собором и синодом, «Возрождение» писало в 1926 году: «Митрополит Евлогий, — на наш взгляд, и юридически, и в особен-

ности с точки зрения интересов церковного дела совершенно правильно толкуя свои полномочия, — проявил величайшую осмотрительность и консерватизм, пойдя по пути осторожного обращения с существовавшими и действовавшими учреждениями. К сожалению, он может быть не учел некоторых свойств, присущих людям вообще, хотя бы и иерархам, но эта психологическая ошибка не меняет ни церковно-юридического, ни церковно-политического существа дела». «Возрождение» № 446, 22 августа 1926.

7 «Возрождение» № 417, стр. 1. В том же номере печаталось краткое обращение митрополитов Платона и Евлогия, которые, ввиду появившихся в газетах сообщений и заметок о происходившем на Архиерейском соборе в Карловцах, предостерегали верующих от неосторожных и поспешных суждений в деле, от которого зависит мир в Церкви.

8 «Возрождение» № 445, 21 августа 1926, стр. 2.

9 За день до опубликования обращения владыки к пастве «Возрождение» сообщало о том, что митрополит Евлогий, получив сведения о канонической лояльности большинства германских причтов и паствы и о конфликте между ними и епископом Тихоном, ведущим антиканоническую агитацию в нарушение прав управляющего епархией, известил епископа Тихона о том, что он временно освобождается от исполнения обязанностей викария, благочинного и настоятеля берлинского прихода. Часть прихожан православной Церкви в Берлине выразила несогласие с распоряжением митрополита Евлогия. Прот. Прозорову было послано предложение вступить в отправление обязанностей пастырских и благочинного. В Париже в это время проходило совещание митрополита Евлогия с его викарными епископами. Комментируя миротворческую позицию митрополита, И. Никаноров писал: «Митрополит Евлогий, оставаясь без всяких колебаний на высказанной им канонической точке зрения, согласился еще раз на примиренческий шаг: архиепископ Владимир и епископ Вениамин, получив точные инструкции от митрополита Евлогия, выедут в Югославию, для того, чтобы попытаться внести успокоение и призвать к прекращению раздора и соблазна, идущих из Карловцев». «Возрождение» № 445, 21 августа 1926, стр. 2.

10 «Возрождение» № 446, 22 августа 1926, стр. 1. В свое время, вдумываясь в существо устройства русской зарубежной Церкви и взвешивая все его положительные и отрицательные стороны, «Возрождение» писало: «Своеобразное современное устройство зарубежной Церкви всецело основано

на поручении, данном в Бозе почившим патриархом единолично митрополиту Евлогию, и на соглашении последнего с остальными пребывающими за рубежом русскими иерархами в порядке исполнения этого поручения.

Не может быть сомнения в том, что, поскольку русская православная Церковь признавала и признает власть патриарха, данное им поручение юридически первенствует над соглашением. Последнее может существовать и двигаться лишь, так сказать, в пределах патриаршего поручения». «Возрождение» № 142, 22 октября 1925. «Устройство и управление русской зарубежной Церкви». Передовая статья.

Об устройстве зарубежной Церкви см. также статью А. Петрова «Русская Зарубежная Церковь. Справка об ее устройстве и иерархах», «Возрождение» № 115, 25 сентября 1925 года.

- ¹¹ Не дала положительных результатов примирительная попытка — поездка, по поручению митрополита Евлогия, архиепископа Владимира и епископа Вениамина в Карловцы («Возрождение» № 472, 17 сентября 1926, стр. 1). Духом непримиримости было проникнуто «Окружное послание Архиерейского синода Русской Православной Церкви за границей» за подписью митрополита Антония и семи епископов, напечатанное в «Новом Времени» № 1617. Одним из пунктов определения Архиерейского синода от 20 сентября 1926 г., которое также было опубликовано «Новым Временем» (№ 1618), митрополиту Евлогию окончательно предлагалось «прекратить вмешательство в церковные дела Германии». Эти публикации «Нового Времени» И. Никаноров комментировал в статье «Дух непримиримости и дух мира», «Возрождение» № 479, 24 сентября 1926, стр. 2.

- ¹² «Возрождение» № 410, 17 июля 1926, стр. 2. Константин Струве «На страже канонической правды». Эта статья была посвящена анализу положения русской Церкви, переживавшей в конце 1925 и в первое полугодие 1926 года новую угрозу раскола: после ареста большевиками патриаршего местоблюстителя Петра, временный глава русской Церкви митрополит Сергей вынужден был отстаивать не только свои права, но и каноническую правду в борьбе с архиепископом Григорием Екатеринбургским, возглавлявшим совет 9 иерархов, самовольно вышедших из подчинения преемника местоблюстителя и образовавших Временный Высший Церковный Совет, претендовавший на полноту власти. Поведение митрополита Сергея, отстаивавшего чистоту православных канонов от посягательств Высшего Церковного Совета, легализованного советской властью,

было оправдано местоблюстителем Петром и одобрено собором верных православной Церкви иерархов. Анализ изживания этого раскола в русской православной Церкви был сделан К. Струве так, что его выводы были приложимы и к событиям, переживаемым русской Церковью зарубежья.

Проблемам канонически-преемственной власти епископа в Церкви Христовой была посвящена вторая статья К. Струве «На страже канонической правды», опубликованная в «Возрождении» № 439, 15 августа 1926 года.

- ¹³ Г. Федотов, «Лицо России», YMCA-Press, 1988, стр. 165.

- ¹⁴ А.В. Карташев, «Расколы русской Церкви», «Возрождение» № 41, 13 июля 1925, стр. 1.

Свою точку зрения по церковному вопросу сам А.В. Карташев, по свидетельству П.Б. Струве, называл «церковным легитимизмом». Предваряя публикацию вышеуказанной статьи А.В. Карташева заметка редакции, в которой говорилось: «...в церковных делах нужен величайший консерватизм. То, что установлено св. патриархом, не должно быть ни в коем случае изменено. Зарубежная Церковь должна и по существу, и по форме соблюдать распоряжения св. патриарха, имеющие церковное содержание и исходившие от него лично, как законного первоиерарха русской православной Церкви, сосредоточившего в своей личности не только авторитет сана, но и авторитет живого носителя православия. Это необходимо для самой зарубежной Церкви, но это необходимо и для той внутренней русской части Церкви, которая пребывает в узах. Такой консерватизм представляется нам церковно необходимым и государственно мудрым».

За статью «Расколы русской Церкви» А.В. Карташеву — члену епархиального совета при управляющем русскими церквями в Западной Европе — Архиерейским синодом был объявлен выговор. Данная публикация и публикация А.В. Карташева о положении церковных дел в Северной Америке («Возрождение» № 42) вызвали также гневную реакцию управляющего делами Архиерейского синода русской православной Церкви за границей Е.И. Махароблидзе, выступившего с открытым письмом А.В. Карташеву. В довольно грубо составленном, пестрящем нападками личного характера письме Махароблидзе обвинял А.В. Карташева в подрыве авторитета Высшего Церковного Управления и в продуманном внесении раскола в православную паству зарубежья. Оба эти документа — постановление Архиерейского синода и письмо Е.И. Махароблидзе были пересланы П.Б. Струве членом Всероссийского Церковного собора А.А. Свечинным с сопроводительным письмом. На копии постановления Архиерейского синода, от-

посетельно А.В. Карташева, рукою П.Б. Струве помечено «Для печати». Все три документа хранятся в личном архиве Н.А. Струве.

- 13 П.Б. Струве, «Дневник политика» № 72 — «Церковь и политика», «Возрождение» № 448, 24 августа 1926, стр. 1.
А.Д. Билимович (1876–1963) — экономист, автор статей на общественно-политические темы, публиковавшихся с 1921 по 1923 год в «Русской Мысли», с самого начала являвшийся близким сотрудником журнала и потом сотрудничавший во всех редактировавшихся П.Б. Струве изданиях, в связи с «Дневником политика» № 72 писал П.Б. Струве в частном письме: «...Я отноюсь не противник участия Церкви в политике и в этом отношении иду несколько дальше, нежели Вы в Вашей последней статье. И преп. Сергей, и Гермоген, и Филарет были политиками, т.е. я сказал бы политическими деятелями. И за это их не только нельзя порицать, но, наоборот, это их величайшая заслуга. И если бы сейчас какой-нибудь иерарх или святитель оказался настолько мудрым и политически одаренным, что, предположим, как-то собрал людей здесь и для умиротворения Руси посадил бы кого-либо на царский престол — я считал бы такое дело не извращением, а выполнением какой-то основной и главной задачи русской православной Церкви. Но антиподом такой политической мудрости я считаю политические действия иерархов под влиянием будь то помахивания пальца Маркова, либо сладеньких, но хитреньких наипетываний Карташева, Третьякова и, вероятно, даже И.П. Демидова (не говорю о влиянии Бердяева, о. Сергия Булгакова и, может быть, даже Карсавина). Здесь, между прочим, проходит линия, за которой мы уже сходимся с Вами. Но в общем, как видите, наши ощущения и наши мысли по поводу церковного раскола весьма сильно различаются. Я не ожидал, что эти различия так значительны. (...)

Искренно преданный Вам

А. Билимович

P.S. Издаваемые митр. Евлогием и митр. Антонием распоряжения по поводу еп. Тихона Берлинского — это скандальная страница русской Церкви, позорящая обе шлюющие распоряжения стороны, ибо м. Евлогий в них так же хорош, как и м. Антоний.
24/VIII/1926 г.

St. Aygulf (Var)

Villa "Les Ondines".»

Внесение политики в церковные дела осудил Главный Совет Российского Центрального Объединения, постановивший одним из проектов резолюции, предложенным П.Н. Финисовым, «осудить вмешательство в церковные дела каких бы то ни было политических организаций, партий, и, в меру своих сил и

возможностей, — не допускать такого на будущее время». В резолюции, принятой на заседании главного правления РЦО 20 августа 1926 г., на котором был заслушан вопрос о расдорах в среде иерархов, отмечалось: «Главное правление считает, что Российское Центральное Объединение, будучи организацией политической, не должно предпринимать каких-либо по этому вопросу выступлений и выражает твердую надежду, что и другие русские политические организации и партии также воздержатся от таковых и тем самым не создадут возможности для врагов национальной России утверждать, что российская православная Церковь является орудием борьбы русских политических организаций и партий за рубежом».

(Из проектов резолюций, предложенных П.Н. Финисовым и Е.П. Ковалевским). Личный архив Н. Струве.

- 16 Письмо А. Ваского к П.Б. Струве, довольно резкое по тону, было проникнуто идеей о нецелесообразности вынесения церковного спора на страницы газет; автор письма видел в этом «духовную распущенность господ писак».
- 17 См., например, «Отечество» от 29 августа 1926 года.
- 18 28 августа 1926 г. в «Возрождении» № 452 было опубликовано следующее сообщение, озаглавленное «Митрополит Сергей и советская власть»: «Нам пишут из Москвы: здесь стало известно, что митрополит Нижегородский Сергей, временно заменяющий находящегося в узулище местоблюстителя патриаршего престола, подал советской власти записку, в которой категорически требует легализации подлинно православной «Тихоновской» Церкви и столь же категорически утверждает, что, крепко стоя на духовных началах, на которых всегда стояло православие, как в вопросах догматических, так и в вопросах канонических, русская Церковь ни в какую политику не вмешивается, ни против какой власти не устраивает заговоров и бунтов, но и никакой власти не желает служить орудием».
- 19 «Возрождение» № 455, 31 августа 1926 года. «Дневник политика» № 75 — «Еще о Церкви и политике». После публикации этой статьи, П.Б. Струве было получено письмо из Берлина, в котором его автор — А. Овчинников — высказывался за широкое выступление на страницах «Возрождения» лидеров самых разных политических партий и групп (И.Е. Маркова, П.И. Милюкова, кн. Г.П. Трубецкого), не видя беды в том, если лица, принадлежащие к разным политическим кругам, примут участие в церковном споре.

20 Поводом к этому послужило грубое письмо, полученное П.Б. Струве от некоего М. Ростовского. Письмо гласило: *«Многоуважаемый Петр Бернгардович!*

Уж если без немца нельзя обойтись ни в одном русском деле, даже церковном, то Вы посоветуйте м. Евлогию вызвать на дуэль м. Антония. Это все-таки меньше унижит их монашеский сан, чем тащить за полы приходящих в храм помолиться для подписания адреса. Эта бабья рать сестер и собрание бабьих голосов напоминает женский батальон, защищающий Керенского. В Америке Валентино, а у нас м. Евлогий — очередное занятие журналистов и стареющих дам и политиков. Срамота!

Но самое лучшее сделали бы Вы, Карл Карлович, если бы не вмешивались не в свое дело. М. Евлогий люто преследует еп. Тихона за то, что тот монархист. Это Вам известно?

М. Ростовский».

Публикация этого письма вызвала ответную реакцию читателей «Возрождения». По поводу грубых выпадов личного плана П.Б. Струве писал: *«Моя фамилия служит поводом к разным любезностям, вплоть до наименования «Карлом Карловичем». Еще не так давно социалистическая газета «Дни» произвела меня в «немцы» за то, что я монархист (ибо «Дни» особенно любят прохаживаться насчет немецкого происхождения династии), теперь автор письма, открывающий суть церковного спора в том, что митрополит Евлогий якобы республиканец, попрекает меня за поддержку митрополита тем же, что я «немец».*

(«Возрождение» № 457, 2 сентября 1926 года).

Письма, уснащенные грубыми нападками на П.Б. Струве, в связи с занятой «Возрождением» позицией в церковном споре, были не единичными. К примеру, один из мирян писал: *«Милостивый Государь!*

«Возрождение» ведет травлю русских архиереев, а Вы ею руководите. Стыдитесь! Если травля не прекратится, я Вас публично оскорблю действием (несмотря на Вашу седину).

М. Соколов 7.IX.1926 г.»

Еще в 1925 году религиозные взгляды П.Б.Струве выносились на страницы «Последних Новостей» и становились предметом полемики, о чем свидетельствует отрывок из сохранившегося письма П.Б.Струве к сыну Константину: *«Милый Котя!*

Прочти сегодняшней № «Последних Новостей», где Гиппиус пишет о «православном Струве». Я не намерен ей отвечать, но может быть, хорошо было бы, если со стороны ей указали на непристойность — вмешивать в полемику (...) под кричащими заголовками, рассчитанными на толпы, религиозные взгляды хотя бы видного всем политического деятеля? Подумай об этом».

(Из личного архива Н.А. Струве).

21 «Возрождение» № 455, 2 сентября 1926. «Дневник политика» № 76 — «Темные и поверхностные суждения о церковных делах».

22 «Возрождение» № 466, 11 сентября 1926. И. Никаноров «Откуда пошла церковная смута», стр. 2-3 (подвал).

Сравнивая документы, относящиеся к Карловацкому собору 1926 г., И. Никаноров писал: *«В нынешнем, 1926, году митрополит Евлогий поехал на собор и сразу натолкнулся на вопрос об управлении зарубежной Церковью, формулированный в повестке весьма туманно. Результат попытки разъяснения налицо: оба канонических в зарубежном управлении митрополита — Евлогий и Платон — ушли с собора.*

8 оставшихся архиереев провели свои постановления. Сравните постановления, касающиеся управления зарубежной Церковью, и пункты «Заключений» Высшего Монархического Совета и вы получите следующее:

пункт 1-ый — Заключение авторитетно признает, что «во главе управления» по-прежнему пребывает патриарх Тихон. Собор постановляет признать давно признанного и в России и за рубежом местоблюстителя митрополита Петра.

пункт 2-ой — в основу управления кладет ноябрьское распоряжение патриарха Тихона, умалчивая о прямом назначении патриархом митрополита Евлогия. Собор делает то же.

пункт 3-ий — утверждает особую важность Архиерейского собора и синода и полностью его власти над всею зарубежною Церковью. Собор делает то же.

пункт 4-ый — утверждает главенство митрополита Антония. Собор тоже.

Особый раздел II требует скорейшего учреждения германской епархии. Собор постановляет и это». (...)

О Высшем Монархическом Совете Союз ревнителей патриаршества в одном из обращений писал: *«О виновниках раскола писали много, но искали их не там, где надо. Осуждали митрополита Антония, осуждали других иерархов, но они не есть первопричина. Начало в столкновении двух сил.*

(...) Церковь становилась сильной, господство светских лиц в ней упало. Но, пока еще не выросла мощная церковная организация, не поздно было начать борьбу за господство. На эту борьбу выступил несколько лет назад Высший Монархический Совет и пошел по линии наименьшего сопротивления. Синодальные архиереи, далекие от современной жизни, скусающие в Сербской Патриархии без дела, первые попали под влияние.

Высокопреосвященнейший митрополит Антоний, крупнейшая политическая сила и замечательнейший иерарх, больше всех сопроти-

влялся этой воле извне, с колебаниями проводил то или иное постановление синода. (...)

Попытки убедить митрополита Евлогия не увенчались успехом и Высшему Монархическому Совету был дан отпор. С этого момента было решено начать борьбу с митрополитом Евлогием и добиться всеми способами его удаления.

В Париже все дело вел и ведет Н.Д. Тальберг, т.к. он единственный из всех близких участников заговора начитан в церковных вопросах и обладает недюжинной немецкой энергией. В Карловцах роль борца выпала на долю секретаря синодального управления Е.И. Махароблидзе. (...)

Чувствуя себя сильными в синоде и увидев безнадежность захвата Западноевропейской митрополии из-за твердости и стойкости митрополита Евлогия, ВМС начал вести борьбу тремя способами: отторжением территории митрополии, пропагандой среди клира и мирян и дискредитированием самого митрополита и всех его окружающих». (...)

Союз ревнителей патриаршества 6 января 1927 г.» (Из архива Н.А. Струве).

23 «Возрождение» № 471, 16 сентября 1926, стр. 5. Письмо в редакцию председателя Высшего Монархического Совета А.Н. Крупенского из Рабаданжа: «Считая вполне правильными постановлениями Архиерейского собора 1926 года и относясь с полным уважением к свободному суждению иерархов русской Церкви, я должен сказать, что Высший Монархический Совет ни с какими предложениями об устройстве русской Церкви к Архиерейскому собору не обращался. (...)

Православная Церковь не запрещает мирянам заниматься церковными делами, и монархисты считают не только своим правом, но и долгом заботиться о церковных делах, строго подчиняясь канонической власти.

Это, однако, отнюдь не дает г. Никанорову и другим основания и права обвинять монархистов во внесении в Церковь политики. Такое обвинение совершенно голословно (...) и Никанорову слишком предупредительно предоставляются в распоряжение дела Епархиального управления».

Полемика была продолжена синодальной канцелярией Архиерейского синода, приславшей через своего управляющего Е. Махароблидзе в редакцию «Возрождения» официальное возражение на статью И. Никанорова, напечатанное газетой 17 октября 1926 года в № 502, стр. 3. Ответ И. Никанорова на письмо синодальной канцелярии см. в «Возрождении» № 531, 15 ноября 1926 года, стр. 2.

24 «Возрождение» № 471, 16 сентября 1926. П.Б. Струве, «Дневник политика» № 79 — «Еще о духе соглашения и единения».

25 В личном архиве Н.А. Струве сохранились письма, адресованные главному редактору «Возрождения» членами церковных советов, прихожанами, в которых последние описывали положение дел на местах, порою искренно скорбя о расколе эмигрантской Церкви, порою оставаясь непримиримыми сторонниками одной из враждующих приходских группировок. Обилие таких писем не позволяет привести их все, ограничусь двумя примерами:

«Лондон, 12.2.1927 г.

(...)

Лондонская позиция в споре — важная. И в церковном совете, и в приходе мы сильно боремся за митрополита Евлогия, но это нелегко из-за многих его ошибок. Наша задача здесь именно уяснить всем всю важность для Церкви стоять за митрополита Евлогия. Я счастлив, что, наконец, удалось на эту точку зрения привести Е.В. Саблина и А.В. Вильямс. Раньше они тоже колебались ввиду ошибок митрополита Евлогия. За последние 2 дня Лондон наводнен монархическими противоевлогиевскими листовками. Но английская выдержка и спокойствие передались и в характер русских лондонцев. Мы надеемся отстоять митрополита, но это очень тяжелая работа.

В. Коренчевский».

«Ницца, 23.4.1927 г.

(...)

Сижу тут на юге по церковным делам вот уже 3 недели. Отколовшиеся необыкновенно упорны и сосредоточились преимущественно в Ментон (это чисто расколыничья слобода) и отчасти в Cannes, где ими руководят в первом Тальберг, а во втором — кн. П.П. Голицын. Наш противник не брезгует никакими мерами и ведет против меня лично ожесточенную травлю. Обороняюсь, как могу, а где надо наступая! Должен сознаться, что атмосфера очень тяжелая (...). Голицын не церемонится — священника о. Александра Ельчишинова уволил из законоучителей Каннского прихода в 24 часа (а он многосемейный и нештатный) за то, что тот не «Маркионец». (...)

Е. Ковалевский».

(Сохранились также письма прихожан Ниццы, подтверждавших свою верность митрополиту Евлогию и порицавших кн. П.П. Голицына за его полемику с «Возрождением». О приходских настроениях в Ницце см. статью «Приходское собрание в Ницце» в «Возрождении» № 653 и «опровержение» кн. Голицына в «Возрождении» № 666).

Берлину более других городов русского зарубежья суждено было явить печальную картину церковной распри, всю напряженность и трагизм которой раскрыл в своем интервью «Возрождению» С.Л. Франк, являвшийся членом церковного приходского совета в Берлине и читавший в октябре 1926

года лекции в Духовной Академии при Сергиевском Подворье. Интервью было опубликовано в «Возрождении» № 512, 27 октября 1926 года и вызвало упреки С.Л. Франку в необъективности и пессимизме со стороны монархически настроенных членов берлинского прихода А. Масленникова и А. Кольберг. См.: «Возрождение» № 552, 6 декабря 1926, стр. 2 и 3. В своем интервью «Возрождению», а также об идейной близости с П.Б. Струве в отношении к церковному расколу, С.Л. Франк пишет в книге воспоминаний. С.Л. Франк «Биография П.Б. Струве», Нью-Йорк, 1956 г., стр. 142. Позже, по свидетельству Н.А. Струве, С.Л. Франк не согласился с переходом Западноевропейской митрополии, возглавляемой митрополитом Евлогием, под омофор Вселенского патриарха, и до конца оставался с русской Церковью-мученицей. О необоснованности упреков «Возрождению» в разжигании церковной смуты свидетельствуют, приводимые ниже, два письма кн. Г.Н. Трубецкого, сохранившиеся в личном архиве Н.А. Струве. Оба документа показывают, как стремились церковные деятели, соотрудники «Возрождения», всеми силами избежать излишней огласки церковных нестроений, стремясь утишить распрю и не осложнять ее газетной полемикой.

I.

*Grand Hôtel
Bains les Bains (Vosges)
2.VIII.1926*

*Дорогой Петр Бернгардович,
Совершенно доверительно и только для Вашего личного сведения сообщая Вам копию моего письма к Великому Князю, ибо в нем я во всей полноте и откровенности излагаю свой взгляд на опасность раскола в Церкви. Радуюсь сдержанности «Возрождения». Пока есть надежда, что непоправимое будет избегнуто, лучше не осложнять и не обострять дела газетной полемикой.*

Сердечно Ваш Г.Т.

P.S. Я здесь до 17 августа, а потом поеду Villa Menchikoff Baden Baden. В первых числах сентября рассчитываю вернуться в Clamart.

II.

*Грандотель Бэн ле Бэн (Вож)
4.VIII.1926*

*Дорогой Кирилл Иосифович,
Я получил вчера из Сербии «Окружное послание» митрополита Антония, отпечатанное отдельным оттиском. Не знаю, дошло ли оно до Вас. К сожалению, теперь молчание нарушено и, мне кажется, надо отвечать. Посылаю Вам статью, которую написал сегодня ночью. Но ввиду крайней ее ответственности, я очень просил бы Вас показать ее раньше двум лицам, мнением коих*

очень дорожу: прежде всего Михаилу Ник. Гирсу, крайне осторожно и мудрому, имеющему большое влияние на митр. Евлогию. Прочтите ему статью, и если он найдет, что можно печатать, то раньше покажите митр. Евлогию и спросите его согласия, сославшись на мнение М.Н. Гирса. Прошу Вас лично и в соответствии с тем, что они скажут, сделать все изменения, которые найдете желательными.

(...)

По существу и по форме послание Антония неприлично, но может быть есть надежда на выход из положения, в двух вариантах:

- 1) Гласное заявление митрополита Евлогия о готовности погнаться, если на то будет соизволение местоблюстителя, а до тех пор статус кво.*
- 2) В крайнем случае уступка Германии, но особо отредактированное и обставленное гарантиями заявление архиереев, что никаких дальнейших изменений в объеме прав и территории автономных округов, а также комиссии собора и синода не будут допущены без изволения канонической власти России.*

Если мои предложения компромисса расходятся с утверждениями в статьях, то это потому, что я считаю, что надо все-таки сначала сказать всю правду, а потом уже дело иерархов быть примирительными, если они найдут возможным.

Искренне Вам преданный

Григорий Трубецкой.

27 «Возрождение» № 502, 17 октября 1926. «К церковному спору». Передовая статья (без подписи, но по стилю явно П.Б. Струве). Ответом одного из читателей на эту статью явилось предложение временно отложить обсуждение дел в зарубежной Церкви и ждать решения из России, от митрополита Сергия.

28 «Возрождение» № 600, 23 января 1927 года.

29 Часть православного рассеяния, понимавшая необходимость скорейшего восстановления нарушенного равновесия в церковных делах, приветствовала мысль о созыве всезаграничного собора. Идею собора поддерживали даже отдельные «карловчане», писавшие, к примеру, главному редактору «Возрождения»: «Глубокоуважаемый Петр Бернгардович, Я принадлежу в церковном вопросе к тому подавляющему большинству эмиграции, считающей, что весь спор затеян двумя митрополитами на почве чисто личной, и что нам, обывателям, надо продолжать ходить в Церковь, как мы и раньше ходили, и что храм Божий не перестает быть храмом от того, что служащий батюшка признает, по тем или иным соображениям, Евлогия или Антония. Поэтому я считаю, что единственно правильной точкой зрения

является мысль Трубецкого, считающего необходимым созвать зарубежный собор (который передаст, надеюсь, власть ни Антонию, ни Евлогию), и ошибочной Вашу первоначальную точку зрения, что каждый обязан стать на сторону Евлогия.

В.Г.» (подпись неразборчива).

Были и миряне, среди которых предложение о созыве собора не нашло поддержки:

«Я прочла в Вашей уважаемой газете о желании созыва всезаграничного собора. (...) Как это жутко и страшно. Ведь это отнимет у нас последнее, что у нас осталось здесь на земле. Почему думаете Вы, что для тех людей, для которых воля патриарха Тихона не авторитет, может быть авторитетом этот собор? Ведь эти люди смогут и в соборе найти неправильности. Да и какая же возможность при нашей разбросанности и нищете созвать действительно всезаграничный собор, у кого хватит средств, чтобы ехать?! Врагов Церкви Вы этим не убедите и не успокоите, и кого бы этот собор не поставил, они будут продолжать свой подкуп. (...) А если собор подберется из их сторонников, что очень возможно, потому что они не останавливаются ни перед какими средствами для проведения своих целей, а на нашей стороне больше «теплых», чем «горячих», то, конечно, этот собор может нанести уже тогда ничем непоправимый удар и тогда мы оторвемся окончательно от наших братьев из России, которые не отойдут от воли почившего св. патриарха, и для них заграничный собор не будет авторитетом. И нас, для которых Церковь так дорога, Вы совсем обездолите, уже не будет где и головы преклонить.

К.Е.К.

12 марта 1927 года».

(Оба письма из личного архива Н.А. Струве. Приводятся с сокращениями).

- ³⁰ Об озабоченности П.Б. Струве ходом церковных дел в январе 1927 года свидетельствует следующее его письмо епископу Сергию (Королеву):

«Париж, 22 января 1927 г.

Дорогой и высокочтимый Владыко!

Глубоко был обрадован и тронут присылкой мне снимка с Успенского, что на Ольшанах, храма с надписью, к которой и Вы приложили руку.

Простите, что не успел своевременно поздравить Вас с праздником и с Новым годом. Весьма стыжусь!

Ход церковных дел меня продолжает огорчать, а тут еще епископ Вениамин* уехал из Подворья, что, конечно, не может не произвести соблазнительного впечатления.

* Епископ Вениамин принял сторону Архиерейского синода и перешел кратковременно в его подчинение.

Обратите внимание, Владыка, на корреспонденцию в «Возрождении» из Лондона «Верующий еврей» и т.д. (от 22 января). Поучительная вещь!

Испрашивая Ваших архипастырских молитв и благословения, остаюсь (от руки):

Любящий Вас духовный сын Петр Струве».

- ³¹ «Возрождение» № 611, 3 февраля 1927 года. Полный текст «Определения» Архиерейского синода Русской Православной Церкви за границей пункт III по делу о церковной смуте см.: «Церковные ведомости» № 1 и 2 (116-117) от 1/14-15/28 января 1927 года, стр. 3-5.

- ³² «Возрождение» № 610, 2 февраля 1927 года. Ответ митрополита Евлогия Архиерейскому синоду предваряла заметка редакции «Возрождения», озаглавленная «Ослепление». В связи с «Обращением» митрополита Евлогия и в связи с действиями синода в «Дневнике политика» № 123 П.Б. Струве писал: «...поддержание мира было в высшей степени облегчаемо — как бы это сказать? — географической ненужностью и искусственностью самого спора. В этом отношении «Указ» Карловацкого синода, не говоря уже об его канонической несостоятельности, представляет попытку внести в положение зарубежной Церкви чисто бытовое расстройство. В этой ненужности есть нечто жестокое, ибо — раз совершаются такие действия, как «Указ» Карловацкого синода, — ужас их заключается в том, что они сами, виновники этих действий, до последней степени психологически и юридически наперед затруднили мирное и безболезненное исправление положения».

- ³³ «Возрождение» № 622, 14 февраля 1927 года. И. Никаноров, «Митрополит Евлогий к своей пастве», стр. 1; «Возрождение» № 613, 5 февраля 1927 года. «Обращение митрополита Евлогия к духовенству и приходам», стр. 1.

- ³⁴ Положение дел и состояние умов прихожан передает одно из писем лондонского прихожанина, читателя «Возрождения»: «Lister Institute of Preventiva Medecine London, SV I 27.2.1927

Глубокоуважаемый Петр Бернгардович,

Время совершенно не терпит! Если Вы согласны с идеей, уговорите митрополита Евлогия издать отдельный указ:

- 1) о своем категорическом согласии на всезаграничный собор;
- 2) о своем согласии на епархиальный собор, если Карловцы откажутся от всезаграничного.

Иначе, откровенно говоря, за владыкой Евлогием никто прочно здесь не пойдет. (...)

Мы все убеждены в канонической правоте митрополита, но его неумение организовать действующее и после его смерти церковное правление трудно извинимо, даже принимая во внимание все подводные скалы. (...)

Теперь важно одно — ясная демонстрация владыкой того, что он за соборность, и согласие на исправление таких вопиющих недостатков его системы церковного управления, как, например, непредусмотренные преемственности правления в случае смерти или болезни владыки. (...)

Издание указа нужно немедленное до нашего приходского собрания, имеющего быть в это воскресенье. Победа у нас архиепископа Серафима будет большой и это будет трудно поправимый удар для митрополита Евлогия и заграничной Церкви. Вы совершенно не подозреваете, какой блестящий выбор Карловцы сделали в лице арх. Серафима: лукав, хитер и удивительно умеет входить в сердце среднего обывателя. К великому счастью, Карловцы не слушают его мудрых советов. Это — опасный враг при всем его духовном ничтожестве.

Если согласны, не медля, сделайте все, что можете.

Душевно уважающий Вас

В. Коренчевский.

Атмосфера напряженности и внутриприходской борьбы поддерживалась крайними сторонниками Карловацкого синода, распространявшими листовки, обращения, воззвания против митрополита Евлогия (см.: «Возрождение» № 628, 20 февраля 1927 г. Статья «Довольно лжи!»). Не способствовали умиротворению приходской жизни и окружные послания, с которыми Архиерейский синод обращался к пастве Западно-европейской епархии.

²² Г.П. Федотов, «Лицо России», УМСА-Press, 1988, стр. 166. Н.Д. Тальберг — идеолог карловацкой ориентации, был сотрудником еженедельной эмигрантской газеты «Отечество», просуществовавшей как орган «Русского зарубежного Патриотического Объединения» два года — 1926 и 1927. В архиве Н.А. Струве хранится открытое письмо секретаря Бечкерекского отдела Монархического Объединения в Сербии А. Хвостова, осуждающего деятельность Н.Д. Тальберга в период церковного спора.

Н.Е. Марков — депутат III и IV Думы, был одним из руководителей Союза Русского Народа. Получил в эмиграции известность как один из организаторов провала зарубежного съезда, а позже — как разжигатель церковной смуты.

В связи с обвинениями митрополита Евлогия и преподавателей Богословского института в «ересях» и «модернизме», В.Н. Ильин писал: «В последнее время противники митрополита

Евлогия, почувствовав, что каноническая почва, на которую они имели неосторожность вступить, колеблется у них под ногами, решили избрать иной путь (...). С точки зрения целесообразности, такую перемену тактики нельзя не признать для противников митрополита Евлогия значительно более полезной, чем крайне опасной для них же самих канонический поединок. В самом деле, если каноническая контраверза ничего не говорила среднему обывателю и не пугала его, то обвинения в ереси много сказали ему, и еще более — напугали. Несомненно верен и расчет на невежество толпы, которая, как и всегда, «ленива и нелюбопытна», предпочитает судить с чужого голоса и совершенно не интересуется фактической стороной дела.

Судя по содержанию «Послания Архиерейского синода Русской Православной Церкви за границей» 18/31 марта 1927 г. № 341, его авторы под «модернизмом» понимают, во-первых, апологию не то реформы, не то реформации со стороны проф. А.В. Карташева и, во-вторых, учение о Софии Премудрости Божией, развиваемое проф. прот. Сергием Булгаковым в некоторых его сочинениях.

(В.Н. Ильин, «Церковная смута и обвинения в еретическом модернизме», «Церковный Вестник» № 1, июнь-июль 1927, стр. 19-20). Вся статья В.Н. Ильина явилась доказательством злонамеренности и необоснованности обвинений А.В. Карташева и о. Сергия Булгакова в «ересях».

Полемика на богословские темы минула страницы «Возрождения» и велась официальным изданием Карловацкого синода «Церковные Ведомости», дававшим одностороннее освещение церковной смуты и нападавшим на такие газеты русского рассеяния, как «Возрождение», «Дни», «Руль» и др. Чтобы противостоять этому, Западно-европейской епархией, по благословению митрополита Евлогия, было предпринято издание «Церковного Вестника», первый номер которого вышел в июне 1927 года.

²⁶ Кн. Г.И. Трубецкой, «Раскол в Церкви или конфликт между иерархами», «Возрождение» № 617, 9 февраля 1927. В связи со статьей Трубецкого, П.Б. Струве получил письмо постоянного читателя, склоняющегося на точку зрения Н.Е. Маркова, выступившего со статьей «Правда о церковной смуте». Обстоятельно ответил автору письма, С.Ф. Ефремову, в частном порядке, П.Б. Струве со страниц «Возрождения» обратился к мирянам: «Церковный народ в своем огромном большинстве юридическим вопросом вовсе не интересуется, но раз, исходя из определенного юридического взгляда, этот народ запугивают церковными карами, как это очевидно делает Н.Е. Марков, то необходимо до конца выяснить, так сказать, обнажить юридическую

основу этого вопроса. Мы это делаем и будем впредь это делать». «Возрождение» № 617, 9 февраля 1927 года. П.Б. Струве, «Дневник политика» № 131 — «Еще о церковном споре». Мирская среда беженства, не без колебания, но все же в большинстве своем, осудила статью Н.Е. Маркова о церковной смуте. Резкой оценке и гневному осуждению подвергся Н.Е. Марков за свою «богословскую» статью «Реформаторы православия», исполненную нападок и упреков в ереси в адрес о. С. Булгакова — автора речи, сказанной им на выпускном акте Богословского института и напечатанной в V-ой книге журнала «Путь». По благословению митрополита Евлогия, в защиту свободного развития православной богословской мысли, в защиту прот. Булгакова выступил иеродиакон Иоанн (Шаховской).

³⁷ Задолго до высказанного мирянами предложения обратиться к великому князю с просьбой выступить в качестве примирителя в церковном споре, это сделал в личном письме кн. Г.Н. Трубецкой, обстоятельно и документированно раскрыв его императорскому высочеству источники смуты и доказав правоту позиции митрополита Евлогия. Но, как и в деле объединения зарубежья в период съезда, так и в период церковных нестроений, великим князем была проявлена расхолаживающая русское рассеяние пассивность. Возможность публично выразить свое отношение к церковным нестроениям и призвать к мирному их разрешению представлялась 4 февраля 1927 года, когда вел. кн. Николай Николаевич принял председателей правлений Русского Зарубежного Патриотического и Российского Центрального Объединений проф. И.П. Алексинского и А.О. Гукасова, выступивших с изложением основ своей деятельности, о чем «Возрождение» сообщало в № 616, 8 февраля 1927 г.

Чрезвычайное приходское собрание Александро-Невского прихода, большинство участников которого, 245 голосами, высказалось в поддержку митрополита Евлогия, проходило в присутствии и при участии не вел. кн. Николая Николаевича, а кн. Гавриила Константиновича («Возрождение» № 644, 8 марта 1927 года).

Безактивность вел. кн. Николая Николаевича и усложнявшееся положение в Церкви зарубежья порождало самые невероятные слухи и предположения, о чем свидетельствуют приводимые ниже отрывки из письма читателя «Возрождения» и заметка из харбинской газеты «Вестник»:

«Глубокоуважаемый Господин редактор!

Мне хотелось бы поделиться с Вами несколькими мыслями по поводу настоящей стадии злосчастной церковной смуты. Дело в

том, что в Париже появился слух, — и очень упорный, — будто местоблюститель патриаршего престола прислал митрополиту Евлогию письмо с указанием на необходимость войти в контакт с собором епископов и какой угодно ценой достигнуть примирения. Затем, будто, великий князь в связи с этим уже открыто перешел на сторону соборной Церкви и что галлиполийский союз последует его примеру».

Заключая письмо, встревоженный мирянин писал: «Зная исключительное влияние, которым пользуетесь Вы в среде зарубежья, мне думается, Вы могли бы взять на себя почетную и высокую роль примирителя».

Уважающий Вас

К.П. (неразборчиво)

15 июня 1927 г.»

Газета «Вестник», выходящая в Харбине, поместила в апреле 1927 г. следующую заметку:

«Керенский от Церкви

Нам пишут из Парижа: происходящая сейчас в зарубежной православной Церкви разруха и нестроение является результатом упорной тайной работы масонов.

Митрополит Евлогий является в руках масонов послушной игрушкой и в церковной смуте играет роль Керенского.

Подавляющее большинство православной паствы за рубежом глубоко скорбит по поводу распри духовной и молит Бога о взаимлении ослепленных гордыней и суемудрием архипастырей». «Вестник» № 1, 24 апреля 1927, стр. 4. Данная газета была переслана вместе с пачкой др. дальневосточных газет в редакцию «Возрождения» И.А. Глебовым, писавшим: *«С настоящим письмом посылается пачка дальневосточных газет, среди которых найдете также листок «Вестник» № 1, каковой на 4 странице поместил статью «Керенский от Церкви»; желательнее, чтобы редакция газеты «Возрождение» поместила бы в очередном номере отповедь сказанному листку за его неправдивые сведения о митрополите Евлогии, чем будет внесено успокоение среди верующих в защиту патриарших заветов православия и его канонов».* (Личный архив Н.А. Струве).

Не возымели действия в деле умиротворения церковной распри ни проект декларации местоблюстителя митрополита Сергия от 10 июня 1926 г., ни его ответ на запрос зарубежных иерархов, который был опубликован в ревельской газете в феврале 1927 года и перепечатан «Возрождением» № 663, 25 февраля 1927 года. (Последнее вызвало критику в адрес «Возрождения» со стороны группы прихожан-карловцев, обратившихся к П.Б. Струве с письмом). Зарубежью не была точно и документально известна переписка между митрополитами Сергием и Евлогием, имевшая

место осенью 1927 года и касавшаяся всего зарубежного духовенства. Просачивающиеся в парижскую прессу сведения о получении каких-то актов, бумаг из Москвы, рассылке среди духовенства записок за подписью о. И. Смирнова и Г. Аметистова, не проливая света на реальное положение дел, будоражили мирскую стихию русского рассеяния. Отражением ситуации и настроений осени 1927 года явилась помещенная в № 9 газеты «Россия» от 22 октября 1927 года статья кн. Г.Н. Трубецкого, писавшего: *«Переписка между митрополитами Сергием и Евлогием вступает в новый фазис. Получено новое письмо митрополита Сергия. К сожалению, когда мы пишем эти строки, оно не оглашено в печати, а мы узнаем о нем только из краткого изложения, появившегося в газетах, причем точность этого изложения мы должны, конечно, оставить всецело на ответственности его составителей. Между тем от каждого отдельного представителя зарубежного духовенства требуется весьма ответственное решение. Мы надеемся, что они будут более подробно только духовенства. Он касается всей зарубежной Церкви, и мы все, казалось бы, вправе быть в этом отношении не только наполовину осведомленными. Что касается мнения митрополита Евлогия по этому вопросу, то мы конечно не можем полагаться на случайные интервью в таких органах печати, которые менее всего могут притязать на роль епархиальных ведомостей».*

³⁸ «Возрождение» № 633, 25 февраля 1927 года. П.Б. Струве, «Церковные нестроения и выход из них». Передовая статья. См. также передовицу в № 655, 19 марта 1927 года, «О церковных нестроениях».

³⁹ Кн. Г.Н. Трубецкой «Церковная смута» статья 1, «Возрождение» № 637, 1 марта 1927, стр. 2-3.

«Церковная смута» статья 2, «Возрождение» № 641, 5 марта 1927, стр. 2-3.

«Выход из церковной смуты», «Возрождение» № 647, 11 марта 1927. Передовая статья.

«О церковном мире», «Возрождение» № 648, 12 марта 1927. Послесловие.

«О созыве Всеазиатского Собора», «Возрождение» № 662, 26 марта 1927.

⁴⁰ «Возрождение» № 662, 26 марта 1927 года. Не разделяя точку зрения кн. Г.Н. Трубецкого, гр. Коковцов решительно заявил в беседе с корреспондентом «Возрождения» Л. Львовым, что он не видит реальных возможностей для осуществления созыва всеазиатского церковного собора.

ра. Выход из создавшегося положения в Западноевропейской епархии, возглавляемой митрополитом Евлогием, он видел в переходе последнего под омофор Вселенского патриарха или кого-либо из восточных патриархов. Публикация этого интервью с гр. В.Н. Коковцовым вызвала резкую ответную реакцию кн. Г.Н. Трубецкого, выразившего свои чувства в личном письме П.Б. Струве, но отказавшегося, во имя пользы дела, от продолжительной газетной полемики с гр. В.Н. Коковцовым.

В номере «Возрождения», в котором печаталось интервью с гр. В.Н. Коковцовым, представляя последнего читателям, редакция отмечала: *«Гр. Коковцов воплощает государственный опыт и мудрость императорской России, а его противники в церковном споре приписывают ему левые «масонские идеи».* («Возрождение» № 655, 19 марта 1927 года).

Гр. Коковцов не был масоном, и в этом отношении упреки его противников были совершенно беспочвенны. Небезынтересен, напротив, тот факт, что «московским масоном еще задолго до первой войны» был кн. Г.Н. Трубецкой, продолживший семейную традицию («его предок И.Н. Трубецкой состоял в XVIII веке в ложе «Гармония»), о чем пишет Н. Берберова в книге «Люди и ложи», 1986, стр. 54, 62. Она же отмечает, что кн. Г.Н. Трубецкой «в эмиграции во Франции активной роли в ложах не играл». (Там же, стр. 159).

Необходимо отметить, что при всем совпадении взглядов по вопросу церковных нестроений и при всей дружбе, сближавшей кн. Г.Н. Трубецкого и П.Б. Струве, последнему представлялась более приемлемой точка зрения гр. В.Н. Коковцова на разрешение церковного конфликта, о чем свидетельствует отрывок из письма П.Б. Струве, адресованного жене, Нине Александровне:

«17.X.1926

Устраивал интимное совещание по церковным делам у себя на квартире. Были: гр. В.Н. Коковцов, М.И. Гирс, кн. Г.Н. Трубецкой, А.В. Карташев, о. С.Н. Булгаков, И.В. Никаноров, Н.Н. Чебышев, К.И. Зайцев, В.В. Шульгин. Обозначились два течения: более радикальное, представителем которого характерным образом был гр. Коковцов, и умеренное, или соглашательское (оба Трубецкие, Гирс, Чебышев). Я лично гораздо ближе к Коковцову, чем к Трубецким! Результатом совещания [неразборчиво], но совершенно не обсуждалась на нем моя передовая «К церковному спору», в воскресном номере. Я ставил только общий вопрос и вопрос о печати «Письма из России» в том же воскресном номере. Обратите на этот номер свое и чужое внимание, но факт совещания и его состав ни в коем случае не подлежит разглашению». (...)

Время показало, что обращение к авторитету Вселенского патриарха для разрешения церковных разногласий было единственной возможностью прекращения смуты. Это, видимо, понимал и митрополит Евлогий, имевший, в лице своего представителя, аудиенцию у Вселенского патриарха в марте 1927 года. (В архиве Н.А. Струве сохранились письма, свидетельствующие о том, что по этому вопросу, в среде мирян, мнения резко расходились).

⁴¹ «Возрождение» № 761, 3 июля 1927 года. П.Б. Струве, «К епархиальному собранию». Передовая статья.

⁴² Там же, И. Никаноров, «Нормальное русло церковной жизни», стр. 2.

⁴³ «Возрождение» № 761, 3 июля 1927 года. П. Езерский, «Задачи епархиального собрания».

Что касается представительности епархиального собрания, И. Никаноров писал: *«Представлена была западноевропейская паства весьма сильно: 14 стран — Франция, Англия, Германия, Голландия, Бельгия, Швейцария, Дания, Чехословакия, Италия, Венгрия, Румыния, Австрия, Австралия, Финляндия с 57 прихожанами (от каждого прихода) составляют эту паству, и из них не могли прибыть лишь представители Австралии, Финляндии и Румынии, а откололось два прихода — Рим и Бари, — иначе число бы их было 59».*

Личный состав собрания не был ни слабым, ни случайным: во главе 3 иерарха, все известные своей преданностью соборным началам и Московскому Патриаршему Престолу, причем архиепископ Владимир Белостокский и епископ Сергей Бельский за эту преданность насильственно лишены своих кафедр автокефалистом Варшавским митрополитом Дионисием и польским правительством высланы из пределов государства.

Клир дал таких деятелей, как прот. Прозоров, прот. Орлов (Женева), прот. Булгаков, прот. Колчев, прот. Ломако, прот. Н. Бер, прот. Ктитарев, прот. Четвериков и др. Миряне прислали старого государственника гр. В.И. Коковцова, проф. А.В. Карташева, проф. М.А. Таубе, И.А. Стратонова, А.П. Калигинского, А.В. Бельгарда, А.С. Чудинова, А.В. Вахрушева, Ф.И. Грюнмана, Г. Рутченко».
«Возрождение» № 777, 19 июля 1927 года, стр. 1.

⁴⁴ «Возрождение» № 765, 7 июля 1927 года, стр. 1. Другими итогами епархиального собрания были:

1) избрание комитета попечителей о Богословском институте, в который вошли: митрополит Евлогий, архиепископ Владимир, епископ Сергей, кн. Г. Трубецкой, В.И. Коков-

цов, С.А. Чудинов, архимандрит Иоанн (Шаховской), Н.И. Шидловский, М.М. Осоргин, Е.П. Ковалевский, И.В. Никаноров;

- 2) создание комитета по вопросам сближения православной и англиканской церквей;
- 3) создание школьного совета по церковному воспитанию юношества;
- 4) избрание епархиального совета в следующем составе:
клирики: прот. И. Смирнов, Н. Сахаров, Г. Спасский, архимандрит Иоанн;
миряне: гр. В.И. Коковцов, Н.И. Шидловский, Е.П. Ковалевский.

⁴⁵ «Возрождение» № 777, 19 июля 1927 года. И. Никаноров, «Итоги епархиального собрания».

⁴⁶ 17 февраля 1931 г. митрополит Евлогий был принят в Константинополе Фотием II и назначен экзархом Вселенского патриарха. Вспоминая об этом единственно верном в тех критических условиях выходе, митрополит Евлогий писал в своих воспоминаниях: *«Так благополучно разрешился сложный вопрос о каноническом неопределенном моем положении, создавшемся после разрыва со мной: вместо зыбкости канонического положения — каноническая устойчивость; вместо увольнения — я назначен экзархом Вселенского патриарха; я и моя паства не оторвались от Вселенской Церкви, сохранили с ней каноническую связь при соблюдении внутренней русской автономии».* «Путь моей жизни», цит. соч., стр. 627.

Меньшинство духовенства и верующих, не принявших это решение, образовало третью группу среди русских эмигрантов, оставшуюся в юрисдикции Московской Патриархии. Таким образом, Церковь за рубежом оказалась разделенной на три группы, отражавшие различные тенденции.

⁴⁷ «Вестник РХД» № 159, УМСА-Press, 1990, стр. 242. О том, что и сегодня Архиерейский синод русской православной Церкви за границей нарушает мир и единство церковные, свидетельствует Рождественское Послание 1990/1991 г. «Архипастырям, пастырям и всем чадам русской православной Церкви» святейшего патриарха Московского и всея Руси Алексия II, в котором деятельность Архиерейского заграничного синода поставлена в один ряд с выступлениями раскольников-автокефалистов на Украине: *«Вместе с тем мы должны со смирением признать, что по грехам нашим Церковь продолжает испытывать немалые трудности, связанные с конфликтом между православными и католиками восточного обряда в западных*

областях Украины, с активным разрушением церковного единства раскольниками-автокефалистами на Украине, с разрушительными «деяниями» старающегося внести смуту в жизнь нашей Церкви так называемого собора Русской Православной Церкви за границей. Перед этой печальной реальностью нам, чадам церковным, необходимо сугубой молитвой и ревностными усилиями приблизить восстановление мира и единства церковного, утишить и справедливо разрешить конфликт между конфессиями». Рождественское Послание патриарха Московского и всея Руси Алексия II, Москва, 1990/1991.

С.С. ХОРУЖИЙ

О БИОГРАФИИ ЛЬВА КАРСАВИНА И НЕКОТОРЫХ ОТ НЕЕ ДАЛЕКИХ ПРЕДМЕТАХ

(Письмо в редакцию)

В декабре 1992 г. в Петербурге наконец состоялось, впервые в России, Чтения, посвященные памяти Карсавина. В Литве такие Чтения сумели провести раньше, в апреле 1991 г. В исследовании жизни и творчества мыслителя, равно как и в выпуске его трудов, российская наука не могла похвастать особенными успехами. Работ с анализом карсавинского наследия были немногие единицы. Книг его вышло 6 (по сведениям, доступным организаторам) — но три из них были малыми брошюрами без всякого аппарата,¹ и только две² были комментированными изданиями, приближавшимися к академическим нормам; впрочем, и они были объемом невелики. Неудивительно, что открывший Чтения обзорный доклад о карсавинских штудиях в России — сделать его выпала честь мне — на львиную долю был перечнем белых пятен и нерешенных проблем.

Однако уже само проведение Чтений было сдвигом к лучшему. По известным трудностям времени, планы организаторов исполнились лишь частично, многие ожидавшиеся участники не прибыли, но при всем том, трехдневная научная программа была насыщенной и содержательной. Главной лакуной была малочисленность историков: хотя приложены были усилия по их оповещению и приглашению, однако, в итоге, вся яркая и важная деятельность Карсавина как историка средневековой цивилизации, как теоретика истории оказалась затронутою совсем в немногих докладах (прежде всего, В.И. Мажуги /Петербург/ и В.Л. Рабиновича /Москва/). Философии Карсавина повезло больше. Общий взгляд на нее был представлен в докладе К.К. Иванова (Петербург); в докладе Г. Мажейкис (Литва) карсавинская метафизика любви обсуждалась с

привлечением неизвестных в России литовских текстов философа. Детально, в отдельных заседаниях, рассматривались связи Карсавина с евразийством (о чем В.В. Козловский и И.А. Савкин (Петербург), А.В. Соболев (Москва) сообщили новые архивные данные) и тема смерти в его творчестве. Что очень ценно, на Чтениях прозвучало и живое свидетельство о философе — сильный и впечатляющий рассказ Ю.К. Герасимова (Петербург), бывшего узника Абези, одного из лагерных собеседников Карсавина. Можно надеяться, что все событие заметно поможет оживлению и координации дальнейших работ. Была наконец-то создана Комиссия по творческому наследию Карсавина, и в настоящее время предпринимаются шаги по изданию трудов Чтений, дополненных другими карсавинскими материалами.

«Вестник РХД» пока не откликнулся на событие Чтений; однако наша работа по публикации книг Карсавина его внимание привлекла: в № 166 (III-1992) появилась анонимная статья «Об издании книг Л.П. Карсавина в России» за подписью К*. Обсудив бегло на двух страницах два недавних издания, даже не упомянув еще три, аноним посвящает затем 12 страниц критике моего очерка «Жизнь и учение Льва Карсавина», сопровождающего выпущенный мною первый том философских трудов мыслителя. Критика эта — как далее увидит читатель — настолько односторонняя, что не заслуживала бы ответа; но поместил ее журнал, имеющий особенные права на уважение русского читателя. Два года назад, открывая работу философской секции Конгресса Соотечественников в Москве, я говорил, что многие годы роль «Вестника» в России подобна была роли столичного журнала в провинции: с трудом раздобывая его номера, мы приобщались отсутствовавшей у нас русской христианской культуре. Что же? теперь, когда «Вестник» с удручающею готовностью предоставил свои страницы недобросовестным нападкам в мой адрес, расплачиваясь за хвалы свои, я с терпением отвечаю — вместо того, чтобы послать творение анонима в корзину. Заодно — дабы извлечь

из прискорбной оказии хотя малый прок — я познакомлю читателя кое с какими из неясных вопросов вокруг Карсавина.

Критика г-на К* касается лишь тем биографии и библиографии; не решаясь пускаться в метафизику, в этой части моей работы он опасливо признает «достойнства». Но весь подход мой к Карсавину — подход философа, и реконструкция карсавинской философии — главная цель, главное содержание моего очерка! Здесь и только здесь я выдвигаю собственные позиции и концепции, тогда как в вопросах биографии я в полной зависимости от источников. Обстоятельства же таковы, что о жизни Карсавина надежных источников мало, а вокруг многих эпизодов и целых периодов этой жизни сложился дух неизвестности, завуалированности, легенды, даже мистификации... Карсавин, как не раз отмечалось, интимно связан с Серебряным Веком, его стилем жизнетворчества, куда входили эстетика масок и зеркал, театрализация, стирание границ между жизнью, поэзией, философией — вплоть до полного их слияния в едином материальном действе. И когда сейчас, в иную эпоху, люди иного склада садятся писать «научные биографии» — их на каждом шагу встречают противоречия и загадки.

Г-н же К*, как явствует из его текста, оказался обладателем ряда материалов и сведений о Карсавине, которые прежде не были известны исследователям. Обычный путь действий в таких случаях прост: ученый обнаруживает свои находки, дабы они служили общему делу. Но К* имеет другие цели, как мы увидим.

Первая из карсавинских загадок уходит во времена прежде его рождения: это — пресловутое родство философа с А.С. Хомяковым. Сведения о нем идут отнюдь не из слухов и не из косвенных источников: налицо прямое свидетельство не какого-нибудь анонима, но лично — сестры философа, великой Тамары Карсавиной. В своих мемуарах «Театральная улица», опубликованных по-английски в Лондоне в 1930 г., она прямо называет А.С. Хомякова «дядюшкой» своей матери — и никаких поправок и возражений брата, профессионала-

историка, на то не последовало. Казалось бы, факт прочтен; и, совершенно естественно, все или почти все, писавшие о жизни Карсавина, сообщали о его родстве с Хомяковым. Продолжают сообщать о нем и новейшие издания, подготовленные уже позднее моего очерка: публикация «Монашества в Средние века» М. Бойцовым и словарь «Русские писатели. 1800-1917», отличающийся подробностью и тщательностью. Что же до меня, то, включив обычное сообщение в очерк (писавшийся, в основном, в 1989 г.), я все же решил затем уточнить его — и сразу же начались вопросы. Мать Льва и Тамары Анна Иосифовна, рожденная Хомякова, заведомо не могла быть ни племянницей, ни даже внучатой племянницей Алексея Степановича, ибо у него был единственный брат Федор, не оставивший потомства, и единственная сестра Анна, не имевшая дочери Анны или сына Иосифа. Общие предки Карсавина и А.С. Хомякова, если таковые существовали после Адама, должны быть не менее чем на два колена прежде великого славянофила. Дворянская фамилия Хомяковых, шедшая со времен Грозного, была распространенною, как то уже показывает предание о соборном выборе прадеда Алексея Степановича из многих Хомяковых, далеких между собой; Анна Степановна Хомякова даже вышла замуж за некоего своего однофамильца. И родство это — не единственная неясность карсавинской родословной. В той же «Театральной улице» пишется, что бабушка Тамары и Льва по матери была гречанкою из рода Палеологов³ — меж тем как генеалоги, у коих я справлялся, считают, что представителей этого рода давно уже не было в России. А в документальной повести о литовских годах Карсавина⁴ автор, лично знавший его тогда, рассказывает, что в числе своих предков философ называл еще и князей Мышецких и бояр Шеиных. Возможно, точный генеалогический розыск подтвердит все эти нити родства, а возможно... возможно, придется вспомнить, что в театральной среде — на театральной улице, так сказать, — было даже очень в ходу украшать свою родословную знатными родичами и предками. Ни стилю Серебряного Века, ни

стилю Карсавина такое не противоречило бы. Однако, возвращаясь к А.С. Хомякову, нельзя сомневаться в одном: имя и личность великого славянофила были домашней темой в семье Карсавиных, и будущий философ с детства впитывал их влияние. Так я подхожу к этой теме в том, что сделано уже после очерка: в сценарии фильма о Карсавине, который сейчас снимает российское телевидение.

Но при чем же тут г-н К*? А г-н К* ядовито обвиняет меня как раз в том, что в моем очерке «прилежно повторена полулегенда о родстве Карсавина с А.С. Хомяковым» (сообщая, что узнал о сомнительности этого родства из бесед с дочерью философа летом 1990 г.). Но, позвольте, «полулегенда» повторялась и повторяется всегда и всеми, кто писал о Карсавине! Точно так же, как я, повторяет ее М. Бойцов; однако же о его статье, вместо излития яду, аноним выносит такое беспристрастное суждение: «написанная аккуратно, производит самое лучшее впечатление»...

Равную добросовестность проявляет критик, говоря о моем освещении евразийского периода Карсавина. Отношение Карсавина к большевизму — сложный вопрос, где оценки требуют крайней взвешенности. Поэтому я тщательно различаю между двумя очень разными кругами, куда входил философ. Я констатирую:

- 1) среди деятелей евразийства «безусловно, он не был в числе самых левых и большевистствующих» (с. 46).

Однако в то же время

- 2) «из всего круга наших религиозных мыслителей, бесспорно, именно он заходил дальше всех в принятии и одобрении большевистской политики» (с. 37).

И то, и другое — трудно поставить под сомнение. Как же передает мою позицию К*? А К*, говоря о Карсавине среди евразийцев, приводит не относящуюся к ним оценку 1), а противоположную оценку 2), обрезав начало цитаты и скрыв, с кем же в ней сравнивается философ! Остается «заходил дальше всех...» — и умный К* резко критикует несправедливое суждение.

Это — сознательная фальсификация моего текста. С какой целью — выясняется тут же: из недобросовестной цитаты К* выводит суровое заключение о моем «недостаточном знании биографии ученого» (с. 142)...

Обычно все же аноним не покушается на темы принципиальные; однако во всем, что касается фактического материала, он выступает как судья и авторитет: его миссия — дать строгую оценку, с позиций научной точности, всему корпусу приводимых сведений, дат, ссылок. Как мы говорили, у него здесь вправду есть некоторый багаж; но с ним соседствует и явная бестолковость. Уже на первых страницах мы с изумлением читаем: «Отметим, что еще за одиннадцать лет до появления книги «О личности» Карсавин поместил в журнале «Путь» небольшую статью, в которой наметил основные направления будущего исследования» (с. 136). «О личности» — главная философская книга Карсавина, и вышла она в 1929 г. Стало быть, Бердяев уже издавал свой «Путь» в 1918-м?? Но нет, ниже статья и дата ее названы явно: наш эрудит знает, что обсуждаемая статья вышла в 1928 г. Что же — следовательно, книга вышла, по его мнению, в 1939-м? Остается только добавить, что ни статьи, ни книги авторитет не читал: статья в «Пути», почти одновременная с книгой, есть попросту первый раздел ее!⁵ Комментарии излишни.

Стоит ли разбирать дальнейшие обвинения? Их много, и все они — смесь придинок, передергиваний, где мелькают, действительно, и новые сведения, новые материалы — но это новое и полезное по-настоящему не осмыслено. Проводимую мною параллель между Карсавиным и героем романа Пастернака К* «опровергает». Эта ситуационно-типологическая параллель, опирающаяся на мой тезис об «убыстренной смене поколений» в культуре Серебряного Века⁶ и на анализ отношений Карсавина с философами движения «от марксизма к идеализму», — не догма и не теорема, ее можно уточнять, оспаривать. Г-н же К* сокрушает параллель указанием на связь Карсавина со школой Гревса и заодно, конечно, обличает мое «поверхностное

знакомство с трудами Л. Карсавина по истории Средневековья» (с. 137). Любопытный читатель прочтет в очерке, что параллель с Юрием Живаго я специально отношу к Карсавину-философу, а не историку; историческую же деятельность Карсавина вообще не включаю в круг своих тем, ограничиваясь краткими сведениями о ней и полагая ее анализ делом медиевистов.

Но все же нужно сказать о чисто фактическом. Г-н К* находит «многочисленные ошибки» в подписях под фотографиями в моем томе. Здесь я могу быть краток. Кроме снимков Абези и Е. Ч. Скржинской, все фотографии присланы мне из Парижа Марианной Львовной Сувчинской; она же любезно снабдила их пояснениями. Разумеется, я не прибавил ни слова к ним, однако некоторые был вынужден сократить. Пользуясь случаем, привожу эти пояснения полностью: они содержательны и «атмосферичны». Нумерация следует данной в книге.

Титул. «Фотография сделана в Литве, но не очень поздно. Думаю, в начале 30-х годов. Отец прислал ее в Париж и она была опубликована в «Евразийском Временнике». (Указание о первой публикации этого снимка в моей книге — ошибка издателей, я дал им такое указание обо всех снимках, кроме данного. Все мне известные публикации других снимков — позднее сдачи книги в печать. — С. Х.)

1. Мать и отец «на кумысе» до поездки в Италию, т.е. это 1908-09 гг. Мама, Лидия Николаевна Кузнецова, старше отца на год, ей здесь 26-27 лет. Снимал брат матери Всеволод Николаевич Кузнецов, военный врач, участник Русско-Японской войны. У него, как и у отца, были слабые легкие (он и умер от туберкулеза), поэтому ездил с ними «на кумыс» в Башкирию. Брат мамы умер в советское время в 30-е годы, кажется, в Сибири, но не в ссылке. Он переписывался с матерью, присылал нам из России детские книги. После его смерти мама переписывалась с его женой тетей Лешей.

3. Рисунок Л.Н. Верховской,⁷ 1910 г. Удивительное сходство. И его поза, он часто сидел так. Тетя Лика — приятельница матери, они подружились на женских курсах. Л.Н. в родстве с муз. критиком В.Н. Каратыги-

ным, который бывал у нас, мы жили после высылки из России (сначала довольно долго в гостинице в Штеттине). Карсавин снят на балконе, на котором состоялась в те же годы первая его встреча с П.П. Сувчинским, задолго до нашего замужества. Вход на балкон был из кабинета Льва Платоновича.

11. Клармар, 1927-28 гг. Отец на втором этаже нашего двухэтажного дома. Собаку звали Тютенька, отец увез ее в Литву, брал ее с собой в Университет, и все ее там хорошо знали, не хуже отца.

12. 1931 г., Париж, Северный Вокзал. Отъезд в Литву. Слева направо: две литовки, сопровождавшие отца, его знакомые из Ковно или из Вильнюса; мои сестры Ирина и Сусанна (крайняя). Снимала я аппаратом, который отец мне подарил в 27-м году».

Другая область фактического — библиография. Здесь отчего-то пик придирчивости г-на К*, любое упущение будит в нем такой гнев, что диву даешься... Я и М. Бойцов говорим о лагерных стихах Карсавина, у меня при этом нет ссылки на книгу «Два года в Абези» (и не может быть, писалось до ее выхода), а у М. Бойцова — не только на эту книгу, а еще и на публикацию в «Вестнике» 1972 г. — главную по Карсавину за долгий период. Да что там, у него первая же ссылка на первой же странице — неверная. И ему — ни слова, «производит лучшее впечатление». А мне-то... батюшки-светы! Говоря же серьезно, библиографические цели для меня не стояли ни на первом, ни даже на третьем месте, задачи труда моего были в ином; и однако все необходимые рамки здесь выдержаны, вопреки визгам К*. Переиздание «Поэмы о смерти» в 1991 г. заведомо не могло быть известно мне, и о том сам К* обязан знать, поскольку выходные данные моей книги ясно сообщают: она сдана была в набор 15.01.1991. Что же до книги «Два года в Абези», то она, судя по всему, сдавалась в издательство одновременно с моим томом: в обоих случаях составитель успел в последний момент использовать материал В. Шаронова из «Русской мысли» за 18.05.1990. Но, увы, мы работаем в неравных условиях: в Брюсселе книга благополучно вышла в

свет в том же 1990-м году, в Москве — в 1992-м, и при том совсем в ином виде (см. ниже)... Нелепо занимать место разбором всех комариных библиоукусов К*, стоит ли разьяснять, к примеру, что «Католичество» — популярная историческая книжка и, упоминая ее переиздание, я никак не противоречу своему утверждению о том, что философские труды Карсавина не переиздавались. Естественно, что о некоторых зарубежных изданиях я не знал — надо ли напоминать, каким был их доступ к нам! Но забавно, что о двух переизданиях (брошюр «Saligia» и «О сомнении, науке и вере»), которых я не только не держал в руках, но даже не слышал о них, — К* решительно заявляет, что я их «не мог не знать». Подобным способом счет моих преступлений легко довести до любого наперед заданного числа. Рекомендуем начинающим критикам.

Помимо отдельных замечаний, г-н К* любезно берет на себя труд обозреть также и всю в целом работу мою над Карсавиным. Я начал, как пишет он, «с кратких библиографических очерков о Л. Карсавине для нескольких изданий «Философского словаря» (с. 135). Но здесь уже мы поправим его, и в его же стиле. Г-н К* не мог не знать, что первые мои крупные работы о Карсавине появились около 20 лет назад в самиздате: философская статья «Основные идеи христианской метафизики Карсавина» — в сборнике «Слово», посвященном юбилею пастырского служения о. Александра Меня,⁸ эссе «Лев Карсавин» — в «Московском сборнике», выпускавшемся Л. Бородиным. Также еще глубоко при коммунистах началась долгая работа по сбору и подготовке к печати карсавинских текстов. То было «общее дело»: требовалось разыскивать и перепечатывать, сверять, комментировать многие сотни и тысячи страниц, и христианские кружки Москвы, руководимые сотрудниками о. Александра, в течение многих лет отряжали мне бескорыстных помощников. Была заочная связь с А.А. Ванеевым в Петербурге, я посылал ему свои работы, получал от него лагерные тексты Карсавина. И, как только христианская мысль перестала быть запретной, я начал попытки публикации карсавинских

книг. 23 августа 1988 г. издательство «Мысль» утвердило детальную заявку на выпуск трудов Карсавина в серии «Философское наследие» в двух томах, общим объемом 110 печ. листов. К концу 1989 г. первый том был готов и сдан — 57 листов, включавших 5 главных философских книг: «Noctes Petropolitanae», «Философия истории», «О началах», «О личности», «Поэма о смерти», снабженных комментариями; к середине 1990 г. был завершен и вступительный очерк. Подготовлен был и второй том, куда вошли почти все остальные из опубликованных по-русски религиозно-философских работ, включая статьи в газете «Евразия» (хотя некоторой части евразийских публикаций найти не удалось). Но план выпуска Карсавина в «Мысли» не удался, и том I был передан в издательство «Интербук» (ныне «Ренессанс»), где его пришлось разбить на три, изменив порядок произведений. В конечном же счете, как известно, в свет вышли 20 листов из подготовленных 110 — две вещи, к которым вскоре присоединится третья, «Философия истории».

Такова краткая история большого общего дела, единое целое с которым составляет мой очерк. Участники его доверяли мне и верили, что их труд служит возвращению христианского слова, христианской мысли в нашу страну — а не амбициям анонима, который «стремится выступить в роли своего рода “первооткрывателя”». Именно поэтому я не должен оставить попросту без внимания стряпню анонима, который посмел так выразиться обо мне, — с помощью редакции. Когда я вспоминаю те христианские кружки, ту среду, в которой рождалась и протекала наша работа, мне кажется, что там многое напоминало дух раннего РСХД, то были явно близкие родственные явления. И с грустным недоумением найдя анонимную критику этой работы на страницах «Вестника РХД», я надеюсь, что редакция, хотя бы и запоздало, исправит свою оплошность.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Поэма о смерти. СПб, 1991. Основы политики. Тверь, 1992. Феноменология революции. Тверь, 1992.
- 2 Монашество в Средние века. М., 1992. Религиозно-философские сочинения. Т. 1. М., 1992. Переиздание брошюры «Восток, Запад и русская идея» (М., 1991) содержит обширную статью А.Л. Ястребицкой, но не снабжено комментарием.
- 3 О родстве с Палеологами пишет и А.З. Штейнберг, относя его, однако, в область преданий: «По преданию, семья Карсавиных происходила от Палеологов» (А.З. Штейнберг. Друзья ранних лет. Париж, Синтаксис, 1991, с. 201).
- 4 Б.М. Тунгусов. Апостол истины — П. 11. «Вильнюс», 1989, № 9, 10 (отрывки).
- 5 Отметим для точности: с малыми редакционными отличиями. В моем комментарии к «О личности» статья учтена и упомянута, хотя К* пишет, якобы внося дополнение.
- 6 Об этом см. также в другой моей работе: С.С. Хоружий. Русь — новая Александрия: страница из предистории евразийской идеи. «Начала», 1992, № 4.
- 7 Сестра Юрия Никандровича Верховского, поэта-символиста из близкого окружения Блока.
- 8 По сообщениям (сам я не видел книги), эта статья, а также другая моя работа, «Заметки по теории символа», по неизвестным причинам не вошли в издание «Слова», осуществленное на Западе; в российских самиздатных экземплярах сборника они присутствуют.

Прим. Ред.

Мы не разделяем слишком придирчивой критики г-на К*, особенно, что она обходит ценную и вполне удавшуюся попытку С.С. Хоружего изложить философскую систему Л. Карсавина. Но и отклик С.С. Хоружего был настолько резок, что мы вынуждены были его сократить и сгладить.

НОВИНКА « YMCA-PRESS » НОВИНКА

В серии «Исследования Новейшей Русской Истории»
(под общей редакцией А. Солженицына)
вышел обобщающий труд

И.А. ДУГАС — Ф.Я. ЧЕРОН

ВЫЧЕРКНУТЫЕ ИЗ ПАМЯТИ

Книга о судьбе миллионов советских военнопленных во время Второй мировой войны. Опираясь на собственный опыт и воспоминания бывших пленных и «остовцев», используя труды как западных, так и российских историков и опубликованные архивные материалы, авторы в исторической последовательности рассказывают о преследованиях, которые испытали эти люди со стороны двух террористических систем, сталинской и гитлеровской, и о насильственной выдаче их Советам третьей системой — демократической.

Париж, 1994, 434 стр.

Цена: 150 фр.фр.

Заказы направлять по адресу: **“ LES EDITEURS REUNIS ”**

11 rue de la Montagne-Ste-Geneviève, 75005 Paris, France

тел. : 43.54.74.46

ЛИТЕРАТУРА И ЖИЗНЬ

Илья БАСИН

ЕСЬКОВСКАЯ ОБЩИНА ОТЦА МАТФЕЯ КОНСТАНТИНОВСКОГО

Отец Матфей Константиновский (Александров) известен сейчас, пожалуй, только тем, что окормлял Н.В. Гоголя в последние годы жизни писателя. Традиционно в отце Матфее видят фанатика, губителя гоголевского таланта, «ржевского Савонаролу». Но суждения эти несправедливы — в действительности облик отца Матфея и чище, и глубже, и драматичнее.

Не имея возможности в краткой заметке коснуться всех обстоятельств жизни ржевского протоиерея, остановлюсь лишь на нескольких характеристиках. Прежде всего, необходимо сказать о сходстве (даже внешнем¹) отца Матфея со святым Иоанном Кронштадтским. Оба они были «харизматиками», и проявлялось это прежде всего в их молитве. Отец Матфей во время литургии буквально пламенел перед престолом, и глаза, и лицо его менялись... Примечательный случай произошел с ним в 1853 году в Петербурге. Ржевский проповедник был к тому времени известен в столице, и Николай I захотел убедиться в его красноречии. Отцу Матфею было приказано служить литургию в присутствии императора. Смущение, робость, страхи, одолевавшие священника в начале службы, улетучились, когда диакон прочитал Евангелие. Отец Матфей, захваченный Словом Божиим, забыл и об императоре, и о Петербурге, а в конце литургии произнес пламенную проповедь.

И на сельских приходах, и во Ржеве отец Матфей проповедовал за каждой литургией, и всегда — без предварительной подготовки и без записи. Тверской архиепископ Григорий (Постников) дал ему на это редкое в те времена разрешение. И любовь, и зависть, и ненависть к отцу Матфею росли по мере раскрытия его молитвенного и проповеднического дара.

Но каково было содержание проповедей отца Матфея? Об этом мы знаем чрезвычайно мало. Каковы были специфические особенности его пастырского душепопечительства? Об этом можно судить лишь по косвенным данным. Отец Матфей был строгим аскетом, и его ревностное искание чистоты и освящения передавалось духовным детям. Один из них, церковный публицист Т.И. Филиппов, в набросках к ненаписанным воспоминаниям говорил о своем «напряженном религиозном состоянии» в пору общения с отцом Матфеем.² Зная о харизматическом служении ржевского протоиерея, можно предположить, что в нем самом это напряжение проистекало из живого чувства присутствия Христа. (В ранней Церкви именно такое глубинное мистическое переживание рождало резкий, бескомпромиссный эсхатологизм, ощущение наступающего конца мира сего, пришествия Жениха, грядущего в полночи). Но если человек, приходивший к отцу Матфею, не имел интенсивного опыта Богоприсутствия, то это религиозное напряжение духовника, передаваясь неопиту, вполне могло порождать у него внеевангельский пессимизм, мироотречение, некую псевдомонашескую жизненную пассивность.

Учитывая эту неадекватность восприятия аскетизма отца Матфея людьми с разным духовным опытом, можно утверждать, что на самом деле ржевский протоиерей вовсе не был мрачным ригористом, фанатиком, пронизанным мертвенным духом ненависти ко всему «мирскому». По воспоминаниям Е.Н. Бастамовой, одной из духовных дочерей отца Матфея, «он был строгий жизни, великий постник, но от других не требовал строгого соблюдения поста. Он был всегда такой жизнерадостный... Грубости в отце Матфее не было».³

Всю жизнь аскет-проповедник вел полемику со старообрядцами, которых и в Тверской губернии, и во Ржеве было довольно много. Эта деятельность доставляла ему множество неприятностей, даже несчастий, а в конце жизни отец Матфей в своих отношениях со старообрядцами перешел границы допустимого. Когда его попытки превратить старообрядческую часовню в единоверческую церковь встретили массовое сопротивление, на подмогу были вызваны войска. Только такт и находчивость военного начальства предотвратили кровавую трагедию. Поведение отца Матфея возмутило Московского митрополита Филарета (Дроздова), да и не его одного...

В то же время, есть свидетельство упомянутой уже Е.Н. Бастамовой: «Мне рассказывал один еврей, что он часто бывал у отца Матфея. Отец Матвей много и очень просто беседовал с ним, читал ему Евангелие и толковал его, даже позволял ему приходить в церковь и присутствовать на литургии оглашенных. «Если ты чего не поймешь теперь, подумай и, может быть, Бог поможет тебе понять». Еврея очень поражало то, что православный священник так относится к нему, еврею*».⁴ Столь тактичная миссионерская работа с иудаизмом для середины XIX века уникальна.

Безусловно, отец Матфей — человек некоей переходной эпохи. Интеллектуально он принадлежал к уходящему уже «средневековому миросозерцанию». И не совсем ошибался Д.С. Мережковский, усматривая в отце Матфее представителя «бесплотного», едва ли не монофизитского христианства...⁵ В то же время в глубинах духа ржевский протоиерей безусловно вновь и вновь переживал встречу с воскресшим Христом, и встреча эта его потрясала, исторгала необычайную по напряжению и экспрессии молитву, давала силы, терпение, мужество... Но облик отца Матфея приобрел драматическую двойственность, наложившую свой отпечаток на его отношения с Гоголем.

* В то время жители Ржева относились к евреям с особой нетерпимостью (прим. Е.Н. Бастамовой).

Вслед за литературоведами нескольких поколений можно предположить, что отец Матфей не до конца понимал все терзания, все хитросплетения жизни своего подопечного. Но нельзя при этом забывать, что Гоголь сознательно искал духовника, умеющего вести путем покаяния и подвига, что был он в это время измучен не только страданиями плоти, но и душевной болезнью... Последнее обстоятельство всегда невероятно усложняет для священника задачу духовного руководства. Не имея возможности подробно остановиться на взаимоотношениях отца Матфея и Н.В. Гоголя, ограничусь одним замечанием. «Средневековое мирозерцание», безусловно, не содержит в себе внятного отношения к художественному творчеству, дара «различения духов» в этой сфере, не позволяет церковному народу все дары Божии проявить и принять как достояние Церкви. Но отец Матфей лишь отчасти принадлежал к этой преходящей форме религиозности. Молитва отца Матфея, его литургия, проповедь, сам харизматический склад личности — достояние того, что в жизни Церкви и ново, и вечно в то же время. «Есть различия в дарованиях, а Дух — тот же. И есть различия в служениях, а Господь — тот же. И есть различия в действиях, а Бог — тот же, производящий всё во всех» (I Кор. 12:4-6).

Важно знать и помнить, что отец Матфей был едва ли не единственным священником в николаевской России, создававшим у себя на приходах небольшие общины мирян, регулярно собиравшиеся для молитвы и чтения Писания. Чтобы познакомиться с документом о жизни одной из этих общин, осталось кратко очертить биографию отца Матфея.

* * *

Родился он 6 ноября (ст. стиля) 1791 года в селе Константиново Новоторжского уезда Тверской губернии. Отец Матфея, Александр Андреевич, был диаконом. Мать, Марфа Афанасьевна, со временем стала не менее ревностным аскетом, чем ее сын. В пору, когда отец Матфей сам стал диаконом, Марфа Афанасьевна

носила на теле вериги, держала строгий пост и при этом выполняла всю необходимую крестьянскую работу.

Униженное социальное положение сельского диакона Александра сказалось и в том, что даже фамилии родовой у его сына Матфея не было. В документах он называется то Александровым (по имени отца), то Константиновским (по имени родного села).

В 1799 году Матфея отдали в Тверскую семинарию. Учился он плохо, тяжело это переживал и часто с молитвой обращался за помощью к преподобному Ефрему Новоторжскому. Тогда впервые проявился экстатический дар будущего священника — ночью во время молитвы святой Ефрем явился мальчику, благословил его, и с тех пор до самой смерти у отца Матфея была прекрасная память.

После семинарии юноша собирался принять постриг, но в это время (1810 год) умер его отец. Мать и две сестры Матфея оказались без средств к существованию. Пришлось искателю монашества забыть о монастыре. В 1813 году он женится на дочери сельского священника Марии Дмитриевне Григорьевой, а 20 февраля 1814 года архиепископ Тверской и Кашинский Мефодий (Смирнов) посвятил Матфея в диакона.

Служить отец Матфей начал в селе Осечня Вышневолоцкого уезда, жил в бедности, сам пахал, сеял, молотил, косил... Но время для ежедневной молитвы, чтения Евангелия и Апостола находилось всегда. Уже в те годы отец Матфей был строгим аскетом и постником. В Осечне он вступает в небезопасный конфликт с помещиком, генералом Цыбульским, жестоко обращавшимся с крепостными и позволявшим себе безобразные выходы в храме. Каждое воскресенье после литургии диакон Матфей отправлялся в деревни, населенные старообрядцами, где вел продолжительные (и мирные) беседы, за что снискал благорасположение тогдашнего Тверского архиепископа Филарета (Дроздова), будущего митрополита.

31 октября 1820 года Тверской архиепископ Симеон (Крылов-Платонов) посвятил отца Матфея в священ-

ники, определив для служения в село Диево Бежецкого уезда. Местные жители были совершенными язычниками... И в течение двенадцати лет отец Матфей насаждал среди них веру Христову. Здесь развился и окреп его проповеднический дар. Одним из видов миссионерского служения молодого иерея были собрания мирян (на дому у священника или в храме до богослужения) для чтения Писания, молитвы и поучения. Продолжалась эта практика и в селе Еськи, куда отца Матфея перевели в 1833 году.

Его миссионерская деятельность вызывала крайнее раздражение близслужущих священников, поскольку любовь крестьян к своему пастырю возрастала от года к году. Неудивительно, что травля со стороны лжебратии также ширилась с каждым годом...⁶ В декабре 1833 года благочинный отец Иоанн Градницкий взял у отца Матфея подписку, «чтобы бываемое в доме его с собирающимися прихожанами пение и чтение Слова Божия в ночное время прекратить и в церкви не произносить устно Слово Божие впредь». Вскоре, по доносу отца Иоанна, Тверской архиепископ Григорий (Постников) назначает расследование. 31 января 1834 года отец Георгий Данилов составил публикуемый ниже документ. Были сняты показания как отца Матфея, так и некоторых его коллег. После этого отец Матфей, познакомившись со своеобразным «протоколом», сделал замечания по некоторым пунктам, которые были приписаны вслед за текстом отца Георгия.⁷ (Выше я уже говорил о причинах, по которым отец Матфей называется в нем не Константиновским, а Александровым).

Разбирательство не принесло большого успеха врагам еськовского миссионера. Отец Иоанн Градницкий был даже удален от должности, но и за отцом Матфеем архиепископ назначил надзор. Прямо запрещать его собрания владыка Григорий не стал, но и разрешать их не осмеливался... Эта неопределенность тянулась до лета 1835 года, когда после долгой беседы с отцом Матфеем в алтаре, у престола, архиепископ Григорий объявил священникам Бежецкого уезда, собравшимся в

соборе: «Вот вам образец; подражайте ему. И я более ничего не желаю».

Еще через год архиерей перевел отца Матфея в Ржев, специально для обращения старообрядцев. Здесь отец Матфей служил двадцать лет, ежедневно совершая Евхаристию. Во Ржеве продолжает преследовать отца Матфея зависть и ненависть; во Ржеве происходит его знакомство с Гоголем. Здесь прихожанам знаменитого уже проповедника приоткрывается внутреннее молитвенное делание пастыря — отец Матфей к тому времени стяжал дар непрестанной Иисусовой молитвы.

В 1857 году ржевского протоиерея не стало. Сохранилось свидетельство, записанное со слов архимандрита Макария, настоятеля Тверского Успенского Отроча монастыря: «В последний раз в своей беседе, начавшейся словом о том, как основалась и распространялась Церковь Христова, отец Матфей в продолжение беседы более и более оживлялся; к концу же беседы лицо его вдруг засияло от духовного движения, как металл, проникнутый огнем. А собеседник его, пораженный необычайным видением, невольно воскликнул: «Батюшка, батюшка! что с вами?» Не сказав ничего прямо в изъяснение сего недоумения, отец Матфей отвечал: «Примите малые — последние — эти крупички и от моей духовной трапезы», и, к удивлению, тут же встал и ушел. Это было на третьей неделе Великого поста; а старец Божий скончался на первых днях Фоминой недели».⁸

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Иконография отца Матфея: Альбом выставки в память Н.В. Гоголя и В.А. Жуковского. М., 1902, с. 38; Научно-атеистические исследования в музеях. Л., 1986, с. 79.

² «Я в ту пору [1856 год — И. Б.] издавал «Русскую» Беседу» и понемногу выходил из напряженного религиозного состояния, в котором находился с тех пор, как отдал себя в духовное руководство отцу Матвею. Я вновь стал носить приличную одежду, вновь приобрел утраченные простые приемы, воротилась ко мне моя природная любезность и приветливость;

лице мое тоже приняло свой прежний, свежий и здоровый вид» (Гос. архив Российской Федерации, ф. 1099, оп. 1, ед. хр. 98, л. 8).

Из воспоминаний Елизаветы Николаевны Бастамовой // Сборник Тверского общества любителей истории, археологии и естествознания. Тверь, 1903. Вып. I, с. 249, 251.

Там же, с. 251.

См.: Мережковский Д.С. Гоголь и чорт. М., 1906, с. 176-187.

В сведениях о расколе по Тверской губернии тогда появилась запись: «С 1830 года открылась в Бежецком уезде секта, которой и названия официально не усвоено, известная в народе под именем Богомолв. Общество их состоит из одного сословия крестьян...» («Душеполезное чтение». 1901. Часть II. Июнь. С. 251. В тексте журнала явная опечатка: «С 1850 года...»). Позднее, во Ржеве духовных детей отца Матфея называли «матвейстами» и «секты матвеевской».

Этот документ, среди прочих, связанных с жизнью отца Матфея, был опубликован И. Поповым в 1909 году. По его изданию выполнена моя републикация. См.: Материалы для биографии Ржевского Протоиерея Матвея Александровича Константиновского // «Душеполезное чтение». 1909. Часть II. Июнь. С. 244-249. Целиком публикация И. Попова размещена в апрельской, майской и июньской книжках «Душеполезного чтения» за 1909 год.

Феодор [Бухарев], архим. Странники // «Странник». 1860. Том I, Январь. С. 5. По словам ученика архимандрита Феодора (Бухарева), профессора Н.И. Субботина, архимандрит Феодор относился к отцу Матфею чрезвычайно почтительно, почти благоговейно. См.: Субботин Н. Из истории раскола в первые годы царствования императора Александра II-го // «Душеполезное чтение». 1900. Часть I, С. 596.

Материалы разбирательства

1) Собrania в доме Александрова начались еще по определении его в дьяконы 1814 г. Вышневолоцкого уезда в погост Осечню.

2) Оные собрания поначалу были после заутрени до обедни, только в воскресные и праздничные дни; и к утверждению того и другого представляю свидетелями погоста Осечни священников: Андрея Семенова, Иоанна Михайлова и Алексея Спиридонова, диакона Василия Васильева, дьячков: Петра Данилова, Ивана Васильева и Гавриила Васильева, пономарей: Александра Петрова и Ефима Данилова.

3) Собrania сии начались единственно по усердию его, Александрова, к чтению Слова Божия и такому же усердию желающих слышать оное, без всякого другого случая.

4) Собирались к нему, Александрову, в дом обоего пола люди.

5) Когда он, Александров, был в Осечне дьяконом, то собирались к нему люди всех возрастов, кроме отроческого. Когда же он, Александров, переведен был во священника в село Диево Бежецкого уезда, то собирались к нему люди в воскресные и праздничные дни после заутрени до обедни в церкви; а после обедни в доме собирались изредка и понемногу; в последний же год его бытия в Диеве, что было в 1832 году, собирались в церкви в вечернее время до десяти часов пополудни; а по переведении его в село Еськи сперва собирались к нему в дом только в воскресные и праздничные дни после обеда до вечерни взрослые, а с октября месяца и по 20-е декабря протекшего 1833 года собирались и после вечерни, не исключая и отроческого возраста.

6) Собирались большею частию свои прихожане, а иногда немногие приходили и из других приходов; кто именно из других приходов, он, Александров, их не спрашивал и именно сказать не может.

7) Чужие прихожане привлекаемы были на сии собрания, как полагает он, Александров, проведав о них

от своих прихожан, которых он о приглашении других на сии собрания никогда не просил и не внушал.

8) По переведении его, Александрова, в село Еськи собирались к нему сперва в воскресные и праздничные дни, а особенно на то установленных дней не было, а с первых чисел октября по 20-е декабря каждодневно.

9) Продолжались оные собрания не далее 10-ти часов пополудни, а во всю ночь никогда не бывало.

10) В сих собраниях он, Александров, читал иногда жития святых, а иногда поучения преподобного Сирина и Златоуста, по требованию самого собрания, а иногда из Евангелия и Апостолов: Иакова, Петра и 12-ю главу Апостола Павла к Римлянам, и устно объяснял, что неудобовразумительно для них.

11) Иногда он, Александров, в сих собраниях говорил и устные поучения, то объясняя догматы веры, в Символе содержащиеся, то нравоучительные о христианской жизни; в чем ссылается на крестьян того села, именно: Федора Сергеева, Парамона Тиханова, Степана Алексева, Матвея и Григорья Степановых.

12) Было в оных собраниях и пение, которым занимались от мала до велика, и пели наиболее: Царю Небесный, О Пресладкий Иисусе, О Всепетая Мати, догматики, им известные, и чаще поемые ирмосы, а иногда — славословие великое, изредка — Тебе Бога хвалим, Высшую небес, Достойно есть яко воистину, Верую (Символ) и молитву «Отче наш» и Се жених грядет в полунощи.

13) Во время сих собраний возжигается была лампада с елеем пред образом Спасителя, Божия Матери, а иногда две или три восковые свечи. Масло на счет священника Александрова, а свечи иногда приносились были прихождими, в чем свидетельствуюсь теми же вышепомянутыми крестьянами.

14) Во время пения стоят на полу в комнате пред иконами, а во время чтения сидят на лавках и на полу.

15) Он, Александров, людей, бывающих в сих собраниях, без надлежащего приуготовления и только потому, что бывают у него в собрании, никого не причащал в своей церкви, кроме крестьянина села Еська

Федора Сергеева, который, хотя ходил, но говорил, что чувствует себя нездоровым, — по его просьбе 27 числа мая приобщил, и еще Селецкого прихода крестьянина Михаила, деревни не упомнит, и двух Валдайского уезда странников, идущих в Киев и по святым угодникам, коих имя одного Елисей, а другого не припомнит (и селений их не знает), отдохавших у него, Александрова, около двух суток, по их прошению и желанию, с надлежащим приуготовлением и исповедью. В чем ссылаюсь на священнослужителей села Еська.

16) Желаящих причащаться с надлежащим приуготовлением он, Александров, причащал во все четыре поста, в субботу и воскресенье, а в другое время никого не причащал, кроме вышеозначенных села Еська, Селецкого и двух странствующих крестьян, по неотступной их просьбе.

17) В церкви поучения говорил устно без надлежащей цензуры.

18) Таковые поучения говорил каждое воскресенье и каждый праздничный день своей очередной недели. В чем свидетельствуюсь на священноцерковнослужителей того села и прихожан.

19) Говорил поучения всегда из текстов Евангелий дневных, более и чаще о назидании внутреннего человека, о суете и кратковременности жизни человеческой, о будущей жизни, о бесконечном воздаянии праведным и о муке, ожидающей грешников нераскаянных, и о суде страшном, и втором пришествии в мир Христа Спасителя. В чем также ссылаюсь на священноцерковнослужителей и прихожан того села.

20) Без цензуры говорил он, Александров, потому, что не писал наперед и после говорения; впрочем, нимало не сомневаясь в их пользе для слушателей, так как он заимствовал все мысли для своих поучений из многократно читанных им: Ефрема Сирина, Златоуста и писателя Лествицы Иоанна и других сочинений.

21) По первому запрещению местного благочинного собраний не прекратил, потому что он советовал только, а он (отец Матфей — И. Б.) противуполагал себе важность обязанности священнической касательно

проповедания Слова Божия, живо и сильно выраженное Апостолом Павлом в сих словах: «горе мне, аще не благовестую».

22) По второму прямо запрещению местного благочинного, со времени данной им, Александровым, ему, благочинному, подписки сии собрания с 20 числа декабря 1833 года и по сие время прекращены.

23) Из других приходов причастников не бывает, кроме вышепрописанных Селецкого прихожанина и Валдайского уезда двоих, которых Александров допустил по неотступной их просьбе. В чем ссылаюсь на священноцерковнослужителей села Еська.

Священник Матвей Александров Константиновский против показания священника Николая Иоаннова и диакона Тимофея Петрова спрашиван и показал:

Против 6-го пункта. Собирались к нему, Александрову, из части священника Николая Иванова не менее, как и своих прихожан; а из приходов: Котовского, Порецкого, Чижевского и Узменского приходили, а именно ли из тех приходов, того он, Александров, так как их не знает, и утвердить не может.

Против 7-го пункта. Он, Александров, разглашать о бывающих в его доме собраниях в чужих приходах никого не просил, и рассказывать о своей святости никому не внушал, и что Узменский священник Никита Лукин заметил от него, Александрова, нарочно посланного для того — быть не может, чего и сам священник Лукин на него, Александрова, по священству не может показать.

Против 9-го пункта. При расходе собрания из дома священника Александрова отправлялись некоторые с фонарями в часовню, отстоящую не менее версты от села, и, оттуда возвратившись, заходили в дом крестьянина Федора Сергеева и пето там следующее: «Ложе, моё ложе» и далее. Но он, Александров, никакого им к тому не подавал повода и, как скоро узнал о том обстоятельстве, советовал им и то, и другое прекратить, что вскоре и исполнено.

Против 15-го пункта. Из людей, бывающих в собрании, в доме его, Александрова, он, Александров, никого в церкви, кроме помянутых в прежнем показании, не

причащал. Прописанное происшествие в церкви 27 числа мая в мясоястие справедливо; но он, Александров, не имел намерения причастить после сего происшествия, а только, поражен будучи внезапным поступком означенного крестьянина Сергеева, стоял еще вне алтаря с вынесенными св. дарами и увещевал его примириться с обиженною им женщиною. Таковая медленность возвращения в алтарь, без сомнения, подала повод священнику Иванову в алтаре подумать, что он, Александров, несмотря на сие, намерен его причастить, и потому он [отец Матфей — И. Б.], возвратясь в алтарь, dokonчил литургию по надлежащему, не причастив его в церкви. По окончании же всего возвратился домой, куда немедленно пришедши, мать означенного крестьянина просила его, Александрова, неотступно причастить больного, а как ему, Александрову, известно было болезненное помешательство в уме в оном крестьянине, о котором и причастники должны быть известны, то он, Александров, и пошел к нему в дом с запасными святыми Дарами, а между тем приказал дать знать дьячку Абраму Антонову, чтобы он немедленно приходил к помянутому крестьянину, при котором он, Александров, яко больного и причастил [Сергеева — И. Б.], а донести о сем поступке Федора Сергеева в свое время опустил не по другим каким-либо причинам, как только по своей оплошности и забвению своей обязанности.

Против 16-го пункта. Может быть, он, Александров, кого и причащал в мясоястие, только он того не припомнит.

Против 20-го пункта. Без приуготовления говорил проповеди о исчисленных мною в прежнем показании предметах и наиболее об ужасах ада справедливо, может быть, потому что он не заметил, сколько раз о сем говорил.

Против 23-го пункта. После запрещенія ему, Александрову, хотя и были в доме его днем собрания, но это, во-первых, потому, что и благочинный ему в том не только не запрещал, но советовал, считая должною священника обязанностию; а во-вторых, в воскресные

только дни, изредка и весьма в малом количестве, не более 7 и 8 человек; а что касается до помещения своих мыслей и выражений при сказывании синодских проповедей, то сие действительно было потому именно, что в них встречались статьи, непринадлежащие словию крестьян, которые он, Александров, находил нужным замещать приличными обстоятельствам своих прихожан и мыслями, и объяснениями, в чем и ссылается также и на священноцерковнослужителей.

Д.А. МНУХИН (Москва)

ЦВЕТАЕВА И КЕРЕНСКИЙ

Поводом обращения к теме «Цветаева и Керенский» послужили две недавно опубликованные дарственные надписи Цветаевой, адресованные Керенскому. Сам факт существования этих инскриптов и их содержание побудили собрать разрозненный известный материал. По мере того, как выстраивалась хронология фактов, стало видно, что Керенский занимал хотя и небольшое, но прочное место в творческой биографии Цветаевой. На протяжении двадцати лет она неоднократно возвращалась к его личности.

Цветаеву, романтика по натуре, привлек образ деятеля, фигуры страстной и поэтической.¹ Великолепный оратор, бескорыстный юрист и защитник, ставший после Февральской революции военным и морским министром Временного правительства и, практически, его возглавившим, Керенский стал в глазах Цветаевой героем, романтиком, романтиком революции. Именно *романтиком революции* назовет его Цветаева спустя несколько лет.

Первым обращением Цветаевой к образу Керенского является стихотворение из «Лебединого стана» «И кто-то, упав на карту...», датированное 21 мая 1917 г., Троицыным днем:

И кто-то, упав на карту,
Не спит во сне.
Повеяло Бонапартом
В моей стране.

Кому-то гремят раскаты:
— Гряди, жених!
Летит молодой диктатор,
Как жаркий вихрь.

Глаза над улыбкой шалой —
Что ночь без звезд!
Горит на мундире впалом —
Солдатский крест.

Народы призвал к покою,
Смирил озноб —
И дышит, зажав рукою
Вселенский лоб.²

В день написания стихотворения и предшествующие ему дни Керенского не было в Москве. Новый министр совершал поездку по фронтам. Судя по содержанию стихотворения, где присутствуют черты внешнего облика Керенского, Цветаева видела его раньше: «Глаза над улыбкой шалой...», «...на мундире впалом...», «Вселенский лоб...» Интересно привести здесь портрет Керенского, написанный Зинаидой Гиппиус до того, как она изменила к нему свое отношение, когда рухнули ее надежды на его участие в преобразовании России: «В Керенском было много привлекательного. С виду он напоминал немножко Пьеро, со своими волосами торчком, с большим носом и смешным, выразительным лицом. Главное — в нем была какая-то мальчишеская живость, скорость движений и — кажется, обманчивая — решительность. Но была в нем, увы, и женская истеричность».³ (По ее же воспоминаниям, Керенский в 1915-1916 гг. едва ли не чаще других бывал у Мережковских).⁴

Где и когда впервые увидела Цветаева Керенского, нам неизвестно. Возможно, стихотворение было написано по фотографиям, приведенным на газетных и журнальных страницах. Цветаева за событиями следила, газеты читала. Об этом свидетельствует, в частности, ее отсылка к газетам лета 1917 г. в примечании к стихотворению. Конкретно — к строкам: «Горит на мундире впалом — //Солдатский крест». Речь идет об эпизоде, описанном 21 мая 1917 года, в день написания стихотворения, в газете «Утро России», в заметке «Георгиевский крест А.Ф. Керенского». В заметке говорилось, что «гражданин солдат третьего кавказского инженерного парка Д.А. Виноградов, воодушевленный призывом министра к защите свободной России, сорвал со своей груди [Георгиевский крест 2-ой степени — Л.М.] и передал министру в знак своей преданности и понимания долга». (Публикацию в газете разыскала и опубликовала Е.Б. Коркина).⁵

Известные на сегодняшний день комментарии к стихотворению дополним еще двумя. Первый относится к словам «Гряди, жених!». Разъяснение мы находим в воспоминаниях Бориса Лосского, который пишет о том, что в эти дни в столице появились «разговоры о якобы намерении Керенского бросить семью и сочетаться браком с актрисой Тиме».⁶ (Елизавета Тиме, в то время двадцатидевятилетняя артистка Александринского театра). Второй комментарий связан с именем Бонапарта, а именно с одной внешней деталью, помимо, конечно, имевшего место ассоциативного сходства в восприятии Цветаевой двух деятелей, как диктаторов, как выдающихся личностей своего времени. Об этой внешней детали позднее вспоминал сын Керенского, Глеб Александрович: «В прессе того времени часто появлялись насмешки по поводу того, что отец все время держал правую руку за отворотами пиджака, что в глазах газетчиков придавало ему этакий наполеоновский вид. На самом же деле, у него было хроническое растяжение мышц кисти — результат бесчисленных рукопожатий».⁷

Рассмотренным стихотворением, позже названным Цветаевой «Диктатор»,⁸ не исчерпывается тема Керенского в «Лебедином стане». Следующее стихотворение, датированное 26 мая 1917 года:

Из строгого, стройного храма
Ты вышла на визг площадей...
— Свобода! — Прекрасная Дама
Маркизов и русских князей.

Свершается страшная спевка, —
Обедня еще впереди!
— Свобода! — Гуляющая девка
На шалой солдатской груди!⁹

Написано, по всей вероятности, под впечатлением от митинга в Москве на Театральной площади 26 мая 1917 г. по случаю приезда Керенского и его выступления в Большом театре. Толпа на площади («визг площадей») восторженно встретила его при выходе из театра, вынесла на руках и усадила в автомобиль.¹⁰

Косвенным доказательством, связывающим стихотворение Цветаевой и событие на Театральной площади, помимо совпадения дат, может служить приписка к стихотворению, пересказывающая диалог между Цветаевой и Бальмонтом, где Бальмонт, выслушав стихотворение, возражает против презрения к девке («Потому что (блаженно-заведенные глаза) иная девка...»). В этот день Бальмонт выступал на концерте-митинге в честь приезда Керенского с чтением своих стихов. Цветаева могла его сопровождать.

Событиями 26 мая навеяно стихотворение Пастернака «Весенний дождь», где есть такие строки:

...В чьем это сердце вся кровь его — быстро
Хлынула к славе, схлынув со щек?

Вон она бьется: руки министра
Рты и аорты сжали в пучок.

Это не ночь, не дождь и не хором
Рвущееся: «Керенский, ура!»

Это слепящий выход на форум
Из катакомб, безысходных вчера...¹¹

В статье «Световой ливень», в главке «Пастернак и день», Цветаева отмечает это стихотворение как «достоверную приметку» семнадцатого года. Выделив строки «В чьем это сердце вся кровь его быстро// Хлынула к славе, схлынув со щек?», она добавляет: «Я бы истолковала магией над молодостью слова: Энтузиазм, — отнюдь не политическим пристрастием».¹² Именно магию Керенского, а не его политические устремления склонна видеть Цветаева. Это вытекает не только из созданного ею самой образа Керенского, но и из отношения к революции. Тема «Цветаева и революция» — предмет отдельного серьезного исследования. Для более ясного понимания отношения Цветаевой к Керенскому обмолвимся лишь, что она революционными ожиданиями не обольщалась никогда, и тем летом 1917 года, когда Пастернак шел с революцией «в шаг» («вслушивался»),¹³ она называла происходящее «страшной спевкой», с последующей, еще более страшной, «обедней».

Свидетельствами о том, как Цветаева встретила падение Керенского и сопутствующий этому падению крах надежд русской интеллигенции, мы не располагаем. Смотри, например, такие отклики у Мандельштама («Когда октябрьский нам готовил временщик...»)¹⁴ или Гиппиус («Проклятой памяти безвольник...»)¹⁵. Судя по майскому стихотворению, Цветаева вряд ли видела Керенского победителем. Бессилие и отчаяние героя стихотворения явно не располагали к оптимизму: шальная улыбка, впалый мундир, зажатый рукой лоб. «Повеяло Бонапартом» вовсе еще не означало, что Бонапарт есть. У Цветаевой есть лишь одна реплика на этот счет. В помете к стихотворению «Корнилов» от 4 декабря 1917 г., в котором Цветаева цитирует слова из августовского выступления генерала Корнилова на Московском совещании о необходимости навести порядок в разлагающейся армии и которое кончается призывом генерала: «Не терять ни дня!// Должен солдат// Чистить коня...», — она пишет: «Я уже тогда поняла, что это: «Да, и солдат должен чистить своих лошадей!» [...] — куда дороже всего Керенского (как мы тогда говорили)».¹⁶ Это суждение Цветаевой вряд ли можно напрямую увязать с октябрьскими событиями 1917 г. и ролью в них Керенского, но следует заметить, что оно явилось вообще единственным, дошедшим до нас, ее отрицательным высказыванием в адрес Керенского.

Новая страница отношений между Цветаевой и Керенским открылась в 1923 году, в эмиграции. Цветаева в это время живет в Чехии, она — один из первых поэтов эмиграции, много печатается в различных изданиях. Керенский — общественный деятель, редактор ежедневной берлинской (позже — парижской) газеты «Дни», в октябре 1922 г. заменившей газету «Голос России». Однако, если Цветаева к этому времени еще не успела испортить свои отношения с эмиграцией, то у Керенского они с самого начала отличались отчуждением со стороны эмигрантов первой волны. То обстоятельство, что он возглавлял газету, стоящую в ряду ведущих зарубежных газет сразу вслед за «Последними Новостями», рижской «Сегодня», берлинским «Рулем» («Воз-

рождение» появится позже), мало что меняло в отношениях Керенского с эмиграцией.¹⁷ В течение многих лет, и в Чехословакии, затем в Берлине и Париже, Керенский, по словам его сына, жил «в сравнительной изоляции».¹⁸ Цветаева сама могла наблюдать абстракции, которые устраивались Керенскому в Праге и Париже во время его публичных выступлений. Трудно сказать, насколько более пристрастно после этого стала относиться Цветаева к Керенскому, добавило ли ему его новое положение в обществе притягательности в глазах Цветаевой. Несомненно лишь то, что, присутствуя при нападках на Керенского, она, следуя своему жизненному кредо, всегда была на его стороне, стороне побежденного и гонимого.

В 1923 г. Цветаева дарит Керенскому только что вышедшую отдельным изданием «Царь-Девуцу», сделав на ней надпись: «Дорогому Александру Федоровичу, дарю эту русскую сказку, в которой ничто не сладится. Марина Цветаева. Прага, 1923 год». Число и месяц не указаны. (При первой публикации автографа был ошибочно указан год: 1928 вместо 1923).¹⁹

Можно предположить, что книга была отправлена адресату в январе 1923 г. (Речь идет о посылке книги, так как их личная встреча произойдет лишь через год). 4 февраля 1923 г. на страницах газеты «Дни» впервые появилось произведение Цветаевой. Это было стихотворение «Блудный сын» («И не плача зря...»), написанное еще в 1916 году и опубликованное ранее, без названия, в сборнике «Версты. I». В 1922–1923 годах Цветаева напечатала в различных изданиях целый ряд своих старых стихотворений.²⁰ Возможно, Цветаева отправила в газету вместе со своим стихотворением и свою книгу ее редактору. Если же верить письму Цветаевой к М.С. Цетлиной от 9 января 1923 года, где она сообщает, что все полученные от издательства экземпляры «Царь-Девуцы» уже раздарены,²¹ то книга Керенскому вообще была подарена до 9 января. Речь, конечно, идет о берлинском издании «Царь-Девуцы», вышедшем в издательстве «Эпоха». Московская «Царь-Девуца», выпущенная Госиздатом, вышла из печати спустя несколько ме-

сяцев после отъезда Цветаевой за границу.²² Авторских экземпляров из Москвы она могла не получить. Во всяком случае все известные на сегодня дарственные надписи на «Царь-Девуце» сделаны на берлинских книгах.

Сотрудничество с газетой Керенского оказалось для Цветаевой плодотворным. За три с небольшим года, с февраля 1923 по май 1926 года в «Днях» было опубликовано 32 стихотворения, в том числе циклы «Поэты», «Скифские», «Час души» и значительная часть дневниковой прозы: «Чердачное», «О Германии», «О любви». За отмеченный период «Дни» публиковали Цветаеву больше, чем любая другая газета, включая «Последние новости».²³ Позднее, в Париже, Цветаева довольно часто встречала Керенского в редакции его газеты.²⁴

Познакомились они 14 или 15 февраля 1924 года в Праге. «Познакомилась с Керенским — читал у нас два доклада. Вручила ему стихи — свои к нему (17 года) и пастернаковские. Взволновался, дошло», — сообщала она Гулю 30 марта 1924 г.²⁵ В целом же, как считала Цветаева, Керенский ее стихов не понимал. А спустя полтора года, от его просьбы почитать стихи, даже растерялась, не зная, что для него выбрать.²⁶

О приезде Керенского в Прагу было известно уже в январе. Анонимный автор газеты «Руль» 16 января в заметке «Модная таинственность» сетовал на то, что предстоящий приезд Керенского в Прагу «окружен тайной». Первое объявление о выступлении появилось в «Днях» 10 февраля. Выступление было намечено на 14 февраля в Смётановом зале Репрезентачного дома (чехи свою мэрию звали просто «Репре»). Тема доклада — «Государство и народ в революции». Еще через два дня там же была объявлена программа выступления: 1. Развал старого государства, неизбежность переворота, психологическая к нему неподготовленность, взрыв. 2. Революция, как продолжение анархии; борьба сил сцепления и распада в ее развитии. 3. Народовластие или диктатура? Трагедия фронта, гражданская война. 4. Опыт революции в государственном строительстве будущего. Всего был предусмотрен один доклад, а

не два, как пишет Цветаева. На следующий день после доклада должны были состояться прения по нему. К 12 февраля все билеты на оба дня в зал, вмещающий около 2000 человек, были проданы. Многие желающие так и не смогли попасть в «Репре». Спустя неделю Е. Кускова писала по этому поводу: «Что это значит — эта активность и этот живой интерес? Два дня по 2000 человек. Неужели не ясно? Все перепробовано: интервенция, блокада, презрение, поругания, вмешательство иностранцев, слепые страсти, жгучая ненависть. Не было места только одному: разуму, размышлению [...]. И вот теперь [...] надо прежде всего понять».²⁷

Доклад 14 февраля длился четыре часа. Как отмечали «Дни» в хронике событий, оратор говорил «с присущим ему напором, биением кулака в грудь и топанием ногой по паркету». Доклад свой Керенский закончил уверенно, что он никого и ничего не хочет оправдывать, что Февральская революция не нуждается в оправдании, и привел формулу Вильсона, которая вполне могла бы быть оценена Цветаевой: «Лучше потерпеть поражение в борьбе за дело, возрождение и победа которого несомненны, чем победить, борясь за дело, которое в будущем обречено на гибель».²⁸ Реакция присутствующих на выступление была неоднозначной. Более показательным был вечер на следующий день, когда состоялись прения. По свидетельству той же хроники событий, «огромное большинство зала было настроено против Керенского». Резкой критике подверглись и положения доклада, и роль самого докладчика в истории русского революционного движения. Слоним, за участие в прениях в качестве адвоката Керенского, был обвинен в «применении демагогических приемов». В конце прений один из выступающих, пытаясь смягчить общее настроение, заявил: «Не буду касаться реабилитации Керенского, ибо мы русские, а русские лежачего не бьют».²⁹

Естественно, отношение Цветаевой к происходящему и его главному виновнику было прямо противоположное. В уже цитированном письме к Гулю имеем тому подтверждение: «Мне (выделено Цветаевой — Л.М.)

он понравился: несомненность чистоты. Только жаль, жаль, жаль, что политик, а не скрипач. (NB! Играет на скрипке)».

В один из дней выступлений Керенского Цветаева преподнесла ему свой сборник «Психея» с дарственной надписью: «Романтику Революции — Александру Федоровичу Керенскому — от всей души. Марина Цветаева. Прага, февраль 1924 г.»³⁰ То главное, что привлекало Цветаеву в Керенском и угадывалось в ее стихотворных к нему обращениях в 1917 году, она выразила в надписи двумя словами: «Романтик Революции». Однако данного обращения для выражения своих чувств самой Цветаевой оказалось недостаточно. Она вписывает на обороте авантюла книги два отрывка из стихотворений Гёльдерлина:

O Begeisterung! So finden
Wir in dir ein selig Grab,
Und in deine Wogen schwinden
Still frohlockend wir hinab.
Bis der Hore Ruf wir hören,
Und, mit neuem Stolz erwacht,
Wie die Sterne wiederkehren
In des Lebens kurze Nacht.
(Hölderlin)

...Warum achtetet ihr mich mehr,
Da ich stolzer und wilder,
Wortereicher und leerer war?
Ach! Der Menge gefällt, was auf
den Marktplatz fangt,
Und es ehret der Knecht nur
den Gewaltsamen.
An das Göttliche glauben,
Die allein, die es selber sind.
(Hölderlin)

Подстрочный перевод:

О, вдохновенье! Мы в тебе обретаем блаженный покой и в твоих волнах исчезаем с тихим ликованием. Лишь услышим мы зов Горы, возвращаемся с новой гордостью, подобно звездам, обретающим жизнь в короткой ночи.

...Почему так ныне почитаем я, который был гордым и своенравным, болтливим и пустым? Ах! Толпе нравится то, что на базаре в цене, и только сильного господина чтит слуга; а в божество верят только те, кто божественны сами.

Находясь под впечатлением вдохновенного выступления Керенского, Цветаева подобрала удивительно точные строки. Комментарии здесь излишни. Отметим лишь, что первая цитата в большей мере относится к поэту. Вспыхнувшая и погасшая «в короткой ночи» звезда, откликнувшаяся на зов Горы, — это сама Цветаева. Уже была написана «Поэма Горы», эпиграфом к ней также послужили строки Гёльдерлина. Вторая цитата, из стихотворения «Мирская слава», могла бы целиком исходить из уст самого бывшего главы Временного правительства.³¹

Уникальный экземпляр «Психеи», в отличие от «Царь-Девицы», сохраненной адресатом до конца дней своих, нашел пристанище в моем собрании, побывав до этого в руках нескольких библиофилов. Время оставило на книге особые приметы. Один из бывших ее владельцев, страшась чужого глаза и возможных последствий, уничтожил в надписи имя и фамилию адресата. По оставшимся следам слова едва угадываются. Есть в сборнике и карандашные пометы в виде отчеркиваний и подчеркиваний, но кому они принадлежат, неизвестно, и потому не рассматриваются.

В первые же дни своего приезда в Париж 1 ноября 1925 года, Цветаева, по свидетельству Владимира Сосинского, изъявила желание встретиться с Керенским. Их встречу на рю Руве, где в квартире Черновых поселилась Цветаева, устроил Сосинский. Он же и описал встречу в своих воспоминаниях. Они недавно опубликованы; поэтому, опуская их пересказ, отметим лишь несколько моментов.³² Факт, что, только прибыв в Париж, Цветаева стала искать встречи с Керенским, говорит сам за себя. В какой-то мере и сам Керенский проявляет интерес к Цветаевой. Во-первых, соглашается приехать к ней. Во-вторых, как вспоминает Сосинский, Цветаева не

хотела читать в этот вечер своих стихов, но Керенский просил, настаивал. В конце концов Цветаева прочла стихотворение «Настежь, настежь...», а Ариадна Чернова прочла отрывок из «Мблодца». В споре о современной литературе мнения Цветаевой и Керенского разошлись. Цветаева на первое место выдвинула Алексея Ремизова и Бориса Пастернака, Керенский — Ивана Бунина и Константина Бальмонта.

Еще какие-либо факты их общения, кроме встреч в редакции «Дней», упомянутых выше, нами не обнаружены. Неизвестно, какие дома имела в виду Цветаева, когда писала, что встречала Керенского «иногда в домах».³³ Многочисленные литературные вечера в Париже, на которых часто бывала Цветаева, Керенский не посещал. Хроника эмигрантской жизни в Париже за 1920–1930 годы зафиксировала лишь один раз его присутствие на вечере, а именно на 85-летнем юбилее «бабушки русской революции» Брешко-Брешковской 17 февраля 1929 г. в Salle Pleyel.³⁴

В 1936 году Александр Федорович выступил в Париже с докладами, объединенными общей темой «Трагедия царской семьи». Они были прочитаны в зале Musée Social на рю Лас-Каз. Первый, а всего их было три, состоялся 26 февраля 1936 г. Тема — «Революция, царь и монархисты». Второй был 7 марта и назывался «Гибель царской семьи». 17 марта два первых доклада были объединены в один — «Крушение монархии и гибель царской семьи», при этом было предусмотрено время на вопросы.

Выступления Керенского, как и двенадцать лет назад в Праге, прошли в атмосфере ажиотажа. За несколько дней до выступлений все билеты были распроданы. 26 февраля в зал, вмещающий 450 человек, явилось около 1000 слушателей. Керенский с трудом протиснулся сквозь публику на трибуну. Его встретили жидкими аплодисментами. Большинство аудитории, как и прежде, было настроено враждебно. Вечер закончился за полночь. Последующие выступления прошли несколько спокойнее, так как организаторы учли опыт первого дня.³⁵

Цветаева была на втором и третьем докладе, на первый не попала. Доклад 7 марта начался с обвинения Керенским тех, кто в трагические дни оставил царя, а ныне извращает историю и сваливает вину на Временное правительство. «Вы отвыкли мыслить, господа! Я хочу помочь вам!» — восклицал при этом Керенский. Среди «мнимых рыцарей» — это определение докладчика, — виновных в гибели царя, были названы и его приближенные, и его гвардия, и даже его родные. «Обвинители были смущены документами, цитатами, справками», — писали в те дни «Последние новости».³⁶

Вечера Керенского Цветаева описала в письме к Анне Тесковой 19 марта 1936 года: «Последние мои сильные впечатления — два доклада Керенского о гибели царской семьи [...] И вот: руку на сердце положу скажу: невинен. По существу — невинен. [...] Он — слепой (слепой и физически, читает на два вершка от книги, но очков носить не хочет).³⁷ О докладе в двух словах: хотел спасти, в Царском Селе было опасно, понадеялся на тишину Тобольска».³⁸ В своем докладе Керенский говорил: «Мы арестовали царя не потому, что свобода его была для нас опасна. Мы арестовали царя потому, что в этих условиях свобода становилась опасной для него самого».³⁹ О роли Керенского в судьбе царской семьи у Цветаевой и раньше не было другого мнения, как «невиновен». В марте 1936 г. она заканчивала «Поэму о Царской Семье». В тетради, где сохранилась правка к имеющемуся тексту поэмы, в разделе, озаглавленном «Сборы», есть строка из четверостишия о Керенском: «Буду рыцарем, добрым гением».⁴⁰ У Цветаевой он — настоящий рыцарь, в противоположность «мнимым», о которых говорил Керенский. Далее, в письме Цветаева почти дословно цитирует высказывания Керенского о царе, говорит о его отношении к царице. Завершая свой эмоциональный рассказ о своих впечатлениях от встреч с Керенским, Цветаева делает вывод: «...за 20 лет — вырос, помягчал, стал человеком. Доклад хороший: сердце — хорошее».⁴¹

Но не только главная тема докладов о гибели царской семьи, столь близкая Цветаевой и прямо связанная с одной из самых значительных ее поэм, волновала

ее в те дни. Была еще тема — Россия. К этому времени перед Цветаевой встала проблема возвращения на родину. Жизнь ее, по ее же словам, «переламывалась пополам». С ужасом думала она о возвращении. «Завтра или через год — я все равно уже не здесь [...] и все равно уже не живу», — писала она спустя две недели после последней встречи с Керенским.⁴² Его доклад на какое-то мгновение вернул ее в Совдепию, в Москву, которую она окрестила словом «жуть». «Доклад Керенского о Семье и мое о Кузмине (Цветаева, получив известие о его смерти, писала очерк «Нездешний вечер». — Л.М.) — вот и тогдашняя Россия», — горестно заключает Цветаева.

Остается добавить, что последний раз имя Керенского встречается у Цветаевой в пометках к поэме «Перекоп», сделанных ею 17 сентября 1938 года. Слова защитников Перекопа:

В тартарары тебя, тельца ласкова!
(«Всем! Всем! Всем!»)

— сопровождаются пояснением: «Тельца ласкова — Керенский. От долгого сидения — оглядывались, вспоминали».⁴³

ПРИМЕЧАНИЯ

Иначе объясняет интерес Цветаевой к Керенскому Владимир Сосинский: «У Марины Ивановны была слабость [...] к побежденным, к проигравшим игру, к людям, выкинутым из истории на свалку. И еще одна слабость у Марины Ивановны — к старикам: «мой идеальный старик», что отразилось и в ее творчестве. Вспомните: она воспеваает Казанову не в расцвете его ловеласских успехов, а на закате его дней. Две эти ее слабости соединились в Александре Федоровиче Керенском, хотя тогда он лишь приближался к старости...» (Воспоминания о Марине Цветаевой. Сборник. М.: Советский писатель, 1992). В описываемое мемуаристом время (1925 год) Керенскому было всего сорок четыре года. Если первый фактор, «исторический», в какой-то мере мог влиять на отношение Цветасвой к Керенскому, то в «старики» Керенский явно не проходит.

- ² Марина Цветаева. Стихотворения и поэмы. Л.: Советский писатель, 1990. (Библиотека поэта. Большая серия). С. 158. В дальнейшем обозначается: Стихотворения и поэмы.
- ³ З. Гиппиус-Мережковская. Дмитрий Мережковский. Paris, YMCA-Press, 1951, с. 218.
- ⁴ Там же, с. 217. См. еще: З. Гиппиус. Живые лица: Стихи. Дневники. Тбилиси, Мерани, 1991, с. 162. «Мы любили Керенского. В нем было что-то живое, порывистое и — детское. Несмотря на свою истерическую нервность, он тогда казался нам дальновиднее и трезвее многих».
- ⁵ Примечания в кн.: Стихотворения и поэмы. С. 716.
- ⁶ Б. Н. Лосский. Наша семья в пору лихолетья 1914-1922 гг. — Минувшее. Париж, 1991. Вып. II, с. 185. *Тиме* Е.И. (1888-1968).
- ⁷ «Неделя», 1989, № 30, с. 11.
- ⁸ Директория во главе с Керенским была образована 1 сентября 1917 г.
- ⁹ Стихотворения и поэмы. С. 158.
- ¹⁰ «Власть народа». М., 1917, 27 мая.
- ¹¹ «Сестра моя — жизнь. Лето 1917 г.». М.: изд-во Гржебина, 1922, с. 46.
- ¹² Эпопея. Литературный ежемесячник. М.—Берлин, 1922, № 3, с. 25.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ О. Мандельштам. Сочинения в двух томах. Т. 1. М.: Худож. литература, 1990, с. 302.
- ¹⁵ З. Гиппиус. Сочинения: Стихотворения. Проза. Л.: Худож. литература, 1991, с. 200-201. Вот это стихотворение: Проклятой памяти безвольник, // И не герой — и не злодей, // Пьеро, болтун, порочный школьник, // Провинциальный лицедей, // Упрямя, по-женски своенравен, // Кокетлив и правдиво-лжив, // Не честолюбец — но тщеславен, // И невоспитан, и труслив... // В своей одежде неопрятной, // Развел он нечисть напих дней, // Но о свободе незакатной // Звенел, чем дале, тем нежней... // Когда распухившейся гади // Осто-

чертела Пьеро, — // Он, своего спасенья ради, // Исчез, как легкое перо. // Ему сосновый скучен шелест... // Как претерпеть лунылый час? // А здесь не скучно: гадья челюсть, // Хрустя, дожевывает нас. // Забвенья нет тому, что было. // Не смерть позорна — пусть умрем... // Но увенчает и могилу // Пьеро — дурацким колпаком. («Кто он?» Март 1918).

- ¹⁶ Стихотворения и поэмы. С. 161, 716-717. Корнилов Лавр Георгиевич (1870-1918) — генерал, летом 1917 верховный главнокомандующий русской армией.
- ¹⁷ Газета «Дни» просуществовала до 1933 г., превратившись в 1928 г. из ежедневной в еженедельную. О характере отношений литературных эмигрантских кругов к газете свидетельствует реплика Нины Петровской в письме, написанном на следующий день после выхода первого номера «Дней» (29 октября 1922): «Ходасевич же меня смущает тем, что стал работать в газете Керенского «Дни». (Письмо к О.И. Ресневич-Синьборелли. — Минувшее. Париж, 1989, № 8, с. 97).
- ¹⁸ «Неделя», 1989, № 30.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Например: антологии «Женская лирика», Берлин, 1923 (7 стихотворений) и «Из новых поэтов», Берлин, 1923(4); периодические издания: «Русская мысль», Берлин-Прага, 1922, № 8-12(5), 1923, № 1-2(3); «Искусство славян», Прага-Братислава, 1923, № 1(2); «Русь», София, 1923, № 59(3) и др.
- ²¹ Книги и рукописи в собрании М.С. Лесмана. М.: Книга, 1989, с. 367.
- ²² «Книжная летопись». М., 1922, № 21-24. 1 ноября — 31 декабря, с. 239.
- ²³ См. Указатель: Marina Tsvetaeva. Bibliographie. Paris, 1982.
- ²⁴ Марина Цветаева. Письма к Анне Тесковой. Прага, Academia, 1969, с. 136.
- ²⁵ «Новый журнал», П.-Й, 1959, № 58.
- ²⁶ Воспоминания о Марине Цветаевой. С. 374.
- ²⁷ «Дни», 1924, 23 февраля.
- ²⁸ «Дни», 1924, 21 февраля. Вильсон — речь, по-видимому, идет о Томасе Вильсоне (1856-1924), 28-м президенте США, авторе

программы мира в 1918 г., одном из организаторов антибольшевистского наступления.

²⁹ «Дни», 1924, 22 февраля. Слоним Марк Львович (1894-1976) — литературный критик, соредaktor журнала эсеров «Воля России». Был дружен с Цветаевой.

³⁰ Впервые опубликован в кн.: Марина Цветаева. 1892-1992. Каталог выставки. М.: Дом Марины Цветаевой, 1992, с. 37.

³¹ Приведем несколько известных переводов стихотворения Гёльдерлина «Мирская слава»:

[Нынче сердце мое жизни святой полно, // Счастлив я и люблю!] Вы же внимали мне, // Лишь когда я гордыни, // Пустословия исполнен был. // Привлекает толпу гомон лишь рыночный, // И в чести у раба сила лишь властная. // Чит божественность жизни, // Лишь кто богу подобен сам.

(Пер. В. Куприянова)

[Не священна ль душа преображенная // С той поры, как люблю?] Так почему же вы // Больше чтити поэта // За холодность и выпренность? // Но по вкусу толпе только базарный хлам. // Почитают рабы лишь повелителя. // И в божественность верит // Только тот, кто проникнут ей.

(Пер. В. Микушевича)

[Разве не свято сердце мое, полное жизни, // С тех пор, как люблю?] Был я пруст и болтлив, // Нынче горд я и прост — // Почему же не чтут меня больше? // Ах, знает толпа, что на базаре в цене. // И только владыку почитает холоп. // А в божество поверит // Только тот, кто божественен сам.

(Пер. Вл. Летушего)

³² Воспоминания о Марине Цветаевой. С. 372-375.

³³ Письма к Анне Тесковой. С. 136.

³⁴ La vie culturelle de l'émigration russe en France. Établie par Michèle Beyssac. Paris, 1971, p. 217.

³⁵ «Последние новости», 1936, 28 февраля.

³⁶ «Последние новости», 1936, 10 марта.

³⁷ Ср. у И. Бабеля в рассказе «Линия и цвет». На слова автора: «Купите очки, Александр Федорович...», Керенский ответил: «Полтинник за очки — это единственный полтинник, который я сберегу». (И. Б а б е л ь. Сочинения в двух томах. Т. 1. М.: Худож. литература, 1990, с. 106).

³⁸ «Последние новости», 1936, 28 февраля, 10 марта, 19 марта.

³⁹ Письма к Анне Тесковой. С. 136-137. ...*попадеяся на тишину Тобольска* — Керенский выбрал Тобольск, потому что там «хороший губернаторский дом, нет рабочих» («Последние новости», 1936, 10 марта).

⁴⁰ Э. К о р к и н а. Поэма о Царской Семье. — В сб.: М а р и н а Ц в е т а е в а. Статьи и тексты. Wien, 1992, с. 175.

⁴¹ В письме от 9 марта 1936 г. Цветаева пишет о том же самом: «...это — 20-летние *итоги и история*». (Марина Цветаева. Письма к Ариадне Берг. Париж, YMCA-Press, 1990, с. 53).

⁴² Письма к Анне Тесковой. С. 137, 139.

⁴³ Стихотворения и поэмы. С. 625.

ЛИТУРГИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ И ЕВХАРИСТИЯ В РОМАНЕ
ПАСТЕРНАКА ДОКТОР ЖИВАГО*

Категория времени в *Докторе Живаго* стала привлекать внимание критиков сразу после опубликования романа. В частности, некоторые исследователи, применяя к книге Пастернака принципы реалистического романа, указывали на хронологические неточности, как на неумение автора справиться с реалистической временной последовательностью. Однако, как нетрудно заметить при более внимательном чтении, автор настойчиво вводит датировку в текст («Летом 1903 года», с. 4; «В январе 1906 года», с. 54; «Весь ноябрь 1911 года», с. 64 и др.)¹ и, в то же время, сам обращает внимание читателя на хронологические неувязки, указывая на приблизительность художественного времени в романе. В конце романа Пастернак последовательно уходит от точной датировки. Рассказ о конце жизни Живаго начинается так: «Остается досказать [...] восемь или девять последних лет его жизни перед смертью» (477). Далее упоминается время возвращения Живаго в Москву — «весна 22-го года, в начале Нэпа» (484), смерть же Юрия Андреевича приурочена к началу лета 1929 года (492). В последней главке прозаического эпилога приблизительность хронологии дана эксплицитно: «Прошло пять или десять лет» (530).²

На хронологические сдвиги как на сознательный прием релятивизации времени в романе одним из первых указал Виктор Франк в статье «Реализм четырех измерений».³ А почти тридцать лет спустя Борис Гаспаров принимает как основу композиции романа принцип контрапункта, т.е. совмещение нескольких параллельно

* В основу статьи положен доклад, прочитанный в Беркли на конференции, посвященной тысячелетию христианства на Руси. Статья войдет в третий том материалов конференции.

текущих во времени линий: «Фактура "Доктора Живаго" принципиально строится в виде совмещения и наложения различных типов художественной речи, текущих в различном временном и смысловом ритме».⁴ В интерпретации Гаспарова, ускорение и замедление художественного времени в романе, как и высказывания автора и различных персонажей о времени, а также ссылки на разные исчисления времени — все это попытки преодолеть линейное течение времени, т.е. символически преодолеть смерть или, точнее, указать на возможность преодоления смерти.

Литургическое время является одним из таких исчислений времени в романе. Однако автор обращается к литургическому времени не только как к еще одному указанию на относительность времени. Литургическое время вводит в роман сакральное время евхаристии. Прочтение романа в категориях евхаристии сближает евангельские стихи Живаго с прозаическим текстом на более глубоком уровне, чем сюжетные перипетии, а также выявляет одну из основных черт характера Живаго, в значительной мере определяющую его поведение и судьбу во втором томе. Этот аспект характера Живаго можно назвать евхаристическим пониманием жизни.

У раннего Пастернака тема относительности времени обычно получала выражение в приеме совмещения времени и вечности. Вводя «поэтическое» время к текст, Пастернак нарушает обычное восприятие линейного течения времени. В его стихах часто мгновение оказывается равновеликим вечности или превосходящим ее, как в названии одного из стихотворений книги *Сестра моя жизнь*, «Гроза моментальная навек», или в *Темах и вариациях*: «Мгновенье длился этот миг/Но он и вечность бы затмил».⁵ Другой частый у Пастернака случай, когда нарушение обычных временных отношений создается введением в повседневность вечности, как исключительности и в то же время подлинности:

Будущего недостаточно.

Старого, нового мало.

Надо, чтоб елкою святочной

Вечность средь комнаты стала. (485)

Хорошо известное обращение к художнику в стихах пятидесятых годов — «Ты — вечности заложник/У времени в плену» (463) — подчеркивает связь времени и вечности. В стихотворении «Сосны» (1941) выпадение из времени дано, как освобождение от смерти:

И вот, бессмертные на время,
Мы к лиу сосен причтены
И от болезней, эпидемий
И смерти освобождены. (396)

Совмещение мига вечностью противостоит часам, как механическому измерению линейного времени, где отрезки времени равны велики и равнозначущи. В таком понимании часы неотличаются друг от друга, и не имеют иного значения, кроме измерения течения времени. Поэтому отношение у поэта к часам в лучшем случае нейтральное, если не явно отрицательное. В 1926 г., в одном из писем к Марине Цветаевой, Пастернак пишет о «ментальности» живой правды», а далее, говоря о характере своих отношений с людьми, выделяет отношение к времени, давая четкую формулировку собственного понимания отношения времени и вечности: «Я могу быть дорог, близок, легок и постоянен тому, кто знает, что мгновение соперничает только с вечностью, но больше всех часов и времен». Тот же, у кого нет подобного восприятия времени, ему безнадежно чужд: «[С]идеть с человеком, хорошо себя чувствующим в часах [...] — это как партия пернатого с пресноводным».⁶

Тема преодоления времени в искусстве — одна из постоянных тем у Пастернака. В тезисах доклада 1913 г. «Символизм и бессмертие» он называет поэзию «бессмертием, допустимым культурой».⁷ Тридцать лет спустя Пастернак говорит о метафоре, которая, как средство передачи информации в искусстве, служит, по его мысли, преодолению ограничений человека во времени: «Метафоризм — естественное следствие недолговечности человека и надолго задуманной огромности его задач».⁸

Роль искусства в преодолении времени и смерти — одна из центральных тем *Доктора Живаго*. Пастернак вводит эту тему в начале романа. После похорон Анны

Ивановны Юрий Живаго, тогда еще студент, думает о смысле искусства: «Сейчас, как никогда, ему было ясно, что искусство всегда, не переставая, занято двумя вещами. Оно неотступно размышляет о смерти и неотступно творит этим жизнь» (91).

В романе появляется еще один вариант совмещения времени и вечности и преодоления времени — не поэтическое, а литургическое время. «Церковное» время в романе непосредственно указывает на двойной календарь («Шестое августа по-старому») и на двойной счет часов («В час седьмой по церковному, а по общему часоисчислению в час ночи»), т.е. на возможность разного счета времени.⁹ Ставя преодоление времени и смерти в центр жизненных поисков главного героя и избирая относительность времени как выражение главной идеи произведения, Пастернак подходит к пониманию соотношения времени и вечности в христианстве. Оговоримся сразу, что наша работа не имеет своей целью утверждения за романом Пастернака богословско-догматического значения, а предлагает истолкование темы преодоления смерти и утверждения бессмертия в категориях православной литургии.¹⁰

Христианское понимание времени объединяет два как будто противоречащих друг другу принципа: освящение времени и преодоление времени. Совмещение эсхатологического выхода из времени в евхаристии и освящение круговорота времен года, дней и часов в богослужениях годового и суточного круга является основой православного богослужения, последовательно отражающей христианское богословие времени.

В современной исторической литургике существуют разные взгляды на происхождение этого сочетания «времени» и «вечности» в богослужении. Одно объяснение предполагает, что в первоначальной христианской общине эсхатологическое восприятие времени и ожидание близкого второго пришествия Христа исключало возможность освящения времени. В этой интерпретации освящение времени в богослуженном круге было знаком примирения Церкви с этим миром в послекон-

«стантиновскую эпоху».¹¹ Странники другого взгляда считают, что сочетание эсхатологического выхода из времени и освящения времени было присуще христианскому пониманию с самого начала. Это не уступка миру, а отражение глубокой связи христианства с временем: «Содержание новозаветной веры — не вневременной миф и не вневременная религиозно-философская концепция; оно связано со стихией времени и требует внимания к времени, к «знамениям времени»».¹² Исторически такое понимание времени было обусловлено тем, что раннехристианская община унаследовала принцип освящения времени из ветхозаветного богословия времени и из практики богослужения синагоги.¹³

Христианство также унаследовало и усилило библейскую традицию «мистического историзма», в котором, в отличие от античности, стремившейся к освобождению от рабства времени (вечное возвращение), спасение человека и мира происходит в историческом времени. Бог использует время для исполнения Своего плана спасения человека и мира. В отличие от античного мировоззрения, с учением о вечном возврате, иудео-христианский эсхатологизм утверждает необратимость исторического времени и движение истории к концу (в христианской традиции — ко второму пришествию Христа). Жизнь Христа (рождение, смерть, воскресение) соотносена с конкретной исторической датой, не повторяющейся, а единственной.¹⁴ Воплощение Христа, Сына Божия, произошло во времени, т.е. вечность явилась во времени. И как христианство не отвергает этот мир, спасти который пришел Христос, так же не отвергает оно и протекающее время как часть этого мира. Приуроченность христианских праздников к определенным календарным датам (Рождество, Благовещение, Преображение и др.), а служб суточного круга, так называемого богослужения времени (как вечерня, утренняя, часы и др.), к определенному времени или часу дня, свидетельствует об освящении времени, времен года, дней и часов.

Однако, хотя христианский литургический год соотносен с временами года, в христианском богосло-

вии времени цикличность времен года, как линейное течение времени, преодолевается в евхаристии. Основное христианское богослужение, литургия, центральной частью которой является евхаристия, не входит в круг богослужений времени, то есть оно не приурочено к какому-либо определенному часу дня. Тем не менее литургия соотносена со временем, так как совершается в «день Господень».

Христос воскрес в первый день недели, т.е. в день, следующий за субботой, и этот первый день (воскресенье) стал днем совершения евхаристии. «День Господень», как первый день недели, знаменует сотворение мира, а как день воскресения Христа — он становится первым днем нового творения. Эсхатологичность евхаристии, совершающейся в этот день, подчеркивается вторым наименованием «дня Господня» как «восьмого» дня. В позднееврейской апокалиптике, как и восьмое тысячелетие, восьмой день символизировал начало нового эона, нового времени. Воскресение Христа обращает день «первый» в день «восьмой», не отменяя первое значение, а совмещая его с новым. «День Господень» находится вне времени, он единственный и окончательный. Такое понимание дня совершения евхаристии выражает соотношенность эсхатологии с временем. Евхаристия выходит из профанного течения времени, но его не отменяет.¹⁵

Сочетание в богослужениях Церкви евхаристии с богослужением времени утверждает реальность этого мира и жизни, спасти которые пришел Христос. Отсюда православное восприятие храма и совершающегося в нем богослужения как «неба на земле», соединяющего две реальности, этого мира и царства Божия.¹⁶

Обращаясь к роману, в первую очередь следует указать на многочисленные упоминания церковных праздников, именно как календарных дат. Этот календарь церковных праздников вместо календаря чисел и названий месяцев был совершенно естественным в дореволюционном быту и языке, особенно в крестьянском («на Петра и Павла», «до Покрова», «на Святках»), а также в фольклоре, в частности в пословицах и пого-

ворках. Подобные упоминания очень часты в *Докторе Живаго*, главным образом в начале, т.е. они хронологически отнесены к дореволюционному периоду. Сцена, которой открывается роман, похороны матери Живаго, происходит в канун Покрова (4). Когда Веденяпин и Юра едут в Дуплянку, была Казанская (6). Лара впервые оказывается вдвоем с Комаровским в Ольгин день (в тексте: была Ольга, 26). Свадьба Лары и Паши Антипова предполагается на Красную горку (воскресенье после Пасхи), но венчают их в Духов день, на второй день Троицы (97).

В романе также многократно упоминаются центральные праздники церковного года, не как даты, а как определение времени года. Так, события в третьей части, «Елка у Свентицких», приурочены к святкам, а в десятой к предпасхальным дням. В стихотворениях церковные праздники играют еще более значительную роль. Наиболее известные примеры — это Преображение в стихотворении «Август» и Рождество в «Рождественской звезде», а, главное, события Страстной недели и Пасхи в стихотворениях евангельского цикла («Март», «На Страстной», «Чудо», «Земля», «Дурные дни», «Магдалина» I и II и «Гефсиманский сад»).¹⁷

Помимо упоминания праздников, текст романа пронизан множеством цитат из богослужений Православной Церкви. Как и в случае с праздниками, они не связаны с определенным персонажем. «Великое заступление печальным, Богородице истая, скорая помощница, миру покров» (324), слегка измененное начало стихир на «Господи воззвах» в праздник Покрова Богородицы, это вполне естественное обращение в устах Галузиной, лавочницы из провинциального Крестовоздвиженска, как реакция на страх и боль. Вполне уместны цитаты из богослужбных текстов и в случае Симы Тунцевой, своего рода местной юродивой, мысли которой о христианстве как новой работе человеческого духа восходят к идеям Веденяпина. В частности, Сима цитирует и комментирует догматик пятого гласа «В Чермном море неискособрачны невесты образ написаы иногда» (422), а также песнопения Страстной недели.

Более отмечено знание богослужения в случае Шуры Шлезингер, символистско-декадентской дамы, теософки, человека московского интеллигентского круга. Она отлично знает ход православного богослужения, так что в церкви «в состоянии полного экстаза [она] не могла утерпеть, чтобы не подсказывать священнослужителям, что им говорить или петь. «Услыши, Господи», «Иже на всякое время», «Честнейшую херувим», все время слышалась ее хрипящая, срывающаяся скороговорка» (55). На пороге тяжелой болезни, в полубреду, Живаго молится словами песнопения (ирмос пятой песни воскресного канона восьмого гласа): «Вскую отринул мя еси от лица Твоего, Свете незаходимый, и покрыла мя есть чуждая тьма окаянного» (405). Самым ярким примером проникновения богослужбных или библейских текстов во все слои общества, причем в разных вариантах, является эпизод с девятнадцатым псалмом, текст которого Живаго находит в ладанках красного телефониста и белого гимназиста на поле боя (344-345).

Функция цитат из богослужбных текстов различна в разных случаях. Это и молитва, и объяснение христианской веры, а также механическое повторение знакомого текста. Как видно из приведенных примеров, Пастернак не ограничивается текстами из общеизвестных молитв. Эти цитаты — это не только один из реалистических штрихов, передающих колорит эпохи, т.е. не просто свидетельство наличия отрывков церковных текстов в языке его персонажей, каким Пастернаку виделись цитаты из богослужбных текстов у поэтов его поколения, привлекавшие их привычным звучанием, «как отрывки живого быта, наряду с улицей, домом и любимыми словами разговорной речи».¹⁸

За многочисленными и настоятельными отсылками к богослужениям церковного года, связанным с освящением времени, неизбежно встает другая сторона церковного времени — эсхатологическое время евхаристии. Евхаристия переключает нас из протекающего, профанного времени в сакральное время. Время в евхаристии — это сакральное время по существу. Каждая евхаристия выводит собрание верующих в новое время,

т.е. в Царство Божие.¹⁹ В литургии Тайная Вечеря, страсти, смерть и воскресение Христа не просто воспоминание прошлого. Эти события, оставаясь связанными с конкретным историческим временем в прошлом, благодаря своей метаисторической сущности, становятся со-временными богослужениям Страстной недели и Пасхи, а также каждой литургии.²⁰ Основные элементы евхаристии — это воспоминание, благодарение и любовь-жертва (крест). Существенно также, что литургия, частью которой является евхаристия, — богослужение общественное. Само слово «литургия» означает «общее дело». За каждой литургией собрание верующих представляет всю Церковь.

Остановимся на одном эпизоде в романе, центральном для нашей темы, где относительность времени наиболее явно связана именно с евхаристическим временем. Это начало шестой части романа, «Московское становище», помещенной между «Прощаньем со старым» и «В дороге» и повествующей о времени между возвращением Живаго с фронта и отъездом на Урал. Эта часть романа открывается приездом Живаго в Москву. Относительность времени, испытанная Юрием Андреевичем, связана с ощущением времени в движущемся поезде, одном из центральных образов у Пастернака, непосредственно связанном с передачей неравномерности движения и течения времени: «В дороге, благодаря неподвижному сидению в тесном купе, казалось, что идет только поезд, а время стоит, и что все еще пока полдень» (169). Существенно, что время останавливается именно на полдне, времени традиционному и символически обозначающему вечность вообще, а также евхаристическое время, то, что православное богослужение, обращаясь ко Христу, называет «невечерний день Царствия Твоего».²¹

Здесь уместно процитировать стихотворение Мандельштама 1915 года, «Вот дароносица, как солнце золотое». При различии интерпретаций этого стихотворения, критики и мандельштамоведы согласны в том, что Мандельштаму здесь удалось точно передать богослов-

скую сущность Евхаристии, в частности именно выделяя остановившееся, сакральное время: «И Евхаристия, как вечный полдень длится», и «Чтоб полной грудью мы вне времени вздохнули / О луговине той, где время не бежит». Другие аспекты евхаристии, подчеркнутые Мандельштамом, а также центральные для нашей темы, это литургия как общее дело («целый мир», «мы», «все», «на виду у всех») и радость как доминирующая эмоция («Все причащаются, играют и поют», «..божественный сосуд / Неисчерпаемым веселием струится»)²² Думается, что евхаристическое время, кроме указания на эсхатологическое измерение, входящее в жизнь героев романа именно в это время, летом 1917 года,²³ вводит евхаристию как еще один возможный уровень прочтения романа. Здесь Пастернак дает ключ к дальнейшей жизни и судьбе Живаго в категориях евхаристии.

Для такого понимания, назовем его евхаристическим пониманием жизни, существенны перемены, происходящие с Живаго именно в этой части романа. «Московское становище» суммирует революционное лето 1917 года и последующие годы, сознательно смещая хронологию: «Может быть, так оно и было, а может быть, на тогдашние впечатления доктора наслонился опыт позднейших лет» (169, см. также 199). В это время Живаго переоценивает прошлое, друзей, старые отношения и то новое, что приносит с собой революция. Здесь отчетливо проводится граница между вечным и неизменяющимся (семья, работа, природа, творчество) и переменчивым, поверхностным и фальшивым. В творческой и духовной биографии Пастернака лето 1917 года, когда создавались стихотворения книги *Сестра моя жизнь*, также было переломным. Он пишет об этом в *Охранной грамоте*, объясняя свой отказ от того, что он называл «зрелищным пониманием биографии»: Когда же явилась «Сестра моя жизнь», в которой нашли выражение совсем не современные стороны поэзии, открывшиеся мне революционным летом, мне стало совершенно безразлично, как называется сила, давшая книгу, потому что она

была безмерно больше меня и поэтических концепций, которые меня окружали.²⁴

«Московское становище» открывается эпизодом с остановившимся полднем, и тема света проходит через эту часть романа, посвященную описанию разрухи, голода и холода первых революционных лет. Когда Живаго на извозчике едет с вокзала домой, неузнаваемую Москву освещает заходящее солнце: «Сзади садилось солнце и било им в спину. Перед ними громыхал ломовик [...] Он подымал столбы пыли, горевшей бронзой в лучах заката» (170). Даже свой дом он узнает благодаря свету:

Между колонками церковной колокольни, висившейся как раз против окна, показалась ясная, полная луна. Когда ее свет упал внутрь чемодана на разложенное сверху белье, книги и туалетные принадлежности, комната озарилась как-то по-другому и доктор узнал ее» (175-176).

В этой части романа Живаго впервые испытывает отчуждение от людей своего круга, играющее центральную роль в его дальнейшей судьбе: «Странно потускнели и обесцветились друзья. Ни у кого не осталось своего мира, своего мнения. Они были гораздо ярче в его воспоминаниях. По-видимому, он раньше их переоценивал» (177).

Соединение вечного, неизменного и меняющегося и незначительного наиболее прямо выражено в эпизоде «вечера с уткой», на котором присутствуют дядя и старые друзья Живаго. Испытываемое им чувство изменения в людях, а также иное, чем у окружающих, понимание событий и отношение к ним придает этой главе символический смысл. С точки зрения Живаго, вечер не удастся: «Жирная утка была невиданной роскошью в те уже голодные времена, но к ней недоставало хлеба, и это обесмысливало великолепие закуски» (178). Однако главная причина неудачи вечера коренится для Живаго в том, что такое угощение было исключением в голодной Москве:

И вот оказалось, что только жизнь, похожая на жизнь окружающих и среди нее бесследно тону-

щая, есть жизнь настоящая, что счастье обособленное не есть счастье, так что утка и спирт, которые кажутся единственными в городе, даже совсем не спирт и не утка. Это огорчало больше всего (178).

«Вечер с уткой» оказывается антитезой евхаристии, пиром без хлеба и подчеркнуто праздником не для всех, а для немногих. Ответ на неудовлетворение, которое испытывает Живаго на этом вечере, дан в стихотворении из романа «Рассвет», где возвращение ко Христу («Всю ночь читал я Твой завет/И как от обморока ожил») вызывает не только желание общения с людьми («Мне к людям хочется, в толпу/.../ Я чувствую за них за всех, /.../ Со мною люди без имен /.../»), но и самоотдачи: «Я ими всеми побежден,/И только в том моя победа» (557-558). Эпизод неудавшегося пиршества можно считать центральным для евхаристического понимания жизни, которое с этого времени становится направляющей силой в судьбе Живаго.

Война и революция изменили Живаго и его друзей по-разному. Они все стараются каждый по-своему не отстать от времени, а Живаго испытывает чувство нависшего несчастья, которое он неспособен передать даже друзьям. Свою речь на ужине он кончает пожеланием «не потерять души» (184), хотя он не жалеет о старом и видит революцию как начало «первого за существование мира царства социализма» (185). Позднее, с приближением зимы, у Живаго усиливается чувство обреченности, причем не только личной, но и общей, что вызывает у него желание принести себя в жертву, «чтобы стало лучше», и сознание невозможности предотвратить катастрофу (187).

Живаго также испытывает отчуждение от своей профессиональной среды. Но чем глубже разочарование доктора в людях и чем ярче сознание катастрофичности перемен, тем более он сознает присутствие неизменно значительного и ценного в жизни. Однажды в больнице, где, кроме обычной работы и новой нагрузки по статистике и отчетности, он делает записи под названием «Игра в людей», «мрачный дневник [...],

внушен[ный] сознанием, что половина людей перестала быть собой и неизвестно что разыгрывает», Живаго испытывает ощущение необыкновенного света, почти как откровения и выхода в иную реальность:

Светлая солнечная ординаторская со стенами, выкрашенными в белую краску, была залита кремовым светом солнца золотой осени, отличающим дни после Успения, когда по утрам ударяют первые заморозки [...] Небо в такие дни подымается в предельную высоту и сквозь прозрачный ствол воздуха между ним и землей тянет с севера ледяной темно-синей ясностью. Повышается видимость и слышимость всего на свете [...] Расстояния передают звук в замороженной звонкости, отчетливо и разъединенно. Расчищаются дали, как бы открывши вид через всю жизнь на много лет вперед. Этой разреженности нельзя было бы вынести, если бы она не была так кратковременна (188).

Кроме семьи, работы и природы, Живаго также теряет сознания ценности творчества. Встреча с Веденяпиным хотя и разочаровывает его в общественном плане, в творческом оказывается моментом радости и подъема: «...но едва лишь речь зашла о главном, о вещах, известных людям созидательного склада, как исчезли все связи, кроме этой единственной, [...] только осталась близость стихии со стихией, энергии с энергией, начала и начала» (181). Так разрушению привычного мира, разочарованию в людях и чувству неизбежной катастрофы последовательно противопоставлены природа и творчество, выводящие Живаго из повседневной безвыходности в иную реальность, не зависящую от происходящих перемен.

Слово евхаристия означает *благодарение*. Евхаристическое благодарение — это, в первую очередь, благодарение Богу за дар жизни, за искупление, т.е. за спасение от уничтожения и смерти, и тем самым принятие жизни и радости жизни. В личном плане благодарен-

ние, как ответ на дар жизни, это не только хвала Богу, но и творческая реализация себя как человека. Как сорный опыт принятия дара жизни, каждая евхаристия включает не только данное собрание верующих, но всех людей вообще и весь мир. Это включение совершенно определенно выражено в евхаристических молитвах православной литургии.²⁵

После неудавшегося вечера Живаго испытывает возвращение от незначительного и ложного к настоящему, когда распахивают окно и оказывается, что ночью шел дождь: «Гром прочистил емкость пыльной протаченной комнаты. Вдруг, как электрические элементы, стали ощутимы составные части существования, вода и воздух, желание радости, земля и небо» (186). В романе счастье существования, радость жизни последовательно связаны с ощущением себя частью целого. Действия и жизнь отдельных людей осмысливаются как «ощущение связности человеческих существований, уверенность в их переходе одного в другое, чувство счастья по поводу того, что все происходящее совершается не только на земле, в которую закапывают мертвых, а еще в чем-то другом, в том, что одни называют Царством Божиим, а другие историей, а третьи еще как-нибудь» (13). Чувство соотнесенности с историей или Царством Божиим — это отличительная черта главных героев романа.

У гроба Живаго Лара, говоря об их любви, утверждает, что их никогда не покидало «наслаждение общей лепкою мира, чувство отнесенности их самих ко всей картине, ощущение принадлежности к красоте всего зрелища, ко всей вселенной» (513). На протяжении всего романа, и часто вопреки обстоятельствам, Живаго сохраняет чувство радости жизни. Оплакивая Лару в Варькино, он записывает свои мысли о том, что «искусство, в том числе и трагическое, есть рассказ о счастье существования» (466).²⁶

Любовь как добровольная жертва, как принятый крест — это основа характера героя и главная движущая сила его жизни. Наиболее ясно и точно это вы-

ражено в стихотворениях на евангельские темы. В этих текстах конкретно присутствуют богослужебные песнопения и евангельские чтения Страстной недели. Голгофа — это кульминация жертвы Христа, которую Он добровольно приносит за спасение мира. В Гефсиманском саду за колебаниями и сомнениями следует окончательное принятие воли Отца. В стихах Живаго именно этот момент подчеркнут дважды, в первом и последнем стихотворениях цикла: «Если только можно, Авва Отче,/Чашу эту мимо пронеси» и «Но продуман распорядок действий,/И неотвратим конец пути» (532) в стихотворении «Гамлет» и «Чтоб эта чаша смерти миновала,/В поту кровавом Он молил отца» и «Сейчас должно написанное сбыться/Пускай же сбудется оно. Аминь», «Я в добровольных муках в гроб сойду» (565-566) в стихотворении «Гефсиманский сад».

Очевидные прототипы Живаго — это образы Гамлета, Георгия Победоносца, имя которого он носит, и Христа. Разыскивать их не приходится, они вынесены на поверхность текста. Общая черта этих образов — самопожертвование в борьбе за освобождение других от зла и смерти. Указывает на это образ Гамлета, драма которого, в интерпретации Пастернака, «не драма бесхарактерности, но драма долга и самоотречения». ²⁷ Жизнь Живаго можно рассматривать, как подвиг, который он принимает и несет до конца. Парадоксальность здесь в том, что в житейском плане Живаго типичный неудачник. Он ничего в жизни не «совершает», приносит, в конце концов, несчастье любящим его женщинам, разочаровывает друзей, бросает профессию. Эти неудачи результат того, что Живаго принимает как крест свой особый путь, непонятный даже близким друзьям. Напомню, что после возвращения с фронта в Москву, он возвращается работать в *Крестовоздвиженскую* больницу, а *Крестовоздвиженском* назван город в десятой части романа («На большой дороге»). Элемент юродства в конечном опрощении и отказе от попыток жить «как все» или «как полагается» — это реализация того нового понимания жизни, к которому Живаго приходит летом 1917 года, вернувшись с фронта в Москву.

Евхаристия — это явление Царства будущего века в нашем времени. В каждой литургии собрание верующих уходит из этого мира в Царство Божие, чтобы затем снова вернуться в мир. (Ср. один из возгласов священника в конце литургии: «С миром *изыдем*»). В православной традиции эта последовательность ухода и возвращения служит моделью для жизни подвижников, после многолетнего ухода от мира возвращающихся к концу жизни в мир, чтобы служить людям. В русской традиции эта последовательность особенно хорошо известна на примерах Серафима Саровского и Оптинских старцев. В конце жизни Живаго, последовательно убегавший от людей и общения (из Москвы в Варыкино, от партизан в Юрятин и снова в Варыкино, перед концом от Марины), возвращается в Москву и приходит к людям через свои стихи. Читая его стихи, Гордон и Дудоров постигают сущность подвига Живаго. Он уходил, но для того, чтобы вернуться. Его жизнь была иной, как будто выпадала из времени и, тем не менее, оставалась частью их жизни и современности. ²⁸

Можно предположить, что, помимо автобиографических соображений, Пастернак сделал Живаго поэтом потому, что творческая личность, художник — это самый наглядный пример того, чем должен быть человек. Опрощение Живаго в конце романа, это сознательное снижение образа поэта, можно рассматривать как отрицание исключительности, то есть, что поэт здесь не предполагает *исключение* (поэт как отличный от «просто людей»), а именно *включение* всех, как включает всех и общее дело литургии. «Мысль о творчестве человека как в первую очередь о *самосотворении*, что доступно любому человеку, характерна для религиозно-философских воззрений начала века. Для Булгакова именно в «самосотворении» смысл человеческой жизни вообще:

[Человек] становится самим собой лишь через свободное свое произволение, как бы изъявляя согласие на самого себя [...] Человек есть свободный исполнитель своей темы, и это осуществле-

ние себя, выявление своей данности-заданности, раскрытие своего существа, осуществление в себе своего собственного подобия и есть творчество, человеку доступное.²⁹

Бердяев считает, что творчество способствует делу спасения человека, являясь исполнением Божией воли о человеке.³⁰

Евангельское чудо, которому Пастернак посвящает стихотворение в романе, это не одно из чудес, привлекавших ко Христу людей, как например, исцеление, а осуждение бесплодной смоковницы, слово Христа, поражающее бесплодность. Это стихотворение комментировали, и очень убедительно, как осуждение посредственности в искусстве или искусства, которое не приносит плода.³¹ Однако эту интерпретацию можно расширить. Царство Божие дано каждому человеку как возможность, которую надо реализовать, над которой надо активно трудиться, и за которую надо бороться.³² «Неудачи» в жизни Живаго, а в христианской терминологии крест, как жертва, движимая любовью, — это необходимая предпосылка воскресения.

В романе, и особенно в стихах из романа, Пастернак сосредотачивается именно на теме борьбы жизни и смерти, предшествующей воскресению. В богослужебных текстах Великой Субботы (Страстной недели) и Пасхи сосуществуют две противоречивых и параллельных темы, покоя и борьбы. В субботу, в день покоя, Христос во гробе, но параллельно с темой «упокоения» идет тема действия и борьбы, в конце концов вытесняющая тему покоя и смерти.³³

В стихотворении «На Страстной» человек и мир распознают эту необыкновенную весть о возможности победы над смертью:

Но в полночь смолкнут тварь и плоть,
Заслышав слух весенний,
Что только-только распогодь,
Смерть можно будет побороть
Усиьем Воскресенья. (535)

Но воскресенье не просто дано, для победы над смертью нужно усилие. Опыт событий между Страст-

ной Пятницей и Пасхой заставляет Магдалину дорасти до воскресения:

Но пройдут такие трое суток
И столкнут в такую пустоту,
Что за этот страшный промежуток
Я до Воскресенья дорасту. (564)

Существенно, что борьба против смерти измеряется временем. Христос воскрес «в третий день» («трое суток»). Эти три дня от Страстной пятницы до Пасхи, дни борьбы жизни против смерти, последовательно отражены в богослужениях Православной Церкви, где отдельные богослужения соответствуют определенным событиям жизни Христа между Страстной Пятницей и Пасхой. Первый указал на близость этих стихотворений к последовательности богослужений Страстной и Пасхи Дмитрий Оболенский:

Смерть и воскресение в этих стихотворениях противопоставляются друг другу не метафизически, а литургически: онтологическая пропасть между ними представлена в терминах литургического времени — как промежуток между ночью Страстной Пятницы и Пасхальной ночью.³⁴

В конце шестой части романа, где отчетливо выделены евхаристические элементы сакрального времени, жертвы-любви и человеческой общности, представлена также и тема борьбы и победы над смертью. В тифозном бреде Живаго пишет поэму о борьбе Христа со смертью:

Он пишет поэму не о воскресенье и не о положении во гроб, а о днях, протекших между тем и другим. Он пишет поэму «Смятение». Он всегда хотел написать, как в течение трех дней буря черной червивой земли осаждает, штурмует бессмертное воплощение любви [...] Как три дня бушует, наступает и отступает черная земная буря. И две рифмованные строчки преследовали его:

Рады коснуться
и
Надо проснуться.

Рады коснуться и ад, и распад, и разложение, и смерть, и однако, вместе с ними рада коснуться и весна, и Магдалина, и жизнь. И — надо проснуться. Надо проснуться и встать. Надо воскреснуть (211).

В щелканье соловья на пути из Юртина в Варыкино Живаго слышится: «Очнись! Очнись! [...] — и это звучало почти как перед Пасхой: “Душе моя, душе моя, встань, что спиши!”» (313-314).³⁵ В стихотворении «Сказка» конный и спасенная им дева «Силятся проснуться и впадают в сон» (548). Для того, чтобы воскреснуть, надо сначала проснуться к жизни. По словам Живаго, «человек рождается жить, а не готовиться к жизни. И сама жизнь, явление жизни, дар жизни так захватывающе нешуточны!» (307).

Связь идеи борьбы с воскресением Христа глубоко укоренена в православном понимании. В классической православной иконографии икона Воскресения изображает не само Воскресение, а сошествие Христа в ад (икона «Сошествие во ад»). На ней изображен Христос, стоящий на разрушенных вратах ада и выводящий из ада праотцев Адама и Еву, а за ними весь сонм ветхозаветных праведников. Фигура Христа передает действие, она подчеркнута динамична. Это момент последнего снисхождения, унижения и, в то же время, это начало победы. Эта древняя композиция³⁶ передает именно момент максимального усилия и тем подчеркивает активную борьбу в преодолении сил зла. Это момент, с которого начинается новое время: реализация искупления и возможность воскресения для человека.³⁷

Литургическое воспоминание Тайной Вечери в евхаристии это не просто человеческое воспоминание прошлого события, а актуализация этого события в выходе в сакральное время. Это воспоминание, которое делает Тайную Вечерю реальной и со-временной каждой литургии. Участвуя в литургии, мы входим в неумиращую жизнь и в память Божию. В библейском богословии память Бога о человеке означает дар жизни, быть в памяти Бога — значит иметь жизнь, а быть забытым Богом — означает уничтожение и смерть.³⁸

«Вечная память» православного отпевания, пением которой в сцене похорон матери Живаго открывается роман, имеет в виду не человеческую, неизбежно временную, память, а память Божию.³⁹ Представляется, что именно в этом смысле следует понимать слова Живаго в разговоре с больной и томящейся предчувствием смерти Анной Ивановной: «И какая вам разница, что потом это будет называться памятью. Это будете вы, вошедшая в состав будущего» (58). В том же разговоре Живаго продолжает: «Смерти не будет потому, что прежнее прошло [...], а теперь требуется новое, а новое есть жизнь вечная» (68-69).⁴⁰ Именно утверждение вечной жизни и отрицание смерти как конца жизни имеется в виду, когда Живаго начинает этот разговор как будто противоречием: «Вы уже воскресли, когда родились, и этого не заметили» (68). Здесь Живаго следует за своим дядей и учителем Веденяпиным, который бессмертие считает более выразительным синонимом жизни (10). Именно такое прочтение предполагают строки из стихотворения «Быть знаменитым некрасиво»: «Но быть живым, живым и только./Живым и только до конца» (448), то есть оставаться верным жизни и бессмертию. Сознательный и подчеркнутый парадокс вводит эту тему на первой же странице романа, когда в ответ на вопрос «Кого хоронят?» звучит ответ «Живаго», ведь живых не хоронят.

В письме Ольге Фрейденберг 1946 года, где Пастернак называет роман «своей первой настоящей работой», он в частности обращает внимание на значение Евангелия в романе и уточняет, что здесь он не ограничивается нравственными проблемами:

Эта вещь будет выражением моих взглядов на искусство, на Евангелие, на жизнь человека в истории и на многое другое. [...] Я в нем свожу счеты с еврейством, со всеми видами национализма (и в интернационализме), со всеми оттенками антихристианства [...] Атмосфера вещи — мое христианство, в своей широте немного иное, чем квакерское и толстовское, идущее от других сторон Евангелия в придачу к нравственным.⁴¹

О своем желании написать о жизни Христа Пастернак говорил еще в двадцатые годы.⁴² Рассуждая в начале романа о смысле искусства как размышлении о смерти, которое «неотступно творит этим жизнь», Живаго уточняет: «Большое, истинное искусство, то, которое называется Откровением Иоанна, и то, которое его дописывает» (91). Творчество человека, в первую очередь самосотворение, заданное каждому, а не только художнику, это то новое понимание христианства, о котором Пастернак писал Фрейденберг и которое в романе названо душою книг Веденяпина. Это «по-новому понятое христианство» (66) не означает отход от исторического православия и Православной Церкви в духе увлечений начала века. Свидетельство тому ссылки на церковные праздники и пронизанность текста романа богослужебными цитатами, а также соотнесенность стихотворений на евангельские темы с богослужениями Страстной недели и Пасхи.

В отличие от привычного и широко распространенного взгляда, ассоциирующего с христианством и Церковью традиционность, Новый Завет последовательно и настоятельно подчеркивает именно новизну. Идея новизны заложена в Благой вести Евангелия и навсегда остается новой, так как должна быть открыта и принята каждым человеком заново. Апостол Павел выражает эту небывалую новизну предельно четко: «Кто во Христе, тот новая тварь; древнее прошло, теперь все новое» (2 Кор. 5:17).⁴³ Есть параллель между евхаристическим пониманием жизни, как по-новому понятым христианством, воплощенным в жизни Живаго, и возвращением литургии значения, как молитвы общественной, и ее эсхатологического измерения, как вхождения в Царство Божие, что характерно для христианства в двадцатом веке.⁴⁴

Прочтение *Доктора Живаго* в категориях евхаристии сообщает времени в романе исключительное значение, так как в христианстве время не отвергается, а освящается и служит средством спасения. Человек творит себя во времени. Выход из линейного времени в евхаристии — это опыт и залог преодоления смерти.

Временем измеряется промежуток между смертью и воскресением.

Восприятие жизни через евхаристию, соединяющее радость жизни и благодарность за дар жизни с творческим ответом на этот дар, соответствует взглядам христианской антропологии, считающей человека существом не только логическим, но и творческим, по образу Божью, и евхаристическим, способным благодарить Бога как творца мира и жизни.⁴⁵ Думается, что именно чувство «торжества и ликования», то есть принятие жизни и радости жизни, несмотря на страдания, является основой, определяющей общий оптимистический тон поэзии Пастернака, вопреки всем «разрывам» в лирике и неудачам героев в прозе.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Цит. по: Борис Пастернак. *Доктор Живаго*. Ann Arbor, 1981. Все ссылки в тексте даются на это издание.
- ² О неточности хронологии в романе см. обзор и библиографию по этому вопросу в кн.: Neil Cornwell. *Pasternak's Novel: Perspectives on "Doctor Zhivago"*. *Essays in Poetic Publications* N° 2. Keele, 1986, pp. 20-23 и 67-68, а также David L. Jones, "History and Chronology in Pasternak's *Doctor Zhivago*". *Slavic and East European Journal*, 1979, pp. 160-163. О сознательном отказе от реалистических принципов построения романа см. письмо Пастернака к Stephen Spender в "Three Letters", *Encounter*, August 1960, pp 3-6. См. также: G.P. Struve. "The Hippodrome of Life: The Problem of Coincidences in *Doctor Zhivago*". *Books Abroad*, 44, 1970, pp 231-236.
- ³ Виктор Франк. «Реализм четырех измерений». Мосты, 2 (Мюнхен, 1959), сс. 192-194.
- ⁴ «Временной контрапункт как формообразующий принцип романа Пастернака "Доктор Живаго"», *Boris Pasternak and His Times*. Berkeley, 1989, p. 324. По Гаспарову, равноправность многих возможных толкований романа — это не недостаток, а осуществление «контрапунктного» построения.
- ⁵ Борис Пастернак. *Стихотворения и поэмы*. Москва, 1965, сс. 148 и 167. Далее ссылки в тексте даются на это издание.

- ⁶ Райнер Мария Рильке. Б. Пастернак. Марина Цветаева. *Письма 1926 года*. 1990, с. 153. Ср. цитату из Грибоедова в стихотворении «В лесу» (1917): «Счастливые часов не наблюдают» (183).
- ⁷ «Символизм и бессмертие» в: Л. Флейшман. *Статьи о Пастернаке*. Вегем, 1977, сс. 116–117. См. там же статью Л. Флейшмана «К характеристике раннего Пастернака». Ср. «Люди и положения». *Воздушные пути*, Москва 1982, сс. 438–439.
- ⁸ «Замечания к переводам из Шекспира». *Воздушные пути*, с. 394. Ср. также: В.В. Иванов. «Категория времени в искусстве и культуре XX века» в кн. *Ритм, пространство и время в литературе и искусстве*. Ленинград, 1974, сс. 54–56.
- ⁹ На это указывает в своей работе Гаспаров.
- ¹⁰ См. библиографию работ о христианстве Пастернака в книге Neil Cornwell. *Pasternak's Novel: Perspectives on "Doctor Zhivago"*, pp. 20–23, а также статью Лазаря Флейшмана в этом томе.
- ¹¹ Gregory Dix. *The Shape of Liturgy*. Westminster, n.d. Chap. XI, "The Sanctification of Time".
- ¹² С. Аверинцев. «Порядок космоса и порядок истории в мировоззрении раннего средневековья». Античность и Византия, М., 1975, с. 270. См. анализ разных интерпретаций богословия времени в: А. Шмеман. *Ваегение в литургическое богословие*. Париж, 1961, сс. 59–104. Ср. взгляд на христианское богословие времени как на творческое решение проблемы философии времени в: S.G.F. Brandon. "Time and the Destiny of Man". *The Voices of Time*. Ed. J.T. Fraser, 1966, p. 151.
- ¹³ О ветхозаветных истоках христианского богослужения см.: Louis Bouyer. *Eucharist*, 1968.
- ¹⁴ Значение конкретного времени жизни Христа подтверждается Символом веры: «Распятого же за ны при Понтийстем Пилате». См.: J.L. Russel. "Time in Christian Thought" in *The Voices of Time*, p. 60. О противопоставлении новозаветной концепции времени античной см.: O. Cullman. *Christ and Time*, 1950. См. также: Mircea Eliade. *The Myth of Eternal Return*, 1954.
- ¹⁵ О богословии «дня Господня» см.: Jean Daniélou. *The Bible and the Liturgy*. Notre Dame, 1956, особенно гл. 15 и 16, "The Lord's Day" and "The Eighth Day". См. также: А. Шмеман. *Ваегение в*

литургическое богословие, с. 84, и "Liturgy and Eschatology" in *Liturgy and Tradition. Theological Reflections of Alexander Schmemmann*. Ed. by Thomas Fisch, 1990.

- ¹⁶ См.: С.Н. Булгаков. *Свет не вечерний*. Москва, 1917, с. 203, а также: А. Шмеман. *Евхаристия*. Париж, 1984, сс. 41–42. Детская интуиция, или интуиция творчески одаренной личности, в раннем детстве открывает Юре Живаго евхаристический опыт «неба на земле»: «Это недоступно-высокое небо наклонялось низко-низко к ним в детскую макушкой в нянюшкин подол, когда няня рассказывала что-нибудь божественное, и становилось близким и ручным [...] Оно как бы окуналось у них в детской в таз с позолотой и, искупавшись в огне и золоте, превращалось в заутреню или обедню в маленькой переулочной церквунке, куда няня его водила» (88).
- ¹⁷ См.: Irene Masing-Delic. "Some Alternating Opposites in the Zhivago Poems". *The Russian Review*, vol. 36, N° 4 (October 1977), сс. 438–462.
- ¹⁸ «Люди и положения». *Воздушные пути*, с. 454.
- ¹⁹ See Louis Bouyer. *Rite and Man. Natural Sacredness and Christian Liturgy*. 1967, p. 204.
- ²⁰ См.: O. Cullman. *Christ and Time*, pp. 74, 155–156, а также: Mircea Eliade. *Patterns in Comparative Religion*, p. 389, and Jean Daniélou. *The Bible and the Liturgy*, pp. 137 and 269.
- ²¹ Тропарь 9-ой песни канона Пасхи, читающийся за каждой литургией: «О Пасха велия, и священнейшая, Христе! О мудросте, и слове Божий, и сило! Подавай нам истее Тебе причащаться, в не вечернем дни царствия Твоего».
- ²² Осип Мандельштам. *Собрание сочинений в трех томах*. Под ред. Г. Струве и Б. Филиппова. Вашингтон, 1967, т. 1, с. 85. В критической литературе известны разные прочтения этого текста. Omry Ronen устанавливает как подтекст стихотворение М. Лозинского 1914 года «То был последний год» и подчеркивает эсхатологический мотив остановившегося времени (*An Approach to Mandel'stam*. 1983, p. 4). Почти всех исследователей занимает вопрос о том, какую литургию описывает Мандельштам, католическую или православную. К. Тарановский принимает стихотворение как описание православной литургии (*Essays on Mandel'stam*. 1976, p. 55). Ryszard Przybylski не скрывает своих колебаний по этому вопросу, но в конце концов находит соответствие православной литургии в

трехчастном построении стихотворения (*Wdzięczny gość Boga. Esej o poezji Osipa Mandelstama*. Paris, 1980. "Wieczność poza czasem", 121–124). Никита Струве, наоборот, склонен видеть здесь латинскую мессу (как и Ronen, 242) (*Ossip Mandelstam*. 1982, сс. 114–115). Григорий Фрейдин выделяет как основную тему приношение даров (Gregory Freidin. *A Coat of Many Colors*. 1987, сс. 121–123). Ср. о единстве в сущности евхаристии в восточной и западной традиции, невзирая на более чем тысячелетнее раздельное развитие: Gregory Dix. *The Shape of the Liturgy*, p. 11. Вызывала сомнения также интерпретация слова «дароносица», так как в православной литургии возносятся чаша и потир, а не дароносица. Думаю, что Манделыштам имеет в виду сущность Евхаристии, общую для восточной и западной Церкви и что слово «дароносица» здесь подчеркивает этимологию и может относиться и к чаше.

²³ Ср. разговор Лары и Живаго о изменившемся времени, сс. 413, 414–415, а также сс. 12–13.

²⁴ *Воздушные пути*, с. 273. О связи образа Лары с героиней книги *Сестра моя жизнь* см.: Ел. В. Пастернак. «Лето 1917 года». *Звезда*, 1990, 2.

²⁵ Ср. «молитву ходатайства» литургии Василия Великого, которую А. Шмеман называет «космической»: «Помяни, Господи, иже в пустынях и горах, и вертепах, и пропастьях земных. [...] Помяни, Господи, предстоящая люди [...], супружества их в мире и единомыслии соблюди, младенцы воспитай, юность настави, старость поддержи, малодушные утешь, расточенныя собери, прельщенныя обрати [...], плавающим сплавай, путешествующим спешествуй, вдовицам представи, сирых защити, плененныя избави, недугующия исцели. [...] И вся люди твоя помяни, Господи Боже наш, и на вся излий богатую твою милость [...], сам всем вся буди [...]».

²⁶ После перенесенного инфаркта Пастернак писал Ольге Фрейденберг (20.I.53): «[...] и благодарил Бога за то, что у Него так подобрано соседство города за окном и света, и тени, и жизни, и смерти, и то, что Он сделал меня художником, чтобы любить все Его формы и плакать над ними от торжества и ликования». (*Переписка с Ольгой Фрейденберг*. Нью-Йорк, 1982, с. 297. Далее: *Переписка*). Ср. стихотворение «В больнице», а также письмо Н.А. Табидзе от 17.I.1953 («Край, ставший мне второй родиной», *Вопросы литературы*, 1966, 1, с. 194). Ср.: A. Livingstone. *Pasternak on Art and Creativity* (Cambridge, 1985), p. 6.

²⁷ *Воздушные пути*, с. 397. Ср.: Виктор Франк. «Реализм четырех измерений», *Мосты*, сс. 205–209.

²⁸ Характер и жизнь Живаго не следует, однако, рассматривать как модель поведения, предлагаемую Пастернаком. Творческое самоосуществление Живаго происходит не *благодаря*, а *вопреки* его ошибкам и неудачам. В автобиографическом плане писание романа, как отказ от обычного и следование собственному пути, было своего рода «опрощением» и «юродством» автора, дававшим ему чувство исполненного долга. Пастернак неоднократно повторял, что считает роман главным делом своей жизни. См.: *Переписка*, сс. 243 и 244. По Гаспарову, форма романа *Доктор Живаго* — это «эстетическая жертва» Пастернака, сознательное снижение своего творческого облика.

²⁹ С. Булгаков. *Свет невечерний*, с. 352.

³⁰ Н. Бердяев. *Смысл творчества*, 1916, с. 31. Однако Бердяев идет дальше Булгакова и фактически обожествляет творческий акт человека, что дает повод тому же Булгакову обвинить его в недостаточном различении между творчеством человека и абсолютным божественным творческим актом (*Свет невечерний*, прим. на с. 279). См. также о проблеме творчества в антропологии Григория Паламы: И. Экономцев. «Исихазм и возрождение. (Исихазм и проблема творчества)» в кн. *Православие. Византия. Россия*. Париж, 1989.

³¹ См.: А.К. Жолковский. «Инварианты и структура поэтического текста. Пастернак» в кн. А.К. Жолковский, Ю.К. Щеглов. *Поэтика выразительности. (Wiener slawistischer Almanach, Sonderband 2. Wien, 1980)*, а также Iren Masing-Delic, "Zhivago as Fedorovian Soldier", *The Russian Review*, vol. 40, N° 3 (July 1981), pp. 300–316.

³² Ср. Евангелие от Матфея, 11, 12: «Царство Божие силою берется, и употребляющие усилие овладевают им», а также: «Закон и пророки до Иоанна, с того времени Царство Божие благовествуется и всякий усилием входит в него» (Лк. 16, 16).

³³ Пример темы покоя: «Сия бо есть благословенная суббота, сей есть упокоения день, в онъже почи от всех дел своих, единственный Сын Божий». (Стихира на «Господи воззвах», на вечерне в Великую Субботу). Примеры темы борьбы: «Снизшел еси в преисподняя земли, и сокрушил еси веревы

вечный» (ирмос шестой песни пасхального канона); «Аще и во гроб снизшел еси, Бессмертне, но адову разрушил еси силу» (кондак Пасхи). В материалах к роману в архиве Пастернака Per Arne Bodin среди выписок из евангельских и богослужебных текстов выделяет целую группу текстов, связанных с борьбой Христа против смерти. См.: Per Arne Bodin. *Nine Poems from Doktor Zivago*. Stockholm, 1976.

- 34 «Стихи Доктора Живаго». *Сборник статей, посвященных творчеству Б.Л. Пастернака*. Мюнхен, 1962, с. 110.
- 35 Кондак Великого канона Андрея Критского, который читается на первой и пятой неделях Великого Поста.
- 36 Собор св. Марка в Венеции, VI в., см.: Leonid Ouspensky and Vladimir Lossky. *The Meaning of Icons*, 1969, p. 186. См. также: Per Arne Bodin. "Pasternak and Christian Art" in *Boris Pasternak. Essays*, Edited by Nils Ake Nilsson, Stockholm, 1976, pp. 203–214.
- 37 «Общее дело» литургии, а также борьба за бессмертие («усиле воскресенья»), являются своего рода ссылками на философию общего дела Н.Ф. Федорова. Не вызывает сомнения, что Пастернак разделял христианскую основу учения Федорова, т.е. утверждение братства людей и жажды активного участия в воскресении всего человечества. (Ср. у Федорова: «Сами того не сознавая, объединяясь, мы участвуем в деле воскресения, участвуем в этом деле чрез участие в литургии [...]» Н.Ф. Федоров. *Сочинения*. Москва, 1982, с. 131. Ср. также: Гаспаров, «Временной контрапункт...», с. 344). Однако позитивистская и утопическая сторона философии «общего дела» Федорова была Пастернаку чужда. В романе негативное высказывание о физическом воскресении мертвых не оставляет в этом сомнения: «Где вы разместите эти полчища, набранные по всем тысячелетиям? Для них не хватит вселенной, и Богу, добру и смыслу придется убраться из мира. Их задавят в этой жадной животной толчее» (68). Бескомпромиссность этого высказывания восходит, по-видимому, к Соловьеву, который во втором опубликованном письме Федорову, написанном после личных встреч, писал: «Простое физическое воскресение умерших само по себе не может быть целью. Воскресить людей в том их состоянии, в каком они стремятся пожирать друг друга, воскресить человечество на степени каннибализма было бы и невозможно, и совершенно нежелательно». (*Письма В.С. Соловьева*. СПб., 1909, II, с. 346).

38 О пребывании в памяти Божией см.: Louis Bouyer. *Eucharist*, pp. 84–85, 103–104.

39 Эта фактическая ошибка (на выносе поют не «Вечную память», а «Святый Боже», как верно указано при описании похорон Анны Ивановны на стр. 89) — еще одно подтверждение того, что богослужебные цитаты и ссылки на церковный календарь несут помимо бытописательного символический смысл. Ср. также описания похорон Толстого с многократным пением «Вечной памяти». См.: Б. Мейлах. *Уход и смерть Льва Толстого* (1979), с. 293, а также: А. Толстая. *Отец. Жизнь Льва Толстого* (1989), с. 478.

40 Здесь ссылка на Откровение (Апокалипсис) Иоанна: «И отрет Бог всякую слезу с очей их, и смерти не будет уже, ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет, ибо прежде прошло» (Откр., 21:4). Ср. также: Откр., 21:1, Евангелие от Иоанна, 5:24, 8:51, и Первое соборное послание Иоанна, 3:14. См. интерпретацию романа с Апокалипсисом Иоанна как основным подтекстом в: Mary F. Rowland and Paul Rowland. *Pasternak's "Doctor Zhivago"*. Carbondale, 1967. Ср. о человеческой памяти: *Переписка*, сс. 335 и 337.

41 *Переписка*, с. 245.

42 Н. Вильмонт передает разговор с Пастернаком конца 1923 года: «Кабы я была царица», я бы не только не «на весь крестный мир», а в полной отрешенности, [...] сел бы и написал нечто вроде рильковских "Geschichten vom lieben Gott". Но не о Саваофе (это тоже слишком большая тема), а о Христе и его легендарной, бытующей среди людских поколений вот уже девятнадцать с лишним веков истинно показательной биографии». Н. Вильмонт. *О Борисе Пастернаке*. Москва, 1989, с. 119.

43 О положительном смысле слова «новый» в христианстве, в отличие от традиционной религиозности, см.: С. Аверинцев. *Античность и Византия*, с. 270.

44 См. напр.: J.H. Strawley. *The Liturgical Movement. Its Origin and Growth*. London, 1954, и *The Eucharist and Liturgical Renewal*. Oxford, 1960, а также: А. Шмеман. Введение в литургическое богословие.

45 Kallistos Ware. *The Orthodox Way*. 1979, pp. 68–69.

НОВИНКА «YMCA-Press»

**АНТОЛОГИЯ
РУССКОЙ
ПОЭЗИИ
XIX ВЕК**

**XIX SIECLE
ANTHOLOGIE
DE LA POESIE
RUSSE**

Составил и перевёл Никита Струве

1994, 256 стр. цена : 90 фр. фр.

«YMCA-Press»

в серии «Избранная Поэзия»

АЛЕКСАНДР БЛОК

СТИХОТВОРЕНИЯ

(вступительная статья и составление Н.А. Струве)

1993, 156 стр. цена : 90 фр. фр.

заказы направлять по адресу :

LES EITEURS REUNIS

11, rue de la Montagne-Ste-Geneviève, 75005 Paris, F.

Телефон : 45.54.74.46 – Телефакс : 43.25.34.79

СУДЬБЫ РОССИИ

А. СОЛЖЕНИЦЫН

«РУССКИЙ ВОПРОС» К КОНЦУ XX ВЕКА

С е г о д н я — хочется если что читать, то коротко, как можно короче, и — о с е г о д н я ш н е м. Но каждый момент нашей истории, и сегодняшний тоже — есть лишь точка на ее оси. И если мы хотим нащупать возможные и верные направления выхода из нынешней грозной беды — надо не упускать из виду те многие промахи прежней нашей истории, которые тоже толкали нас к теперешнему.

Я сознаю, что в этой статье не разработаны ближайшие конкретные практические шаги, но я и не считаю себя вправе предлагать их прежде моего скорого возврата на родину.

Март 1994

Нельзя обойтись без исторического огляда, и даже начать его издалека. Однако при этом выделим только две линии: как соотносились в нашей истории внутреннее состояние страны и ее внешние усилия.

Существующий миф о расцвете новгородской демократии в XV-XVI веках опровергается акад. С.Ф. Платоновым.¹ Он пишет, что это была олигархия небольшого круга богатейших семей, что господство новгородской знати выросло до степени политической диктатуры; а в междоусобиях враждующих партий, так и не выработавших приемов компромисса, использовалась народная толпа — и до степени анархии; что в быстротечном развитии социальный и политический порядок Новгорода успел обветшать ранее, чем его сломила Москва.

¹ С.Ф. Платонов. Смутное время, Прага, 1924.

Однако заповедный край демократической среды, обильного свободного крестьянства, образовался именно освобождаясь от Новгорода, — в Поморьи. (Москва не насаждала там своих помещиков, ибо с севера не видела врагов.) В Поморьи русский характер развивался свободно, не в сжатии московских порядков и без наклонов к разбою, заметно усвоенному казачеством южных рек. (Не случайно и свет Ломоносова пришел к нам из Поморья.)

В Смуту XVII века, после всех разорений Руси и разврата душ, — именно русский Север, с опорой на Поморье, сперва был надежным тылом для отрядов Скопина-Шуйского, потом — ополчения Пожарского, принесшего Руси окончательное освобождение и замирение.

И Платонов отмечает, что мучительный и душевраспадный период Смуты принес и благодетельный переворот в политические понятия русских людей: в обстановке безцарствия, когда Русь перестала быть «вотчиной» Государя, а люди — его «слугами» и «холопами», — государство не должно пропасть и без Государя, надо спасать и строить его самим. Повсюду усилилась местная власть, выносились постановления местных «миров», происходила «обсылка» послов и вестей из города в город, в городах создались всеобщие советы, они соединялись в «совет всея земли». (Подобной же самостоятельностью было и 16-месячное стояние Троицкой Лавры и 20-месячное Смоленска.) Все это — примеры поучительной русской народной организованности для нас, потомков.

Так рядом с привычным «государевым делом» стало «великое земское дело». И Михаил с первых же шагов искал помощи Земского Собора — а Собор охотно помогал Государю. Не было никакого формального ограничения власти Государя, но — тесная связь царя и «всея земли». И первые 10 лет царствования Михаила Собор заседал непрерывно, позже периодически. (И вся эта русская государственность создавалась никак не под западным влиянием и никого не копируя.)

Не касаясь здесь последних царствований рюриковской династии, напомним, что и там, наряду со

всесильной царской властью, действовали местные жизнеспособные управительные учреждения (хотя еще при самом невежественном состоянии правосознания), выборные власти: губной староста (по уголовным делам), земский головной староста, «земская изба» (раскладка податей, разверстка земли, нужды посадских). Правда, владельческие крестьяне почти не имели влияния там (хотя были у них общинные старосты и сотские).² Так что местные управления, столь спасительно повлиявшие в Смуту, выросли не на пустом месте. Однако военные нужды государства все более закрепляли крестьян на землях служилых людей, а крестьяне, в поисках воли, бежали на незаселенные окраины, отчего одновременно оскудевал людьми и трудом центр государства, а на окраинах усиливалась мятежная вольница — и то и другое разорительно сказалось в Смуту и не только тогда: четырех-трехвековой процесс крепостничества гибельно просквозил Новую русскую историю.

«Соборный» после-смутный период, однако, быстро кончился при Алексее Михайловиче, по историческому недоразумению увековеченном «Тишайшим». При нем все больше брало верх в государственном управлении «приказное» начало над «земским», вместо здоровых земских сил — плохо организованная бюрократия, — и это тоже на 300 лет вперед. Царствование А.М. все наполнено бунтами — народным протестом против управления воевод и приказных. Уложение 1649 года не только оставило в прежнем закабалении холопов и крепостных, но даже усилило его.³ (Ответом была — серия бунтов, кончая разинским.) Война, которую вел Алексей, была необходимой и справедливой, ибо он отвоевывал исконно-русские земли, захваченные поляками. Наряду с тем военное столкновение открывало Алексею и меру нашей отсталости от Запада, и острую необходимость перенимать оттуда знания и технику, но вселяло и «моду» не отстать ни в чем от западных

² Л.А. Тихомиров. Монархическая государственность, изд. Русское Слово, Буэнос-Айрес, 1968.

³ С.Ф. Платонова. Москва и Запад, изд. Обелиск, Берлин, 1926, сс. 111-114.

влиятий, поспешно угодить даже и в исправлении богослужбных книг. И это привело его к жесточайшему преступлению анафемы собственному народу и войны против него за «никонианскую реформу» (когда уже и сам Никон отошел от «греческого проекта»).⁴ Через 40 лет после едва пережитой народом Смуты — всю страну, еще не оправившуюся, до самой основы, духовной и жизненной, потряс церковный Раскол. И никогда уже — опять-таки на 300 лет вперед — Православие на Руси не восстановилось в своей высокой жизненной силе, державшей дух русского народа больше полутысячи лет. Раскол отозвался нашей слабостью и в XX веке.

И на этот сотрясенный народ, и не выздоровевшую страну — налетел буйный смерч Петра.

Как «служитель прогресса» Петр заурядный, если не дикарский, ум. Он не возвысился до понимания, что нельзя переносить (с Запада) отдельные результаты цивилизации и культуры, упустя ту психическую атмосферу, в которой они (там) созрели. Да, Россия нуждалась и в техническом догоне Запада, и в открытии выхода к морям, особенно к Черному (где Петр действовал бездарнее всего, а чтобы выкупить свою окруженную на Пруте армию, уже велел Шафирову подарить Псков: через турок шведам. О полководческих действиях Петра меткие критические замечания находим у И. Солоневича⁵). Нуждалась — но не ценой того, чтобы ради ускоренного промышленного развития и военной мощи — растоптать (вполне по-большевицки и с излишеством крайностей) исторический дух, народную веру, душу, обычаи. (По нынешнему опыту человечества мы можем видеть, что никакие материальные и экономические «прыжки» не вознаграждают потерь, понесенных в духе.) Петр уничтожил и Земские Соборы, даже «отбил память о них» (Ключевский). Взнуздal Православную церковь, ломал ей хребет. Налоги и повинности росли без соотнесения к платежным средствам населения. От

⁴ С. Зеньковский. Русское старообрядчество, Wilhelm Fink Verlag, München, 1970, сс. 290–339.

⁵ Иван Солоневич. Народная монархия, изд. «Наша страна», Буэнос-Айрес, 1973.

мобилизаций оголились целые области от лучших мастеров и хлеборобов, поля зарастали лесом, не прокладывались дороги, замерли малые города, запустели северные земли — надолго замерло развитие нашего земледелия. Крестьянских нужд этот правитель вообще не ощущал. Если по Уложению 1649 года крестьянин хотя и не мог сходить с земли, но имел права собственности, наследования, личной свободы, имущественных договоров, то указом 1714 о единонаследии дворянства — крестьяне перешли в прямую собственность дворян. Петр создал — на 200 лет вперед — и слой управляющих, чуждый народу если не всегда по крови, то всегда по мироощущению. А еще эта безумная идея раздвоения столицы — перенести (чего *нельзя* вырвать и перенести) ее в призрачные болота и воздвигать там «парадиз» — на удивление всей Европы — но палками, но на той фантастической постройке дворцов, каналов и верфей загоняя вусмерть народные массы, уже так нуждающиеся в передышке. Только с 1719 по 1727 население России убыло умершими и беглыми почти на 1 миллион человек⁶, т.е. едва ли не каждый десятый! (Неслучайно в народе создалась устойчивая легенда, что Петр — самозванец и антихрист. Его правление сотрясилось бунтами.) Все великие и невеликие дела Петра велись с безоглядной растратой народной энергии и народной плоти. Трудно сохранить за Петром звание *реформатора*: реформатор — это тот, кто считается с прошлым и в подготовке будущего смягчает переходы. Как пишет Ключевский: в реформах управления «Петр потерпел больше всего неудач». Наследованные от него неудачи и ошибки «будут потом признаны священными заветами великого преобразователя», указы его последних лет — «многословные расплывчатые поучения». ⁷ Ключевский выносит уничтожительный приговор гражданским действиям Петра. Петр был не реформатор, а — *революционер* (и большей частью — без надобности в том).

⁶ С.М. Соловьев. История России с древнейших времен, М., 1963 кн. XI, с. 153.

⁷ В.О. Ключевский. Курс русской истории, лекции, т. 4, сс. 190, 198.

А за Петром катил и остальной XVIII век, не менее Петра расточительный на народную силу (и с капризным дерганьем ломаной линии наследования, опять же по вине Петра). После лихорадочной деятельности Петра открылась, по словам Ключевского, «бездна», «крайнее истощение сил страны непосильными тяготами, наложенными на народный труд».⁸ Никак не согласиться с распространенным мнением, что «кондиции», предъявленные аристократами из Верхнего Тайного Совета Анне Иоанновне, были бы шагом к либерализации России: слишком мелка была эта княжеская вспашка, и ввек не дойти бы и ей до народной толщи. А уж при Анне — резко усилилось немецкое влияние и даже властвование, поправление национального русского духа во всем, крепко дворянское землевладение, крепостное право, в том числе и фабричное (создаваемые фабрики могли покупать крестьян без земли), народ отдавался тяжким поборам и расходу живых сил на неуклюже ведомые войны.

Неразумными и неудачными войнами и внешней политикой царство Анны Иоанновны весьма отметно. Правда уже и Петр в своем необдуманном размахе мог заботиться, чтобы Пруссия приобрела Померанию и Штеттин, теперь его наследники хлопотали о Шлезвиге для Дании, а Миних предлагал в услугу Франции держать для ее интересов наготове 50-тысячный русский корпус, только бы получить субсидию. Не проявляя заботы о потерянном под Польшей обширном русском, белорусском и малороссийском населении, правительство Анны, однако, было сильнее заинтересовано, как бы посадить на польский престол саксонского курфюрста. В то время (1731) как крымский хан угрожал, «что может Россию плетью заметать»⁹ (а татарские набеги с юга уже изведаны были и Русью и Малороссией, и всегда могли повториться); в то время (1732) как Россия едва вытягивала ноги из дальней персидской войны, отдавала не только Баку и Дербент со всем краем, куда без опоры и без расчета сил закатился Петр, но даже и

⁸ Там же, с. 304.

⁹ С. Соловьев, ук. соч., кн. X, с. 282.

Святой Крест; когда в России разразился (1733-34) голод, и началось (1735) восстание башкирцев, — в это самое время (1733-34), Анна начала войну с Польшей за посадку саксонского курфюрста на польский трон. (И чем это лучше, чем польское вторжение в Россию в Смуту и планы Сигизмунда захватить трон московский?) «Смысл польской войны был русским совсем непонятен» (С. Соловьев). А вмешательством этим Россия создавала против себя фронт из Франции, Швеции, Турции и татар — и при одном неверном союзнике Австрии. Тут же (1734) татары и стали нападать на русские границы — между тем Россия (по договору еще Екатерины I) вынуждена послать 20-тысячный русский корпус в Силезию на помощь Австрии. С 1735 неизбежно разразилась и тяжелая война с Турцией. Стратегически только она одна и была на линии русских интересов, так как Россия задыхалась без выхода к Черному и Азовскому морям. Но как она велась! Водительство русского войска Минихом было худым, изнурительным для солдат и бездарным по тактике. Еще не столкнувшись с турками, он уже против татар потерял половину наличного состава, с каким вышел. Позорно-неумело штурмовал (1737) Очаков — с самой тяжелой и невыгодной стороны (упустя легко проходимую), взял его с огромными потерями, а дальше и бросил, сменил направление на юго-западное, в помощь австрийцам. Тут он действовал, наконец, успешно — но Австрия предала Россию внезапным сепаратным миром с турками, и Россия была вынуждена закончить войну срытием всех добытых крепостей: Очакова, Перекопа, Таганрога и Азова. Но самая тяжелая наша потеря была в людях: война обошлась нам в 100 тысяч убитых. Население же всей России в то время было — 11 миллионов (меньше, чем за столетие раньше, при Алексее Михайловиче, так проредил его Петр!). И вообразим судьбу тогдашних рекрутов: срока службы для солдат не было, брали, по сути, на всю жизнь; выход был — или смерть, или дезертирство.

Что же касается духовного состояния русского народа в ту пору, то ко времени Анны высказан и вывод

С. Соловьева: «Низшее, белое духовенство, удрученное бедностью, а в селах и тяжелыми полевыми работами, не дававшими возможности священнику выделиться из паствы своими учительскими способностями» — такое положение духовенства «было причиной страшного нравственного вреда для массы народонаселения».¹⁰

Время Анны он называет и самым мрачным — по безраздельному властвованию в России иностранцев, от гнета которых русский национальный дух стал освобождаться только в царствование Елизаветы. (Впрочем, презрение к русскому чувству, к своему родному и к вере своих мужиков — пропитало правящий класс в XVIII веке.) Но здесь нас интересуют другие события и линии ее царствования.

Перед возвышением на трон Елизавета вела весьма рискованную и морально сомнительную игру с французскими и шведскими дипломатами в Петербурге. Франция рассчитывала, что при Елизавете будет *русское* царствование, что она вернет столицу в Москву, перестанет заботиться о морских силах, о западных задачах — и так уведет Россию с европейского театра. Со Швецией Елизавета опасно переговаривалась, чтоб та объявила бы войну России (это и произошло в июле 1741) и требовала бы восстановления петровской династической линии. (Шведы же требовали, наоборот, возврата им всех петровских завоеваний, на что Елизавета и не думала идти.) Но елизаветинский переворот в Петербурге произошел без помощи Франции и Швеции — и новая царица взошла на трон со свободными руками.

В ней, правда, было живо русское национальное чувство, и православие ее было совсем не показным (как затем у Екатерины II). Перед воцарением она, в молитве, дала обет никого не казнить — и, действительно, при ней ни один смертный приговор не был приведен в исполнение — явление еще совсем необычное для всей Европы тогда. Она смягчила и другие наказания по многим видам преступлений. Простила (1752) все недоимки — от кончины Петра, за четверть

¹⁰ С. Соловьев, кн. X, с. 547.

столетия. Она «успокоила оскорбленное народное чувство после долголетней власти иностранцев», «Россия пришла в себя». Она не раз порывалась (1744, 1749, 1753) перевести столицу назад в Москву, и перевозила весь двор даже на годовые периоды, вела восстановление Кремля — русское чувство ее требовало так, а дочернее — не подрывать замысел отца. Но в облегчении народной участи она не шла последовательно и далеко. Продолжались и при ней безмыслые и жестокие преследования старообрядцев (а те — самосжигались) — истребление самого русского корня. Но крестьяне изнемогали от новых податей, вятские бежали в лес жить тайными поселками, а из центральных губерний — бежали, хотя и на горемычную, униженную жизнь — через польскую границу, также и старообрядцы, еще и за Днестр, спасти свою веру — и всех таких беглецов уже накопилось *до миллиона!* Повсюду образовался недостаток рабочих рук — и власти применяли усиленные попытки возвращать беглецов с Дона. В Тамбовском, Козловском, Шацком уездах вспыхивали крестьянские восстания — и целыми деревнями убегали на Нижнюю Волгу в поисках воли. И отмечено много восстаний монастырских крестьян (и как же неприлично монастырям эксплуатировать крестьянский труд). — Не случайно же в 1754 И.П. Шувалов предложил «проект сбережения народа» (избавить от рекрутских наборов тех, кто платит подушный оклад; в случае недорода давать поселянам вспоможение из хлебных складов, а при большом урожае, напротив, повышать цены на хлеб, чтоб они не падали к убытку поселян; особым комиссарам разбирать споры между помещиками и крестьянами; пресечь чиновничьи взятки, но и увеличить чиновникам содержание; охранять поселян от грабительств и притеснений, в том числе и от своей армии; содержать и обучать малолетних солдатских детей; и даже вести «полезное государству свободное познание мнения общества»). — Однако, Елизавета взошла на трон силой дворянской гвардии и незримо оставалась зависимой от дворянства, укрепляя, по выражению Ключевского, «дворянновластие». (Так, в 1758

помещик уполномачивался наблюдать за поведением своих крепостных; в 1760 — ссылать крепостных в Сибирь. С другой стороны дворяне, как уже и при Анне, получали ряд облегчений в своих служебных повинностях.)

И при таком-то тяжком состоянии государства и уже вековой народной усталости — неустойчивая духом Елизавета, вместо «сбережения народа», озабочена была «опасностями для европейского равновесия» — и непростительно кидала русскую народную силу в чужие для нас европейские раздоры и даже в авантюры. — Быстро и сокрушительно выиграв шведскую войну, дальше увлеклась нелепым династическим замыслом утвердить шведским наследником одного из голштинских принцев (впрочем, кто из королей того времени не строил большой политики на династических браках и расчетах?) — и в тех целях, в 1743, уступила Швеции освобожденную от нее Финляндию (упустя возможность выгодного для России свободного развития Финляндии, уже в XVII веке имевшей свои сеймы); и втягивалась дальше: чтобы защитить Швецию от Дании — слали туда русский флот, и в Стокгольм русскую пехоту, не жалко... (И еще потом два десятилетия российское правительство было напряженно занято внутришведскими делами, платило субсидии за сохранность нашего с ней пустопорожнего «союза», подкупало депутатов шведского сейма, и русские дипломаты там страстно занимались задачей «не допустить восстановления самодержавия» в Швеции — чтоб она была слабей.) — Еще жаждали иметь верного союзника в Дании — но такому союзу противоречила голштинская гордость Петра Федоровича, наследника русского престола. — Также безрассудно брала Елизавета отягощающие нас, вовсе нам не выгодные обязательства перед Англией, от которой Россия никогда не видывала ни добра, ни помощи — это в 1741, а в 1743 и прямой союз, обязательство России действовать на европейском континенте в интересах Англии (по глубочайшему расчету, что тот голштинско-шведский принц да женится на английской королеве, то-то создадим коали-

цию! В 1745 проницательный австрийский канцлер Кауниц докладывал Марии-Терезии: «Политика России истекает не из действительных ее интересов, но зависит от индивидуального расположения отдельных лиц». А в 1751 Россия дала секретное обязательство защищать личные владения английского короля в княжестве Ганновер — на западе Германии, близок свет! чудовищно!

Рядом с нами располагалась все слабеющая от внутренних шляхетских раздоров Польша; в предыдущие века она захватила и притесняла обильное православное население — но не о выручке его хлопотала Елизавета, а: как защитить целостность ослабевшей Польши (ведь там королем — наш излюбленный саксонский курфюрст...), а заодно, конечно, постоянно защищать и Саксонию. (Почему это все — наши заботы?) — В начале царствования Елизавета хорошо понимала, что союз с Австрией нам совершенно не выгоден. Но вот Пруссия, воинственный и предприимчивый Фридрих II, захватил у Австрии Силезию — и Елизавета простила Австрию (за интриги против себя самой) и возобновила (1746) — еще на 25 лет! — уже устаревший союзный с ней договор. И защищая Австрию и Саксонию от Фридриха — направила русские войска через независимую Польшу! — Да, Фридрих действовал грубо агрессивно — но как еще далеко-далеко до опасности для России. Да разве осмелился бы Фридрих, хоть и захватя Польшу, вторгаться на великанскую территорию России? — Российские финансы к этому времени начисто подорваны, рекрутов не хватает, набор скуден — но мы шлем войска на Фридриха (а без гарнизонов на наших дорогах и реках прямой разбой, опасно ездить и плыть), а между тем Фридрих получил от Австрии, что хотел, и заключил мир. И мы идем, значит, впустую? Нет, мы в 1747 посылаем-таки 30-тысячный корпус за Рейн, на участок Нидерландов, в помощь Австрии, без надобности ссорясь на том с Францией. (И не слышим ропота солдат и своего населения: кто может понять этот поход? ...)

Зато в Европе наступает всеобщее замирение (только на конгресс в Аахене Россию не позвали, и Россия

вообще ничего не получила). Зато, спасибо, историки записали: вмешательством России остановлена война за польское наследство, война за австрийское наследство, и дерзкий Фридрих.

Но остановлен он не надолго: все шныряет по Европе да захватывает. И в 1756 Россия настойчиво побуждает Австрию: вместе скорей нападать на Пруссию (пока Англия столкнулась с Францией в Америке). Между тем мы «не имеем ни одного порядочного генерала» (С. Соловьев), ибо при Анне Иоанновне не воспитывали русских генералов, все было отдано в руки наемных из немцев. Австрия мнетя, Фридрих молниеносно захватывает Саксонию — и русская армия уходит за границу на Семилетнюю войну (с обязательствами: чтоб вернуть Австрии, чтоб — Польше, а России — ничего). Елизавета жаждала «признательности союзников и всей Европы за доставленную им безопасность» и понукала своих четырех сменяемых бездарных фельдмаршалов (надо признать: из Петербурга лучше их смекая обстановку, да ведь пока гонцы домчатся!). Воевали так: лето (не всякое) — боевые действия, а с ранней осени загодя уходили от противника далеко назад на покойные зимние квартиры. (В Пруссии наши войска платили жителям за каждый урон.) Война вскрыла много недостатков в обучении и в состоянии русских армий. Умели наши генералы (битва при Цорндорфе) и так поставить свое войско в бою, чтоб ему било в лицо солнце и ветер с песком. Во всех главных битвах нападал первый Фридрих — но русские войска либо устаивали, либо побеждали, а с 1757 уже вторгались в Пруссию. После битвы под Куннерсдорфом (август 1759) Фридрих бежал, считая проигранной не только кампанию, но всю свою жизнь. В 1760 русские войска вошли в Берлин, но через 2 дня ушли, не закрепляя его за собой. Теперь-то Елизавета захотела получить кусок Пруссии, но не сам по себе, а чтобы выменять у Польши на Курляндию (однако и Австрия, и Франция сильно противились этому, и помешали). А ведь крымский хан все эти годы подбивал Турцию (натравливала ее и Англия) начать войну с Россией (и как бы Россия

выдержала?); Турция колебалась, но после Куннерсдорфского сражения отказалась. — Промялись в Семилетней войне больше в бездеятельности (а уж Австрия особенно) еще и 1761 год. И все меньше было сил и средств содержать русскую армию в дальнем походе; уже просили Англию посредничать в мире с Фридрихом, а он, и сам уже без сил, но понимая положение, не шел ни на какие уступки. И тут — Елизавета умерла.

Взошел на русский трон ее племянник — ничтожный человек, скудно-мелкий ум, остановившийся в развитии на ребячьем уровне, и голштинской выучки душа — сумасброд Петр III. «Дворянвластие» он закрепил (1762) указом «о вольности дворянской», после которого — и на столетие вперед — огрузло на России отныне государственно бессмысленное крепостное право. (От этого указа, в частности, армия теряла многих офицеров и предстояло снова заменять их иностранцами.) «Вознамерился переменить религию нашу, к которой оказывал особое презрение», распорядился выносить иконы из храмов, а священникам сбривать бороды и носить платье, как иностранные пасторы. (Обратной положительной стороной был и указ о нестеснении в вере старообрядцев, магометан и идолопоклонников.) — Но самый чувствительный крутой поворот Петр III успел, за свои полгода, совершить во внешней политике: Фридриху II, проигравшему войну и уже готовому уступить Восточную Пруссию, он предложил *самому* составить договор в пользу Пруссии, вернуть все земли, занятые русскими, и даже заключить прусско-русский немедленный союз, помочь Пруссии против Австрии (для чего передал Фридриху 16-тысячный корпус ген. Чернышева), а русские силы в Померании уже отправлял против Дании — отвоевывать Шлезвиг для своей родной Голштинии. (Нежелание гвардии выступить теперь еще и против датчан — и послужило к ускорению екатерининского переворота.) «Сделанное Петром III глубоко оскорбляло русских людей... отзывалось насмешкою над кровью, пролитою в борьбе»¹¹, не только

¹¹ С. Соловьева, кн. XIII, с. 58.

Петр окружил себя голштинцами и немцами, но всей русской внешней политикой стал руководить прусский посланник Гольц. Русские люди «с отчаянием смотрели на будущее отечества, находившееся в руках иностранцев бездарных и министров чужого государя».¹²

Екатерининский переворот в отличие от елизаветинского все же не был всплеском русского национального чувства. По порыву Екатерины к недоведенному до конца Уложению (ее «Наказ», 1767, столько и так смело говорил о правах, что был запрещен в дореволюционной Франции, с такой дерзостью она «сеяла европейские семена» того века) можно было бы ожидать, что она много сделает для подъема народного состояния, для какого-то ограждения прав униженных миллионов. Но лишь небольшие движения к этому были: ослабление давления на старообрядцев, указание не применять излишних жестокостей при усмирении крестьянских восстаний. (Щедрей она отнеслась к позванным ею немецким колонистам: наделение обширной землей, постройка домов для них и освобождение от податей и служб на 30 лет, и с беспроцентными ссудами.) Екатерина еще и еще расширяла, «чтоб не скудали бедные помещики», права дворянства, не достаточно довольного и «указом о вольностях». Подтвердилось право каждого помещика ссылать своего крестьянина в Сибирь (затем — и на каторжные работы) без объяснения судье, за что ссылается (но с выгодным для помещика зачетом в счет рекрута). «Помещик торговал им [крепостным] как живым товаром, не только продавая его без земли... но и отрывая от семьи».¹³ Еще не хуже ли в беззащитности было положение крестьян, посланных работать на заводы: нередко вдали от места их жительства, и оставлено им мало дней в году для собственного прокормления. При том Екатерина еще «пожаловала» своим любимцам или награждаемым еще до миллиона живых душ из числа крестьян, дотоле свободных; и устроила крепостное право в Малороссии, где еще оставалось дотоле право свободного перехода крестьян.

¹² Там же, с. 66.

¹³ В. Ключевский, ук. соч., т. 4, с. 319.

В Комиссии, вырабатывавшей Уложение, предполагалось дать дворянам беспредельную власть над крестьянами (да она, по сути, уже такой и была, еще и в соображениях административных) — и от крепостных и холопей не принимать жалоб на господ. В 1767 во время волжского путешествия Екатерины ее все же достигло сколько-то крестьянских жалоб, она распорядилась «впредь таких не подавать», и, по ее указанию, Сенат приговорил: «чтобы крестьяне и дворовые люди отнюдь не отваживались на помещиков своих бить челом», а дерзнувших — наказывать кнутом. Заводским же крестьянам: «войти в безмолвственное повиновение под страхом наказания».¹⁴ А за польскую границу императрица посылала воинские отряды — силой возвращать убежавших туда крестьян. — Со страниц подробной соловьевской «Истории» — встает перед нами множество картин лихоимства на местах. Депутаты, собранные Екатериной, заявляли: «Кто кого сможет, тот того и разоряет». — Но вникала ли во все то Екатерина? Ее окружала неумеренная лесть и ложь, приятно загораживая от нее суровое бытие народа. — Наш славный поэт Державин, служивший на крупных государственных постах при трех императорах и близко наблюдавший придворную жизнь, пишет: «Душа Екатерины более занята была военной славою и замыслами политическими... Управляла государством или правосудием более по политике и своим видам, нежели по святой правде... Царствовала политически, наблюдая свои выгоды или поблажая вельможам».¹⁵

Тем более ожесточилась она от бунта Пугачева (1773-74). В ответ на пушкинскую формулу (мимоходом сказанную, но с тех пор безудержно затрепанную повторителями и особенно образованщиной наших дней) «русский бунт, бессмысленный и беспощадный», И. Солоневич¹⁶ справедливо спрашивает встречно: а почему уж такой «бессмысленный»? через 11 лет после

¹⁴ С. Соловьев, кн. XIV, сс. 54-56.

¹⁵ Сочинения Г.Р. Державина, с объяснительными примечаниями Я. Грота, 2-е Академическое изд., СПб, 1878, т. VII, сс. 627-632.

¹⁶ И. Солоневич, ук. соч.

указа о дворянских вольностях (воистину бессмысленного государственно) и при крепнущем екатерининском гнете — неужели не было причины к восстанию? А вот из манифеста Пугачева: «ловить [дворян], казнить и вешать, и поступать равным образом так, как они, не имея в себе христианства, чинили со своими крестьянами... по истреблении которых противников и злодеев дворян всякий может восчувствовать тишину, спокойную жизнь, кои и до века продолжаться будут». Верил ли сам так Пугачев? — «волю» он представлял как коллективное своеволие большинства, понятия не имея об организованной, устроенной свободе (С. Левицкий). А «не имея в себе христианства» — ведь верно! При том характерно, что и в пугачевском бунте, как и во всех бунтах Смуты, народные массы никогда не стремились к безвластию, а увлекались обманом (как и от декабристов потом), что действуют в пользу законного государя. Не оттого ли Пугачев свободно брал города, даже Саратов, Самару (встречавшую его с колоколами), примыкали к нему иргизские старообрядцы. (Кстати, Державин же, служивший в районе бунта, в ходе его отмечает надменность, глупость и коварство вельмож, давивших восстание Пугачева.)

Зато, чувствуя себя передовой европейкой, Екатерина тем более остро была заинтересована в проблемах европейских. Еще не укрепленной на троне, ей пришлось принять позорный мир Петра III с Пруссией, но тут же вслед (1764) она вошла с нею и в союз, совсем невыгодный для России, и подчинила себя политике Фридриха. Вместе с ним стали сажать на польский трон Понятовского (бесцельные усилия; как находит Ключевский, по свойствам польской конституции дружественный нам польский король был бесполезен, враждебный безвреден; а Понятовский, едва избравшись, стал изменять покровителям и дружить с французским королем). — Никита Панин многие годы увлекал Екатерину в бесплодный проект «Северного союза», выгодно только для Англии (он и не состоялся, да от Англии, Швеции, Дании нам никакая помощь и прийти не могла. Англия же не стеснялась, 1775, потребовать от

России 20-тысячного корпуса в Канаду; Екатерина, все-таки, отказала.)

В отношении Польши разумна была забота Екатерины, чтобы православные люди там «пришли бы в законное положение по правам и справедливости», чего были вовсе лишены, их принудительно ополячивали, (полное упущение Петра I, он этим не занимался, да и Елизавета), хотя в ослабленной своими беспорядками Польше XVIII века Россия имела большое влияние. И Екатерина добилась некоторого заступничества за православных, хотя и опасалась: добиться больших прав — усилятся побеги русских людей туда. (В виде реакции на уступки, данные в Польше, польские чиновники и униатское духовенство стали разнузданно преследовать православных на Украине, что привело к ужасному восстанию «гайдамаков», 1768, со многими жестокими жертвами. Клич был — «за веру!» а прикрывался и он тенью монарха — поддельным приказом Екатерины.) — Наличие русских войсковых отрядов в Польше, местами столкновения с отрядами «конфедератов» вели к напряжению в Турции, тогда соседствовавшей с Польшей. А нападение одного гайдамацкого отряда на татарский поселок под Балтой послужило и прямым поводом: в сентябре 1768 Турция (еще и всячески подталкиваемая Англией и Францией) объявила России войну (и застала ее не готовой). — И вскоре хан Крым-Гирей с 70-тысячным войском грабил и жег Елизаветградскую губернию (последнее татарское нашествие в русской истории, 1769). В Польше же нападение Турции на Россию было воспринято с огромным подъемом, а последствие — уступка в пользу Турции Киевской области с крестьянами православной веры.

И тут Екатерина совершила важные дипломатические ошибки: она рассчитывала, что Пруссия — союзник, что Австрия перед лицом мусульманской Турции окажет благоприятствование христианской России, и взяла целью не просто пробиваться к Черному морю, что только и было для России жизненно необходимо, но схватилась «поджигать Турцию с четырех сторон», замыслила неисполнимый «греческий проект»: восста-

новить византийскую империю на развалинах турецкой (кстати, и Вольтер давал ей такой совет; на византийский трон уже намечала посадить внука, Константина Павловича), посылала в Грецию эскадры в обгиб всей Европы и посылала агентов-возмутителей к балканским христианам. Химерический этот план и близко не мог быть выполнен, и греков на то собрать и поднять было невозможно — но, вот, впервые Европе замаячила грозная тень вмешательства России в дела Балкан.

Увы, эта ложная, дутая и заклятая идея погоняла и русских правителей, и потом русское общество весь XIX век и естественно настраивала против нас всю Европу, а более всего — соседнюю с Балканами Австрию, и так — в упор до 1-й Мировой войны.

Ход военных действий был весьма успешен для России: был взят Азов, Таганрог, к осени 1769 и Бухарест, в 1770 Измаил, одержаны крупные победы под Фокшанами, на реке Кагул, в Чесменском морском бою, даже взят с моря Бейрут; летом 1771 русские войска и в Крыму, взята Керчь. Но при непрерывных русских успехах никак не достигался результат. Русские победы были подорваны дипломатически — в который раз европейская дипломатия оказывалась для российской дипломатии непредсказуемой или неразгаданной. «Союзник» России Фридрих, не забывший жестокого урока Семилетней войны, теперь искал, как сорвать выгодный для России мир. Русско-турецкая война сильно сблизила Пруссию с Австрией. Австрия не хотела мириться с независимостью Молдавии и Валахии (чего хотела Россия ради ослабления Турции: отделить ее по суше от татар), но охотно намечала их для себя; в случае успешного русского продвижения к Константинополю готовилась нанести удар в спину (ситуация, которая повторится и в XIX веке). — Тем временем Россия испытывала истощение средств. Кроме того в турецких областях русские войска заражались чумою, чума перекинулась и в Москву, где принесла большие опустошения, из-за того что жители не понимали и пренебрегали карантинными требованиями. — Начались с Турцией мирные переговоры в 1772, а мира все не было (Турция

колебалась), он был заключен (Кучук-Кайнарджийский) лишь в 1774, когда заступил новый султан, а выдвигавшийся Суворов одержал новые победы. По миру крымские татары сохраняли независимость, но оставались под признанным духовным подчинением Турции. Россия получала степь — сперва до Днестра, потом лишь до Буга, берега Азовского моря, Тамань и Керчь; Молдавия, Валахия и Забужье оставались Турции. А еще Россия получала право покровительства православной вере по всей Оттоманской империи. (Это понималось тогда искренно в религиозном смысле — но уже отбрасывало на будущее грозную политическую тень. Европейские державы, из которых когда-то ходили в Малую Азию крестовые походы, отныне взялись дружно охранять Турцию от христианской России.) — Но еще и этим война, по сути, не кончилась, Турция, чувствуя поддержку Европы, колебалась выполнять договор — и к 1779 Россия уступила еще: ушла из Тамани и из Крыма.

Тем временем сметливый Фридрих сообразил, что на фоне кровеобильной русско-турецкой войны очень удобно разделить Польшу. (Этот замысел был у него и раньше. К чести Марии Терезии надо отметить, что она находила раздел противоречащим христианской совести и долго спорила со своим наследным сыном Иосифом. Потом «венский двор, для уменьшения несправедливости раздела, счел своей обязанностью принять в нем участие».) Впрочем, Австрия же получила и наибольший кусок Польши, а еще и кусок северной Буковины от Турции (которая тоже была бы не прочь принять участие в разделе). «Червонная Русь» (Галиция и Закарпатье), наследие Киевской Руси, перешло тоже к Австрии. Россия по тому 1-му разделу (1772) вернула себе родную Белоруссию, а Фридрих — взял собственно польскую землю. Однако, укороченное польское государство еще сохранилось тогда.

В 1789-90 годах произошла еще одна война с Турцией; Россия состояла снова в неверном союзе с Австрией, та снова заключила перемирие неожиданно для России. Тут русские войска снова одержали крупные

победы — все под тем же недающимся Очаковым, Бендерами, Аккерманом и особенно — решающее взятие Измаила Суворовым. И по мере развития этих побед Россия снова ощутила, что европейские державы не допустят ее воспользоваться их плодами. Англия заявила, что не допустит изменения турецких границ (это когда турки стояли на Буге и нижнем Днепре!). Пруссия заключила с Турцией тайный договор в подготовке к войне. Державы собрали конгресс (Райхенбах, 1790), который только один и брался выработать русско-турецкий мир. (В том деле брались помогать и Голландия, Испания, Сицилия.) Но тут, парадоксально, вмешалась Французская революция: она перепугала всю Европу и, между тем, дала возможность России в 1791 заключить победоносный мир в Яссах. (Ключевский пишет, что этим и должна была кончиться еще предыдущая турецкая война, если бы не вмешательство Европы.)

Тем самым, Россия получила выход на свои естественные южные рубежи: к Черному морю, включая Крым, и на Днестр. (Как и достигнуты уже были и Ледовитый океан, и Тихий.) И надо было понять, что на этом отныне и остановиться — после четырех русско-турецких войн XVIII века. Увы, Россия и в следующем веке вела еще четыре войны с Турцией, уже не оправданных национальным смыслом и государственными интересами.

За протуберанцами той же Французской революции произошли еще два раздела ослабевшей Польши (1792 и 1795). Россия получила Волынь, Подолию, западную часть Белоруссии (чем, кроме Галиции, оканчивалось объединение восточных славян или, как тогда понимали — *русского племени*, наследие Киевской Руси). «Россия не присвоила ничего исконно польского, отобрала свои старинные земли, да часть Литвы».¹⁷ Пруссия же взяла чисто-польские области, включая Варшаву.

Кауниц и тут отметил, что Екатерина была увлечена иметь влияние на Западе и манией заниматься чужими делами. (Сюда может быть отнесен и «сумбурнейший», по оценке Ключевского, договор с Австрией в 1782: из

¹⁷ В. Ключевский, ук. соч., т. 5, с. 60.

Молдавии, Валахии и Бессарабии создавать несуществующую «Дакию», Сербию и Боснию отдать Австрии, а Морею, Крит и Кипр — Венеции.) Державин пишет, что она «под конец жизни ни о чем другом не думала, как о завоевании новых царств». Вмешательство ее во франко-австрийский конфликт было идеей не только бесплодной, но вредной. Екатерина провела шесть войн (одно из самых кровопролитных наших царствований) и перед смертью готовилась к седьмой — против революционной Франции.

Эту войну несчастным образом перенял Павел. И героические походы Суворова по Италии и по Швейцарии, так восхищающие нас (и швейцарцев тоже, по сей день) — были ведь *абсолютно не нужны* России, только потеря русской крови, сил и средств. Как — и обратный затем рывок: в союзе с Наполеоном воевать против Англии, бредовая посылка донских казаков в Индию (на что истратили, свидетельствует Державин, 6 миллионов рублей¹⁸; и есть более чем основательное подозрение, что заговор по устранению Павла питался из Англии).

О коротком царствовании Павла и о самой личности его существуют оценки противоречивые. Ключевский называет его «антидворянским царем», проф. Трефилов пишет, что Павел «близко принимал к сердцу нужды крепостного крестьянства». И правда, как не оценить, что в день своей коронации (1797) он ограничил барщину тремя днями в неделю и распорядился о «непринуждении к работе в воскресенье», а в 1798 запретил продажу крепостных без земли — это был важный перелом в крепостном праве, с роста на убыль. Он отменил и указ Екатерины, запрещающий крестьянам подавать челобитные на своих господ и ввел ящики для жалоб. — А близкий свидетель Державин (не без личной обиды на Павла) пишет о его взбалмошности, часто невникании в дело (на спорных проектах с двумя мнениями — резолюция «быть по сему»); что при Павле прежние учреждения Петра и Екатерины коверкались без нужды, и «по наветам многие подверглись несча-

¹⁸ Державин, ук. соч., т. VII, с. 718.

стям»; что при восшествии на престол и коронации Павел раздавал «скоровременно и безрассудно, кому ни попало, дворцовых казенных крестьян» и отнимал у них лучшие казенные земли, «даже из-под пашен и огородов». В окружении Павла, пишет он, «никто ни о чем касательно общего блага отечества, кроме своих собственных польз и роскоши, не пекся». (Но в этом мы можем укорить вельмож разных стран и времен, и не только монархических, а и раздемократических, до самых новейших.)

Кончая XVIII век, как не поразиться цепи ошибок наших правителей, их направленностью не на то, что существенно для народной жизни. А ведь и Ломоносов предупреждал: «Против Западной Европы у нас может быть только одна война — оборонительная». Уже к концу XVII народ нуждался в длительном отдыхе — но и весь XVIII мотали его. Теперь уж, кажется, все внешние национальные задачи были выполнены? — так остановиться и целиком обратиться бы ко внутреннему устройству? Нет! и на этом далеко не кончились внешние простягания российских правителей. — Кажется бы, словами С. Соловьева, обширность российского государства «не только не давала развития в русском народе... желанию чужого» — в народе-то да, а в правителях? — но «нежелание чужого могло перейти в невнимание к своему»¹⁹ — и переходило же... — Близкое к тому наблюдение сделал Д.С. Пасманик: благодаря своим просторам русский народ легко развивался в горизонтальном направлении, но по той же причине не рос в вертикальном; «буйные головы» и «критические личности» уходили в казачество (тогда как в Западной Европе плотнились в городах и строили культуру); русские правители испытывали зуд колонизации, а не упорство концентрации.

К горю нашему, и в XIX веке это еще долго шло так же. И наши XVIII-XIX века и по смыслу слились в единый *петербургский период*.

Современники и историки сходятся в оценке характера Александра I: романтически мечтателен, любил

¹⁹ С. Соловьева, кн. XIII, с. 438.

«красивые идеи», затем уставал от них, «преждевременно утомленная воля», непоследователен, нерешителен, неуверен, многолик. Под влиянием своего воспитателя Лагарпа, швейцарского революционера, придавал «преувеличенное значение формам правления» (Ключевский), охотно обдумывал и соучаствовал в разработке либеральной конституции для России — для общества, половина которого состояла в рабстве, затем и подарил конституцию Царству Польскому, на столетие опережая Россию. Освободил священников от телесных наказаний (еще чудовищно сохранявшихся!), разрешил крестьянам вступать в брак вне воли помещика, и неопределенно склонился их освобождать, но вовсе без земли (как, впрочем, и декабристы), однако и не сделал ничего, кроме (1803) «закона о вольных хлебопашцах» — освобождении при добровольном согласии помещика, да запрета новой раздачи казенных крестьян помещикам. Безволие проявил Александр и к деятельности тайных обществ, смолоду и сам соучастник рокового заговора. «Охудая без разбора правление императора Павла, зачали без разбора все коверкать, что им сделано», — пишет Державин, — окружающие царя «были набиты конституционным французским и польским духом», между тем «попущением молодого дворянства в праздность, негу и своевольство подкапывались враги отечества под главную защиту государства». К 1812, свидетельствует он, высшие сановники «привели государство в бедственное состояние». ²⁰ При Александре I бюрократия развивалась все дальше.

Да, Западная Европа в эти годы шаталась и ломалась, Наполеон крушил и создавал государства — но это не относилось к России с ее сторонним расположением, с ее пространствами, пугающими всякого завоевателя, и населением, так нуждающимся в покое и разумной заботливой администрации. **З а ч е м** надо было нам вмешиваться в европейские дела? Но Александр I ушел именно в них, забыв о русских (в захваченности западными идеями он сильно походил на Екатерину). — Французские историки пишут так:

²⁰ Державин, ук. соч., т. VII, сс. 723-753.

Александр I был окружен проанглийскими советниками и начал ненужную войну против Наполеона, навязанную Англией: коалиция с Австрией (1805) и с Пруссией (1806). Сколько потерь мы отдали этим ненужным битвам, ту «отчаянную храбрость русских солдат, о которой французы не имели представления». Теперь Александр I не мог простить Наполеону Аустерлица и набирал новые войска против Франции. Грозил война с Турцией и Персией — нет, Александр готовился к долгой кампании: отбрасывать Наполеона за Рейн. Тут агент Наполеона склонил султана объявить войну царю.²¹

Тогда, обидясь на Англию за ее безучастность, Александр кинулся в дружбу с Наполеоном — Тильзитский мир (1807). Нельзя не признать этот шаг невыгоднейшим в то время для России — и держаться бы этой линии нейтрально-благоприятственных отношений, презрев ворчание петербургских высших салонов (впрочем, способных и на новый про-английский заговор) и помещиков, лишившихся вывоза хлеба из-за континентальной блокады (больше бы оставалось для России). — Но и тут Александр совсем не хотел оставаться бездейственным. Нет, Тильзитского мира и начавшейся турецкой войны Александру было мало: в том же 1807 он объявил войну Англии; Наполеон «предлагал Финляндию» взять от Швеции — и Александр вступил (1808) в Финляндию, и отобрал ее у Швеции — а з а ч е м ? еще один нестерпимый груз на русские плечи. И перемирия с Турцией он не хотел ценой вывода войск из Молдавии и Валахии, снова русские войска в Бухаресте. (Наполеон «предлагал» России и Молдавию-Валахию, да впрочем и Турцию разделить совместно с Францией, открыть путь Наполеону на Индию), а после переворота в Константинополе еще ярее рвался наступать на Турцию. — Но без этих всех разгарных захватов — отчего было не держаться столь выгодного России Тильзитского мира, остаться в покое от европейской свалки и укрепляться и здороветь внутренне? Как бы ни расширялся Наполеон в Европе

²¹ История XIX века, под ред. Лависса и Рамбо, ОГИЗ, М., 1938, т. 1, сс. 125-140.

(впрочем, завяз в Испании), он не замахивался на Россию (только что втягивал в досадные активные союзы), до самого 1811 он пытался избежать столкновения с Россией. *Отечественной войны могло и не быть!* — всей ее славы, но и всех ее жертв — если бы не ошибки Александра. (Из турецкой войны, не погашённой в 1809 из-за того, что Александр требовал независимости Сербии — уже зажглась панславистская идея! — мы почти чудом, усилиями Кутузова, вытащились уже в 1812, за месяц до нашествия Наполеона, а персидская — так и еще тянулась год...)

Но вот, с величайшим напряжением и с сожженной Москвой (мало известно, что в московских госпиталях сгорело 15 тыс. русских, раненных под Бородиным²²), мы выиграли Отечественную войну. Так — остаться бы на своих границах (такие голоса и раздавались среди генералов)? Нет, Россия должна помочь навести порядок в Европе (и создать на будущее против себя две мощных империи — Австрийскую и Германскую). После люценского сражения «Александру отдельным договором можно было всего добиться от Наполеона», но «в идее этой самому себе навязанной миссии всесветного умиротворения потонула мысль о русских интересах» и «мы уложили на полях Люцена и Бауцена, Дрездена, Лейпцига и пр. целую армию, задолжали сотни миллионов, уронили рубль... даже до 25 коп. серебром, затруднили свое развитие на десятки лет».²³ (И еще в «Сто дней» великодушно послали 225 тыс. солдат, теперь Александр, во гневе, готов был вести войну «до последнего солдата и до последнего рубля».) — Гнал ли Александр русские войска в Париж по соображениям монархическим, ради восстановления Бурбонов? — нет, он до последнего момента в этом колебался (это устроил Талейран), и вынуждал Бурбонов присягать конституции²⁴, сообщил либеральные настроения и Людовику XVIII. Искал ли он территориального вознаграждения для России после столь кровопролитной и

²² Лависс, Рамбо, ук. соч., т. 2, с. 269.

²³ В. Ключевский, т. 5, сс. 454-455.

²⁴ Лависс, Рамбо, т. 2, сс. 351-353.

победоносной войны? Нет, он не поставил в 1813 Австрии и Пруссии никаких предварительных условий своей помощи. Единственно разумное, что он мог сделать, — это вернуть к русским владениям Галицию, закончив бы объединение восточных славян (и от каких бы разрушительных проблем он избавил бы нашу историю на будущее!). Австрия не держалась тогда особо за Галицию, она больше нуждалась вернуть Силезию, присоединить Белград, Молдавию-Валахию, простеревшись от Адриатического до Черного моря. Но Александр не использовал возможность, столь реальную для России в той ситуации. Нет, неискоренимо зараженный «красивыми идеями» и на примере той же Австрии не видя, какой вред для ведущей в государстве нации создавать многонациональную империю, — он потребовал присоединить к России центральную часть разделяемой Польши — герцогство Варшавское, с тем, чтоб осчастливить его добавкою русских губерний в «Царство Польское», своей личной милостивой опекой и передовой конституцией; и получил для России на столетие еще один отравленный дар, еще одно гнездо восстаний, еще одно бремя на русские плечи, и еще одну причину польской неприязни к России.

А войны с Персией имели уже долгую историю и главный смысл их был — оборона Грузии, это началось еще с Бориса Годунова, которому просился под руку грузинский царь Александр. По религиозным понятиям мнилось необходимым и естественным — помогать христианскому народу, защемленному по ту сторону Кавказского хребта, — интересы русского народа и русского государства и тут отодвигались на второй план. В 1783 с той же мольбой обратился грузинский царь Ираклий. В последний свой год Екатерина отправляла 43-тысячную армию в Азербайджан, Павел отозвал ее обратно. При Александре военные действия возобновились, был завоеван Дагестан — *для какой русской надобности?* для плаванья по Каспийскому запертому морю? До Тильзита и Наполеон подталкивал персидского шаха на вторжение в Грузию, после Тильзита

уже не он, но Англия. По миру 1813 за Россией были признаны и вся Грузия и Дагестан — опасное влезание во все новые и ненужные для России капканы.

Во 2-й половине своего царствования Александр I впал в консерватизм. Душа Священного Союза, он доходил до того, что в 1817 настаивал удовлетворить просьбу испанского короля — слать войска на подавление восставших южно-американских колоний, — вот куда еще не успели русские войска! (Отговорил Меттерних.) В 1822 Александр горячо предлагал давить революцию в самой Испании. Но восстание христиан (греков) против турок готов был поддерживать и русскими силами, вел переговоры с Англией о совместных действиях — и тут пришло то, что называется его кончиной.

Николай I считал, что он прежде всего *русский* государь и русские интересы ставил выше общих интересов европейских монархов, поэтому от Священного Союза он отдалялся. Но, непреклонный враг революций, он не выдержал: в 1830 был готов и уже сговаривал германских монархов — совместно давить июльскую революцию во Франции, затем и в Бельгии (тут помешало польское восстание); также и в 1848 предлагал прусскому королю русские войска для подавления берлинской революции; в 1848-49 послал-таки обильные русские войска для чуждой нам и вредной задачи: спасти Габсбургов от венгерской революции. И еще раз поддержал Габсбургов, против Пруссии (1850), — с какой пользой для России? объяснить невозможно; если писать и еще о многих подробностях, то наше постоянное вызволение Австрии выглядит еще нелепее. (И в благодарность Николай получил от Австрии удар в спину в Крымскую войну.) И в 1848 же Николай послал войска в Молдавию-Валахию давить и тамошние волнения — да совместно с Турцией — это против христианского населения... До всего чужого было нам дело. Русская дипломатия и в долгий век Нессельроде оставалась бездарной, недалевидной и не в интересах собственно России.

Сквозное настойчивое зложелательство к Николаю I всего российского либерального общества через весь

XIX век (увы, не миновал и Толстого) и еще многократно раскачанное при большевиках — истекает главным образом из того, что Николай подавил восстание декабристов (без затруднения довели на него и смерть Пушкина). Теперь уже никого не тревожит, что некоторые черты декабристских программ обещали России революционную тиранию, иные декабристы на следствии настаивали, что свобода может быть только на трупах. (Не пропустим и такие детали. Николай выходил из Зимнего к возбужденной толпе, в него стреляли, и в брата Михаила, убили ген. Милорадовича — Николай все еще не отдавал приказа к разгонным выстрелам. Казалось бы нам, с советским опытом, следовало бы оценить: в с е нижние чины были прощены через 4 дня; при допросах 121 арестованного офицера не было никакого давления и искажения; из приговоренных судом к смерти 36 Николай помиловал 31. А в день казни пятерых был оглашен манифест о родственниках всех осужденных: «Союз родства передает потомству славу деяний, предками стяжѐнную, но не омрачает бесчестьем за личные пороки или преступления. Да не дерзнет никто вменять их по родству кому-либо в укоризну». (В наш бы советский век — так.) Когда же польский сейм на основании *своего* закона помиловал декабристов-поляков, то разгневанный Николай, уважая закон, утвердил.)

Со стороны, французские историки XIX века пишут о Николае: «Прилежен, точен, трудолюбив... бережлив»²⁵ (последнего качества очень не хватало нашим императорам после Петра и включая Екатерину). От многих своих предшественников он как раз отличался настойчивым поиском государственного смысла и сознанием русских интересов. Но многолетняя безкрайняя власть над необозримой империей укрепляла в нем повышенную оценку возможностей своей *воли* — и это еще было огрублено его негибкой прямолинейностью. Они и привели к бедам конца его царствования.

Тем временем крепостное право, от Петра III уже 7-й десяток лет как потерявшее всякий государственный

²⁵ Лависс, Рамбо, т. 3, с. 163.

смысл, развилось, отмечает Ключевский, до жестоких и неумных пределов, затормозило и развитие сельского хозяйства как такового и производительность всей страны, затормозило и общественное и умственное развитие. «Новый император с начала царствования имел смелость приступить и к крестьянскому вопросу», «мысль об освобождении крестьян занимала императора в первые годы его царствования», но «обдумыва[лись] перемены осторожно и молчаливо», «тайно от общества» (собственно — в опасении сильного дворянского сопротивления). Да «трудные сами по себе, поодиночке, эти реформы своей совокупностью образовывали переворот, едва ли посильный для какого-либо поколения». Император замылся от предупреждений окружающих. Но и «реформа слишком замедленная теряет много условий своего успеха». Николай «внимательно высматривал людей, которые могли бы совершить это важное дело» — и остановился на графе П.Д. Киселеве — «лучшем администраторе того времени».²⁶ Киселев (а он собрал самых просвещенных сотрудников) получил заведывание государственными крестьянами, которых насчитывалось 17–18 млн. (при 25 млн. частных крепостных и общем населении страны 52 млн); он получил право выкупать крестьян у помещиков, а также отбирать за жестокое обращение — и энергично занялся делом. Тому следовали: запрещение продавать крестьян в розницу (1841), запрещение приобретать крестьян дворянам безземельным (1843) и еще другие законы в облегчение крестьянской участи — в выкупе, и в приобретении недвижимой собственности (1842, 1847). «Совокупность этих законов... должна была коренным образом изменить взгляд» на крепостных: «что крепостной человек не простая собственность частного лица, а прежде всего подданный государства», и что «личная свобода приобретается» крестьянином даром, без выкупа».²⁷

Нет, заклятое наше крепостное право, с которым так уютно смирилось дворянство в своих поэтичных

²⁶ В. Ключевский, т. 5, сс. 273, 275, 460–461.

²⁷ Там же, сс. 272, 278–279.

поместьях, да в которое уже душевно вросли и миллионы крестьян, — тяготело над Россией и еще полтора десятка лет.

Продолжая попытки Александра I поддержать восставших против Турции греков, Николай I, вскоре после своего воцарения, в 1826, послал ультимативную ноту Турции, и держал этот тон, несмотря и на начавшуюся (в тот же 1826) войну с Персией, добился (по Аккерманскому договору, 1826) дальнейшего закрепления русских прав, и русской торговли в турецких портах, и обещаний для Сербии (наша «балканская идея» укреплялась... Ко многим промахам вела Николая I его неоглядчивость). После того что Англия и Франция содействовали России в 1827 (бой в Наваринской бухте) — и они, и вся Европа прислушались к возвысу султана, что «Россия — вечный, неукротимый враг мусульманства, замышляющий разрушить Оттоманскую империю» (весьма и ослабленную в 1826 уничтожением корпуса янычар). И русскому императору трезво было бы — остановиться. Но, под маловажными предлогами и все более настраивая против себя Европу заявлением «русских интересов» в Молдавии, Валахии и Сербии, Николай начал в 1828 войну с Турцией. Она имела большой успех на кавказском побережье (от Анапы до Поти), в Закавказьи (Ахалцых, Карс, Эрзерум и почти до Трапезунда, уже на коренной турецкой территории), однако на Балканах неудачная (смотровые качества наших войск перевешивали боевые, по бедности России не было нарезных ружей, слабая разведка, хотя Мольтке-старший в анализе этой войны весьма хвалит все выносящего русского солдата). Правда, в 1829 уже прошли Болгарию (где, к славянскому нашему удивлению, встретили вовсе не дружественное отношение болгар), взяли Адрианополь (Турция была сотрясена), — но на том выдохлись. Добились — независимости Греции и вассального (от Турции) статуса Сербии, опять чужие интересы, для России — свободный проход судов через Босфор. В этой турецкой войне (6-й по счету!) Россия достигла наибольшего внешнего успеха, но для самой себя ей и нечего было больше реализовать.

Более того: через 4 года Николай уже взялся с пасть Турцию от успешно восставшего египетского паши: русский флот поспешил в Константинополь на выручку султану. Тоже русские интересы...

А персидской войной между тем освободили Армению.

А ответственность за Грузию и Армению вынуждала Россию на новую долгую — 60-летнюю! со многими потерями — войну: покорение Кавказа. Если бы Россия вовсе не касалась чуждого нам Закавказья — покорение Кавказа тоже не было бы необходимою: лишь держать в северных предгорьях перед Кавказским Хребтом сильную оборонительную казачью линию от постоянных разбойных набегов горцев, вот и все: Кавказ не был единым государством, но многочислием разноречивых племен, и сам по себе не представлял для России государственной опасности, а особенно после ослабления Турции. (Да был момент — Николай уже готов был признать государство Шамиля — так Шамиль, кавказский характер, заявил, что дойдет до Москвы и Петербурга.) Однако и в XIX веке мы продолжали и продолжали платить и платить по чужим счетам... И расходы на содержание Кавказа и Закавказья — и до самой революции превышали доходы от него: Российская империя платила за счастье иметь эти территории. И, отметим, нигде «не ломала чужих обычаев» (Ключевский).

Сходная проблема была и с Хивой и Бухарой, регулярно нападавшими еще в 30-40е годы на южные границы России: далеко в глуби пустынь два сильных государства, содержавшие рабами многих пленников, в том числе и русских, доставляемых им набегами туркмен и «киргизов» (казахов), доходивших и до Нижней Волги. Эгих уведенных продавали в Хиве и Бухаре на невольничьих рынках.²⁸ Надо было либо учреждать от тех набегов крепкую оборонительную линию, либо — начинать завоевание. (Да ведь маячил и путь в Индию? но и столкновение с Англией?) В 1839-40 и был совершен завоевательный поход Перовского — через пустыни, на тысячу верст, — но неудачный.

²⁸ Лависс, Рамбо, т. 4, сс. 373-376.

В 1831, а затем в 1863, Россия дважды заплатила за мечтательно-вздорную затею Александра I держать под своим «попечительством» — Польшу. Насколько надо было не чувствовать времени, века, чтобы столь развитой, культурный и интенсивный народ, как польский, держать при Империи в подчиненной роли! (Оба эти польские восстания вызвали большое сочувствие в Западной Европе и отдались России новой враждебностью и изоляцией.)

Десятилетиями бестолково металась несельеродовская дипломатия Николая: то (1833) соглашение с Австрией и Пруссией о борьбе против революционного движения; то (1833) оборонительный союз с Турцией, защищать ее от всякой внутренней и внешней опасности (раздражение западных держав, первый толчок к будущей Крымской войне); то (1840) тайное соглашение с Англией: Россия относительно Турции будет действовать лишь по полномочию Европы (зачем эти пути обязательств?); то (1841) Россия отказывается гарантировать перед западными державами целость и независимость Оттоманской империи; то (1851) Россия горячо вмешалась в поверхностный спор между католиками и православными о приоритете в святых местах в Палестине (отягченный и личной ссорой Николая I с Наполеоном III), быстро переходивший во всеевропейское политическое столкновение. — Английскому послу Николай открылся: «Турция — больной человек», может внезапно умереть; в случае раздела Турции пусть Англия возьмет Египет и Крит, а Молдавия, Валахия, Сербия и Болгария найдут себе независимость под покровительством России — не в составе ее, ибо и без того обширную Российскую империю было бы опасно еще расширять. (Это — он понимал, но пан-православная и пан-славистская идеи гибельно толкали его на расширение в другой форме.) А русский посол в Константинополе требовал: решить вопрос о святых местах и предоставить России протекторат над всем православным населением Оттоманской империи. Когда же английский посол в Константинополе стал искусно улаживать вопрос о святых местах, к общему удовлетворению, —

русский посол потребовал «в 5-дневный срок нерушимых гарантий» о защите православных, а вслед покинул Константинополь с угрозами.

Русское правительство явно не понимало, что от возвышения России над Европой после победы 1814 г. — Англия стала врагом России на столетие. Теперь — Россия восстанавливала против себя всю Европу. Между тем, свободный проход через проливы Турция гарантировала нам еще с 1829 — чего еще? (А в случае европейской войны — кто угодно закупорит Дарданеллы снаружи.) Но уже полвека как выйдя к Черному морю, Россия так и не построила там сильного современного (хотя бы частично винтового) флота, только парусные суда. (Не говоря уже, что мы не умели освоить черноморское побережье сельскохозяйственно, не хватало культуры. Да по всей российской обширности звали, стонали нерешённые запутанные или неначатые внутренние дела.) Николай I и не осознавал степени технической и тактической отсталости нашей армии: ни рассыпного строя, ни окопной подготовки, кавалерия приучена к манежной езде, а не к атакам. И пренебрег уже тогдашней обозленностью русского общества против его администрации (так что впервые зазяло желание поражения своему правительству). Но он — не сомневался в поддержке от Австрии и Пруссии... (Между тем: Австрии грозил русский охват уже с третьей стороны; Англия была дополнительно встревожена утверждением России на Сыр-Дарье; Наполеон III искал проявить себя как новоявленный император; Виктор-Эммануил II — возвысить Сардинию среди европейских держав; в Турции — патриотический подъем, Египет и Тунис поддерживают его; и Пруссия фактически присоединилась к требованиям коалиции.) А Николай I рвался шеей в петлю, какова ж была эта надменная самоуверенность! Он отклонил несколько предложений переговоров. (А ведь уже по 1790 году должен был усвоить эту опаснейшую конфигурацию всех европейских держав против России.)

Ход войны известен. После крупной русской морской победы под Синопом над турками англо-французский

флот вошел в Черное море. Мы и не пытались помешать высадке союзников у Евпатории (хотя ее уже предсказывала английская пресса) и, еще до осады Севастополя (не укрепленного с суши), не использовали своего огромного превосходства в кавалерии и значительного в числе штыков, маршировали батальонными колоннами под сильным стрелковым огнем французов. (Впрочем, вот французская оценка русского «противника, одаренного редчайшими военными качествами, бесстрашного, упорного, не впадавшего в уныние, напротив, после каждого поражения бросавшегося в бой с новой энергией».²⁹) Австрийская угроза заставила русское командование очистить все свои завоевания на Балканах, и Валахию-Молдавию. Севастополь самоукрепился (Тотлебен) и выдержал 11 месяцев осады, до августа 1855.

Но на полгода раньше того, в феврале 1855 умер (не без загадочности) Николай I. Смена царствования — всегда поворот политики, крутая смена советников, и Александр II после бесполового боя у Черной речки (где наши потери были вчетверо больше) стал поддаваться расслабляющим советам о капитуляции.

Из нашей исторической дали ясно: самоуверенным безумием было — Крымскую войну начинать. Но после двух лет войны, и такой стойкости Севастополя и стольких уложенных жертв — следовало ли так расслабиться? Гарнизон Севастополя в полном порядке занял сильно укрепленную Северную сторону; он численно уступал союзникам, но был грозно закален стоянием в долгой осаде. Крымская армия не имела недостатка ни в боеприпасах, ни в провианте (ежедневно солдату — фунт мяса), и не была отрезана от массива русской территории, и могла перенести вторую зимнюю кампанию. Не было из России хороших дорог, — но это еще более отяжело бы союзникам задачу наступать по бездорожью (при том, что их морские коммуникации уже растянулись на 4000 км). К тому же «по соображениям национального самолюбия за все время войны у союзных войск не было общего командования, три

²⁹ Лависс, Рамбо, т. 5, с. 212.

армии имели три отдельных генеральных штаба», которые согласовывали, как дипломаты, каждую операцию. К тому же «англичане, привыкшие к большому комфорту, оказались совершенно неподготовленными к суровому климату и потеряли предприимчивость и бодрость... смертность царила среди них ужасающая: из 53 000, прибывших из Англии, боеспособных оставалось только 12 000»³⁰ — к весне 1855. Австрия, после ухода русских с Балкан, уже не грозила выступить, — да запасные крупные русские армии стояли и на австрийской границе, и в Польше, и на Кавказе, и у Финского залива (а балтийский флот успешно отразил атаки союзного флота). К весне 1856 вооруженные силы России были до 1 млн. 900 тыс., крупней, чем к началу войны. По мнению С. Соловьева (которому, кстати, в 1851 запретили чтение публичных лекций по русской истории): «Страшный мир, какого не заключали русские государи после Прута» (унизительный мир Петра). Соловьев считает: «тут-то и надо было объявить, что война не оканчивается, а только начинается, — чтобы заставить союзников кончить ее».³¹ Борьба за русскую землю (если бы союзники еще оказались способны продвигаться вглубь) могла бы возобновить в русских дух 1812 года, а дух союзников бы падал.

Этот поспешный мир (1856, по которому Россия теряла и право содержать военный флот в Черном море и дунайскую дельту) был худым началом правления Александра II, но и первой победой общественного мнения. (Российские либералы боялись успехов русского оружия: ведь это придаст правительству еще больше силы и самоуверенности; и облегчены были падением Севастополя.) Всё вместе явилось точным и роковым предвозвестием 1904 года. (Впоследствии Александр сказал: «Я сделал подлость, пойдя тогда на мир».³²)

Зато крестьянскую реформу Александр II провел с необычной для себя (при его «опасливой мнительности») энергией, опираясь против дворянского сопроти-

³⁰ Там же, сс. 212, 220.

³¹ «Русский вестник», май 1896.

³² Лависс, Рамбо, т. 5, с. 227, примеч. Е. Тарле.

вления на неограниченность своего самодержавия. С 1857 заработал секретный комитет по крестьянским делам, по началу не имевший ни сведений о положении дела, ни плана: освобождать ли с землей или без земли. Летом 1858 был снят оброк с казенных и удельных крестьян — тем самым они и получили хозяйственную свободу, а личная у них была. В редакционных комиссиях по реформе шли долгие споры, кому земля и сохранять ли крестьянскую общину, работали в большой неопределенности, — наконец Александр потребовал, чтобы манифест был готов к 61 годовщине его восшествия на трон. И решающий шаг — был сделан (1861), но и с несомненными ошибками; как и тридцать лет спустя определил Ключевский, «выступ[или] иные начала жизни. Начала эти мы знаем... но не знаем их последствий».³³ И, действительно, все последствия отдалось нам только в XX веке.

В личной собственности крестьян остались лишь подворные усадьбы (проступает призрак сталинской коллективизации?...). Земля же — частью оставлена у помещиков, по их противлению, частью — передана общинам (по славянофильской вере в них...) Наделение крестьян землей (разное в разных местностях) было и недостаточным, и дорогостоящим: крестьяне должны были заплатить за «дворянскую» (этого как раз — они и не могли принять в сознание) землю — выкупные платежи. Взять этих денег им было неоткуда, до сих пор они за все платили либо своим трудом, либо его продуктами; к тому же эти назначенные платежи местами значительно превышали доходность земли и были непосильны. Теперь для уплаты выкупов государство давало крестьянам *ссуду* ($\frac{4}{5}$ от нужной суммы), с рассрочкой на 49 лет, однако под 6%, — и эти проценты с годами накапливались и добавлялись к податям. (И лишь события начала XX века оборвали накопление тех долгов и счет этих 49 лет.) Местами сохранялись еще временные обязательства за крестьянами по отработке трудом. Во многих местах крестьяне от *освобождения* потеряли права на лес и на выгон. Манифест

³³ В. Ключевский, т. 5, сс. 283-290, 390.

19 февраля одарял личной свободой — но для русского крестьянина владение землей и ее дарами было важнее личной свободы. От Манифеста разлилось в крестьянстве и недоумение, кое-где возникали волнения, ждали следом *другого* манифеста, более щедрого. (Однако западные историки дают, по сравнению, такой комментарий: «Несмотря на все ограничения, русская реформа оказалась бесконечно более щедрой, чем подобная же реформа в соседних странах, Пруссии и Австрии, где крепостным была предоставлена “совершенно голая” свобода, без малейшего клочка земли».³⁴)

Из-за общинного строя реформа оставляла крестьян, по сути, и без полной личной свободы, все крестьянское сословие — в отчуждении от прочих сословий (*не* общий суд, *не* общая законность). Был временно введен институт *мировых посредников* из среды местных дворян, для практического содействия проведению реформы — но этого было мало: реформа не создала еще одного важного административно-попечительного звена, которое бы в ходе немалых лет помогало бы крестьянам совершить трудный психологический поворот от полного изменения жизни и приноровиться к новому образу ее. Мало того, что ошеломленный крестьянин был брошен в *рынок* — у него еще и руки были связаны общиной. На крестьянстве же осталась и главная тяжесть государственных податей, а денег — взять неоткуда, и так попадал крестьянин в руки бессовестного скупщика и ростовщика. — Недаром Достоевский тревожно писал о пореформенной поре: «Мы переживаем самую переходную и самую роковую минуту, может быть, изо всей истории русского народа». (Сегодня мы с еще большим основанием добавим пору нынешнюю.) Он писал: «Реформа 1861 года требовала величайшей осторожности. А встретил народ — отчужденность высших слоев и кабатчика». К тому же: «мрачные нравственные стороны прежнего порядка — рабство, разъединение, цинизм, продажность — усилились. А из хороших нравственных сторон прежнего быта ничего не осталось».

³⁴ Лависс, Рамбо, т. 6, с. 73.

Сильно недооцененный, глубоко искренний Глеб Успенский, пристальный наблюдатель пореформенного крестьянского быта, — представляет нам ту же картину («Власть земли», «Крестьянин и крестьянский труд», 1880е годы). Мысль его: что после 1861 года «нет внимания к массам», «нет организации крестьянской жизни», а хищничество уже так внедрилось в деревню, что, может быть, и поздно исправлять. А неправда административно-бюрократическая — тоже никуда не ушла и само собою давит на крестьянина (вопиющая глава «Узы неправды»). Успенский приводит длинную цитату из Герцена о таинственной силе, сохранившейся в русском народе, которую, однако, Герцен не берется выразить словами. А Успенский берется: это *власть земли*, это она давала нашему народу терпение, кротость, мощь и молодость; отнимите ее у народа — и нет этого народа, нет народного мирозерцания, наступает душевная пустота. 200 лет татарщины, 300 лет крепостничества народ перенес только потому, что сохранял свой земледельческий тип. Это власть земли держала крестьянина в повиновении, развила в нем строгую семейную и общественную дисциплину, сохранила его от тлетворных лжеучений — деспотическая власть «любящей» мужика матери-земли, она же и облегчала этот труд, делая его интересом всей жизни. «Но эта таинственная и чудесная сила не сохранила народ под ударом рубля». (И даже, по честности своего взгляда и вопреки своему революционно-демократическому сознанию и даже партийной принадлежности, Глеб Успенский не удержался высказать: при крепостном праве наше крестьянство было поставлено к земле в более правильное отношение, чем в настоящее время. Земли у помещичьих крестьян было вдвое больше против теперешнего; помещик должен был поддерживать в своих крестьянах все, что делает их земледельцами. Даже и воинская повинность при крепостном праве была верней: в первую очередь шли многосемейные, еще раньше — весь негодный и спившийся народ, так что пролетариата в деревне не было, и он не мешал мужику быть земледельцем. Старая хозяйственная

система была правдивей и по налогам: югатый всегда платил больше бедного. «Наши прародители знали свой народ, хотели ему добра — и дали ему христианство, самое лучшее, до чего дожил человек веками страданий. А теперь — мы роемся в каком-то старом национальном и европейском хламе, в мусорных ямах». Так и — «в основу церковной народной школы было положено: превратить эгоистическое сердце в сердце всескорбящее. Воспитание сердца было настойчивое: учеба тиранская, но касалась не выгоды, не ненужного знания, а проповедывала строгость к себе и ближним».)

А тут грянула эпоха: *удар рубля!* — и соображения *выгоды* и только *выгоды!* И патриархальное крестьянство наше — еще и при всех несправедливостях реформы — не выдержало этой резкой перемены. Многие писатели пореформенной поры оставили нам описания этого душевного стеснения, потерянности, пьянства, лихого озорства, непочтения к старшим. (16.3.1908 пятьдесят членов Государственной Думы, крестьян, единодушно заявили: «Пусть водку берут в города, если им нужно, а в деревнях она окончательно губит нашу молодежь».) Ко всему этому добавлялась униженность православного духовенства падение православной веры. (А у старообрядцев она сохранялась! вот какими мы могли бы быть, если б не реформа Никона; в «Соборьях» Лескова прочтем и о диких способах борьбы со старообрядцами даже в XIX веке.) К 1905 и 1917 все эти качества органически перелились в мятеж и революционность.

К концу XIX века крестьянское население опустилось в труде. Редели доступные леса — и на топливо пошел навоз с соломой в ущерб сельскому хозяйству. (Отмечают историки: и на сельскохозяйственное образование в нашей стране в это время тратилось куда меньше средств, чем на латынь и древнегреческий.) В 1883 подушную подать отменили, не возросли земские сборы. К началу XX века проступил упадок земледельческой деятельности в центральной России (всё — соха, и борона часто деревянная, и веянье от лопаты, и

плохие семена, и трехполье, принудительно сжато общинной черезполосицей, и продукты труда задешево отдаются скупщикам и посредникам, учащались безлошадные хозяйства, накоплялись недоимки). В эти годы и появилось тревожное выражение: «оскудение Центра». (Именно этот термин с большой верностью, хотя и с иным содержанием, применяет С.Ф. Платонов и к периоду перед Смутой XVII века...) Недоделанная александровская земельная реформа потребовала реформы столыпинской, встретившей сплоченное сопротивление правых, кадетов, социалистов и худо работающих частей деревни; а затем и накрытой все тою же Революцией...

Оставшаяся и после реформ опасная сословная разорванность России (сказалась и на неполноте реформы судебной. Для крестьян (когда обе стороны крестьяне) остался низкий волостной суд по деревенским обычаям; выше — мировые судьи для гражданских исков и мелких уголовных дел; затем — известный по реформе, целиком взятый из западного опыта, состязательный процесс при несменяемости судей, самостоятельной организации адвокатов и присяжных заседателях. — Суд присяжных — вообще сомнительное благоприобретение, ибо умаляет профессионализм суда (в противоречие с современной ценностью всякого профессионализма), порой ведет к парадоксальной некомпетентности (можно приводить примеры и из нынешнего английского суда, достаточно одряхлевшего). В пореформенной России, в обстановке общественного упоения адвокатскими речами (которые бесцензурно шли в печать) он сопровождался аргументами и оканчивался решениями порой трагикомическими (это ярко высвечено Достоевским, «блестящее установление адвокатура, но почему-то и грустное», — если уж не помянуть зловещего оправдания террористки Веры Засулич — полоска розовой зари для жадно желаемой революции). Из этих-то адвокатских речей выросла удобная традиция перелагать ответственность с личности преступника на «проклятую российскую действительность».

Земская реформа Александра II была наиболее плодотворной: постоянная земская управа с широкими исполнительными функциями по своим возможностям превосходила, например, даже французское местное самоуправление.³⁵ Однако она не дошла до нижнего уровня народного самоуправления — до волостного земства (что больно сказалось в XX веке и в Первую Мировую войну). Выборы же крестьянских депутатов в земство уездное происходили под влиянием местных чиновников. (Достоевский об этом: «Народ оставлен у нас на свои силы, никто его не поддерживает. Есть земство, но оно — “начальство”. Выборных своих народ выбирает в присутствии какого-то “члена”, опять-таки начальства, и из выборов выходит анекдот».) К тому же земствам не хватало государственных дотаций, они усиливали земские сборы с населения, чем возбуждали крестьян против себя как против еще одного паразита.

Александр III, пытаясь угадать пропущенные реформами своего отца административное звено, ввел институт земских начальников (1889), «сильную власть, близкую к народу» — как бы тех самых (но сильно опозданных) попечителей крестьянского быта, которые бы облегчили крестьянам столь трудный для них переход от прежней традиции к новой, способствовали бы упорядочению деятельности и начинаний. Но набранные из резерва незанятых дворян (а из кого было и набирать?), часто вовсе не преданные своей задаче, да через три десятка лет после недоделанной реформы, — эти земские начальники часто оказывались только еще одним отяготительным слоем власти над крестьянином (так, распущены были выборные крестьянские суды, суд вершил единолично земский начальник). — Серьезной ошибкой Александра III была (1883) отмена статьи Манифеста 1861 года, дававшей право выхода из общины тем крестьянам, которые уплатили полностью выкупные платежи: ради идола общины, сковывавшей русское сознание от императора до народовольцев, ищущих, как этого императора укокошить, прегра-

³⁵ Лаасс, Рамбо, т. 6, с. 81.

ждался путь свободного развития для самой энергичной, здоровой, трудоспособной части крестьянства.

В 1856 Горчаков, заменивший Нессельроде, 40 лет мутившего нашу иностранную политику, заявил сначала очень трезво, что Россия должна сосредоточиться на себе для «собирания сил». Давно бы нам это понять и проводить. Но этого лозунга не хватило и на год: Россия снова окунулась в европейские дипломатические игры. Еще не просохшую от крови военную вражду с Наполеоном III Александр II внезапно (1857) поменял на теплую дружбу. Демаршем Горчакова (1859) Россия не позволила Германскому союзу вступить за Австрию в итальянской войне, а Франция помогла России вытеснить Австрию с захваченных позиций в Молдавии-Валахии (те вскоре соединились в Румынию) и подкрепить русское влияние на Балканах — сколь важное для нас? — Однако из-за польского восстания (1863) Франция обернулась, напротив, врагом России и вместе с Англией и Австрией (повторение коалиции Крымской войны?) выступила в пользу восставших, и снова казалась вероятной угроза войны. Но тут заявила себя нашим другом Пруссия, и получив за то благожелательный нейтралитет России — Бисмарк последовательно отнял Шлезвиг-Гольштинию у Дании (1864), ошеломительно разгромил Австрию (1866), — и еще этого усиления Пруссии не испугавшись, в 1870-71 Россия своим дружественным нейтралитетом обеспечила Бисмарку и разгром Франции. (За что вскоре, в 1878, на Берлинском конгрессе получили от Бисмарка лукавую отплату: он примкнул к европейской сплотке отнять у России плоды побед в турецкой войне.) Внешнеполитические шаги России при Александре II продолжали оставаться недалёковидны и проигрышны. В 1874 находим у Достоевского («Подросток», гл. 3) восклицание: «Вот уже почти столетие, как Россия живет решительно не для себя, а для одной лишь Европы». (Точней бы сказать: к тому времени — уже полтора столетия.) Да что — Европу? в 1863 Россия не упустила поддержать флотом и американский Север против Юга — а туда зачем нам простягаться (только что — отомстить Англии?)?

Две несчастные идеи неотступно мучили и тянули всех наших правителей кряду: помогать-спасать христиан Закавказья и помогать-спасать православных на Балканах. Можно признать высоту этих нравственных принципов, но не до полной же потери государственного смысла и не до забвения же нужд собственного, тоже христианского, народа. Всё мы хотели вызволять болгар, сербов и черногорцев — подумали бы раньше о белорусах и украинцах: под дланью Державы лишали мы их культурно-духовного развития в их традиции, хотели «отменить» вряд ли уже отменяемое наше различие, возникшее между XIII и XVII веками. — Есть-таки правда, когда упрекают российские государственные и мыслящие верхи в мессианизме и в вере в русскую исключительность. И покоряющего этого влияния не избежал и Достоевский, при его столь несравненной пронизательности: тут — и мечта о Константинополе, и «мир с Востока победит Запад», даже и до презрения к Европе, что давно уже стыдно читать. Что ж говорить о несчастной «всеславянской» и «царьградской» разработке Н.Я. Данилевского — в его книге «Россия и Европа» (самой по себе во многом интересной), при появлении ее (1869) почти и не замеченной, но имевшей большой резонанс в русском обществе с 1888.

При нарастающей третий век народной усталости, при наших внутренних экономических и социальных неурядицах, при «оскудении Центра», при угрожающем росте бюрократического своеволия, не способного к высокой эффективности, но подавляющего народную самодеятельность (писали: «Ссохлась и русская личность, натуры смелые и широких способностей стали встречаться все реже», — и правда, много ли их в русской литературе XIX века?) — при этом всё неустанные войны за балканских христиан были преступлением против русского народа. Защита балканских славян от пангерманизма — была не наша задача; а всякое насильственное включение в Австрию все новых и новых славян — только ослабляло эту лоскутную империю и ее позицию против России.

Такой очередной войной за Балканы была тяжелая война с Турцией в 1877-78 — Россия ринулась в нее, не позаботясь иметь союзников или верных благожелателей, нетерпеливо опережая вялые протесты европейских держав против турецких жестокостей (так сыграл Дизраэли, и так втравливал Бисмарк). С боевой стороны война была проведена сенсационно, со впечатляющими всю Европу успехами, зимним переходом балканского хребта (и со множеством жертв и солдатских страданий). Уникально было и то, что российское общество, уже сильно враждовавшее с властью, теперь соединилось с ней в патриотическом подъеме (угар панславизма охватил и общество). Но русское наступление и в этот раз не было доведено до Константинополя, добровольно оставлено. По Сан-Стефанскому миру, кажется, добились для Балкан всего, чего хотели: независимости Сербии и Черногории (на расширенной территории), Румынии, расширения Болгарии, самоуправления в Боснии и Герцеговине, и полегчаний для всех прочих христиан, оставшихся под турецким владычеством. Торжество столетней мечты и триумф? Теперь Англия прямо грозила войной (флот у Принцевых островов), Австрия — мобилизацией, все европейские державы требовали конференции, чтобы отнять у России достигнутое и поживиться самим. Так и произошло. На Берлинском конгрессе Англия ни за что, ни про что получила Кипр, Австрия — право занять Боснию и Герцеговину, Болгарию опять раздробили, Сербию и Черногорию подрезали, а Россия только вернула себе Бессарабию, потерянную после Крымской войны. (Весь конгресс Горчаков провел с ничтожным слабованием, Дизраэли же был встречен в Англии с триумфом.)

Такая «выигранная» война стоит проигранной, а дешевле бы — и вовсе ее не начинать. Подорваны были военные силы России и финансовые, угнетено общественное настроение — и как раз отсюда началась, раскатилась эра революционности и террора, вскоре приведшая и к убийству Александра II.

В долгой веренице наших императоров Александр III, без недуга нерешительности своего отца, может быть

первым, за полтора столетия, хорошо понимал гибельность российского служения чужим интересам и новых захватов, понимал, что главное внимание должно быть обращено на внутреннее здоровье нации («Долг России — заботиться прежде всего о себе самой», из манифеста 4.3.81). Сам командующий армией в турецкую войну, он, однако, от воцарения не вел ни одной войны (лишь закончил — мирным взятием Мерва — завоевания отца в Средней Азии, у границы Афганистана, что, впрочем, едва и не вызвало столкновения с Англией). Но именно в это безвоенное царствование сильно укрепился внешнеполитический вес России. Александр III проглотил горечь от болгарской «неблагодарности»: образованные болгары вовсе не ценили огромных русских жертв в только что минувшую войну и поспешили освободиться от русского влияния и вмешательства. Проглотил горечь и от измены Бисмарка — и пошел (1881) на весьма равновесное и разумное «соглашение о взаимных гарантиях» с Германией: не расторгни его Вильгельм несколькими годами позже, оно исключило бы войну между Россией и Германией в начале XX века. После же отмены соглашения Александру III и не оставалось ничего, как продолжать сближение с Францией, и то после осторожного выжидания.

Во внутренней политике удавшийся террор народовольцев уже сам по себе закрывал Александру III путь каких-либо уступок, ибо они теперь выглядели бы капитуляцией. При неуклонном характере Александра III убийство его отца 1 марта уже и обрекало Россию на твердые консервативные меры в ближайшие годы, и даже «положение об усиленной охране» (1882). Вскоре составленный совет министров почти и не менялся в годы его царствования, но, в целях государственной бережливости, сокращались излишние придворные должности, и отменено все «кавказское наместничество». Были уменьшены крестьянские подати, даны отсрочки по выкупным платежам; от начавшегося вывоза Русского хлеба за границу хлебные цены повысились, к выгоде и крестьян. Как уже сказано, Александр III ввел земских начальников (с результатом двойственным),

однако ослабил роль крестьян в земстве (большая ошибка) и усилил над земством государственный контроль. Годы шли, состояние страны стабилизировалось — и вот, очевидно, следовало вместо мер исключительно задерживающих — предложить свой многосторонний вариант активного развития — например, давно назревшая мера, расширить правовой строй на крестьянство. Но ни сам царь, ни его ближайшие советники не предложили такого проекта и, значит, не чувствовали неудержимого ритма века. — Так и в состоянии православной церкви, слабевшей сквозь весь петербургский период, Александр III не усмотрел тревожного омертвления, не дал импульса к оживлению церковного организма, не протянул помощи униженным сельским священникам в их бедственном положении, оставил церковь — а с ней и народное православие — в тяжелом кризисе, хотя еще не всем ясном тогда. — Что же касается мусульман, то они в России «продолжали пользоваться той же терпимостью... Россия была уверена в своих мусульманских подданных на Кавказе».³⁶ (И в Первой Мировой войне отборные полки кавказских добровольцев, «туземная дивизия», это отменно подтвердили.)

Однако царствование Александра III было много короче всех остальных, трагически прервано в вершине его возраста и в полноте душевных сил, и нельзя гадать, как он вел бы себя в наступающие острокритические годы России или даже не допустил бы их. (По словам Л. Тихомирова, Николай II «просто с первого дня начал, не имея даже и подозрения об этом, полный развал всего, всех основ дела отца своего».³⁷)

К концу XIX века Российская империя достигла своего замысленного или, как тогда говорили, «естественного» (для незащищенной огромной равнины) территориального объема: во многих местах до географических рубежей, поставленных самой природой. Но странная это была империя. Во всех других известных тогда империях метрополии жирно наживались за счет

³⁶ Лависс, *Рамбо*, т. 8, с. 297.

³⁷ жур. «Красный архив», т. 74, с. 175.

колоний и нигде не было такого порядка, чтобы жители какой колонии имели больше преимуществ, чем жители метрополии. А в России было — как раз все наоборот. Не говоря о Польше, имевшей значительно более либеральную конституцию и строй жизни (которой все равно это не услаждало подчинения), нельзя не отметить широчайших льгот для Финляндии. Еще от Александра I финны имели права шире, чем пользовались под шведским управлением; до конца XIX в. народный доход возрос в 6-7 раз, Финляндия достигла процветания, во многом потому, что не выплачивала своей пропорциональной доли общегосударственных расходов. Так же и рекрутский набор из Финляндии брался втрое меньше среднероссийского, так что «в вооруженной до зубов Европе Финляндия делала для своей защиты меньше, чем Швейцария» (а при Николае II и вовсе освобождена от воинского набора, Мировая война ее не отяготила). Затем: «высшие русские правительственные учреждения были переполнены финляндцами, они занимали важнейшие военные должности в русской армии и в русском флоте, а русские могли занимать в Финляндии какие-либо должности и приобретать там недвижимость только при условии перехода в финляндское подданство», «в нескольких километрах от своей столицы русские должны были подвергаться осмотру на финляндских таможах... объясняться по-фински с чиновниками, упорно не желавшими говорить по-русски»³⁸ — и зачем же было Финляндию держать в Империи? (Благодаря такой изумительной экстерриториальности, да по соседству с Петербургом, Финляндия стала бесценным прибежищем и отстойником всех российских революционеров до эсеровских боевиков и ленинских большевиков; это много послужило не только терроризму и подпольщине в России, но развязыванию самих революций 1905 и 1917.) — Не в такой разительной форме, но и азиатские национальные окраины России получали огромную финансовую помощь из центра, все они стоили затрат больших, чем приносили государству доходов. И от

³⁸ Лависс, *Рамбо*, т. 7, сс. 417-418.

рекрутской повинности многие из них («киргизы», т.е. казахи, и среднеазиаты) были освобождены — притом без замены ее военным налогом. (Революционная пропаганда ликующе обыгрывала Тургай-Семиреченское восстание в 1916, между тем оно — во время Мировой войны! — возникло в ответ на попытку всего лишь *трудо*вой мобилизации туземных жителей.) Но искусственный отлив средств от центра к окраинам — усугублял «оскудение Центра». Население, создавшее и державшее Россию, все ослаблялось. Подобного явления мы не наблюдаем ни в одной из европейских стран. Д.И. Менделеев («К познанию России») указывал, как много сделано в России для туземных национальностей — и что пришла пора пристальной позаботиться о русском племени. Но если б этот призыв и был усвоен правящими верхами — у нас уже для того не оставалось исторического времени.

Эта картина своеобразно дополнялась и сильным присутствием иностранных промышленников в России (англичане на ленских золотых приисках, бельгийцы в железодельной промышленности Юга, иностранный синдикат по платине, Нобель на бакинской нефти, французы в соляном деле в Крыму, норвежцы — в рыбном промысле мурманского побережья, японцы — на Камчатке и устьи Амура, и многое, многое еще, а в самом Петербурге — две трети заводчиков иностранцы, и фамилии их, названия заводов, переполняют революционную хронику 1917 года). А в «Географическом описании нашего отечества» Семёнова-Тянь-Шанского поездные перечни цензовых землевладельцев избыта множеством иностранных фамилий.

Густой приток иностранных промышленников и капиталистов может быть объяснен особенно тем, что в России — этому нельзя не изумиться! — и к началу XX века так-таки и не было строго проведенного подоходного налога: с огромных прибылей платилась непропорциональная для Европы доля, этим пользовались и богатый класс в России и иностранцы, вывозившие свои доходы в мало ущербленном виде. Для России же это оборачивалось грубейшим провалом в ее финансах:

несравненно богатая Россия то и дело выпрашивала иностранные займы (нередко получая и демонстративные отказы); с 1888 Россия систематически впадала в долги по французским займам, и это делало ее зависимой от Франции во внешней политике, что повлияло и на роковые события лета 1914.

Именно в царствование кроткого **Николая II**, столь неуверенно осваивавшегося в первые годы на троне, Россия — недопустимо морально и недопустимо даже из практического расчета — превзошла в своем расширении те необъятные границы, которыми она владела. Начав с 1895 на Дальнем Востоке действовать заодно с европейскими странами, российское правительство не удержалось (1900) от постыдной посылки русского корпуса в Пекин для соучастия в подавлении китайского восстания: уже которое десятилетие Китай был крайне слаб, в разломе, — и все хищные державы наперебой пользовались этим. В 1898 Россия принудила Китай сдать ей в аренду Порт-Артур и Даляньван, а концессия (1896) на железную дорогу через Манчжурию во многом отдавала эту область под русское влияние. По русско-японскому протоколу 1898 г. Корея признавалась независимой, однако, по мере того как Япония проникала в Корею с юга, небескорыстные советчики Николая II убедили его, что Россия должна проникать в Корею с севера. Тут-то смертно и столкнулись русско-японские интересы; еще был путь принять компромисс: японское предложение, чтобы Россия ограничилась влиянием в северной Манчжурии; но противник казался так несерьезен, от прежних легких российских завоеваний выросла такая надменность, а Николай II не ощущал всех уязвимых мест еще неустроенной, еще недоразвившейся России, из которых вражда правительства с обществом и революционное движение были далеко не единственными слабостями государства — и внутри себя, и во внешних отношениях. Так началась война с Японией, уже потому губительная, что мы еще только кончали Великую Сибирскую магистраль; а продолжая соперничать с Австрией из-за Балкан, Россия не могла снять с западной границы

своих наилучших войск, а посылала на Дальний Восток корпуса второго разряда и резервные войска. В 1904 в Японии не только студенты, но даже подростки стремились попасть в армию, а наши столичные студенты слали микадо телеграммы с пожеланием победы... Российское общество охватила *жажда поражения* в этой дальней, непопулярной и даже необъяснимой войне — в верном расчете на политический успех от русского поражения, и он вспыхнул еще сильнее, чем от войны Крымской. Осенью 1905, в дни наибольшего накала революции, кончалась точно половина царствования Николая II — и за эти 11 лет он уже почти выпустил всю власть из рук — однако в этот раз ее вернул Столыпин. (Через следующие 11 лет уже некому было вернуть.)

Внешнеполитические промахи следовали и дальше. Вильгельм II, подчеркнуто, даже театрально игравший роль сердечного друга Николая II («благословивший» его и воевать на Дальнем Востоке, впрочем и помогший дружественным нейтралитетом), на свидании в Бьёрке в конце 1905 не без лукавства предложил Николаю *вдвоем* подписать тройственный дружественный договор с Францией, а та — «потом присоединится». И Николай подписал (без ведома совета министров, а позже взял подпись обратно). Конечно, тут была немалая игра оттеснить Францию на второй план; конечно, Германия в 1904 уже навязала России угнетающий торговый договор, и трудно было счесть ее другом России. Однако система прочного союза и с Пруссией, и с Францией — это была проверенная система Петра I; и все же, острие-то договора в Бьёрке было направлено против Англии — страны, которая уже 90 лет кряду была стойчивым недоброжелателем России и всегда и повсюду искала, как причинить России вред, и часто это ей великолепно удавалось, и вот только что, в японскую войну, Англия была союзницей Японии. Вильгельм, предвидя жестокую войну с Англией, все же искал пути не воевать с Россией, и при нашем сухопутном соседстве и крупной численности обеих армий — от какой кровавой бойни мы были бы избавлены в 1914 (а значит и от революции 1917)! Кажется невозможным,

необъяснимым, чтобы Николай II все-таки предпочел союз с ненавистницей России, с которой столько раз и во столько местах сталкивались интересы. Но Николай сделал именно этот шаг: англо-русский союз 1907, отсюда деформировалась Антанта, — и расстановка сил в Первой Мировой войне была роково определена.

Вскоре (1909) в ответ Австрия присоединила Боснию и Герцеговину, а Вильгельм в ультимативной форме заставил Россию еще и унижительно *признать* законность захвата. Правда, этот захват уже предопределялся и Берлинским конгрессом (1878) — но в 1909 в России он был болезненно воспринят и правительством, и обществом: роковое наше панславистское увлечение взывало едва ли не к немедленной войне (невозможной при Столыпине, но крайне бы выгодной для Англии).

И конечно, при нашем панславистском накале мы не могли снести грубого австрийского ультиматума Сербии в 1914 (а на это и был германо-австрийский расчет). И потому так смело на нас напали в 1914, что перестали уважать российскую военную силу с 1904. И наши войска в Восточной Пруссии были брошены поспешною, неподготовленною жертвою ради спасения Парижа.

До сего места мы односторонне проследили трехсотлетний период русской истории: по линии упущенных возможностей внутреннего развития и безжалостной растраты народных сил на ненужные России внешние цели: заботились о европейских «интересах» больше, чем о своем народе.

Однако, несмотря на все это, поразишься же и богатству народной энергии, уж не говоря о Поморьи или Доне — и на примере Сибири же. («Завоевание Сибири» неверно расширяется от западносибирского эпизода борьбы Ермака с чингисидом Кучумом, завоевавшим тобольских татар, а в 1573, еще до Ермака, совершившим набег и на район Соликамска. XVII век в Сибири не отмечен большим числом серьезных военных столкновений — сравнительно с предыдущей историей

континента, волной завоеваний монгольских и тюркских, или сравнительно со зверонравным уничтожением майя, североамериканских индейцев, патагонцев, тасманийцев; напротив, с приходом русских прекратились многочисленные междоусобия у якутов, бурят, чукчей с юкагирами и др.; у якутов время до прихода русских так и названо «время кровавых битв»³⁹, более того: русские не нарушали внутренней организации аборигенных народов; крупные столкновения были только с манчжурами и монголами, остановившими на верхнем Амуре русское продвижение.) За XVII век малочисленные предприимчивые русские люди освоили огромный Сибирский континент — до Охотского моря, устьей Яны, Индигирки и Берингова (Дежнёва) пролива, и основывали пашенное хозяйство на просторах, никогда его (кроме малых местностей) не знавших; уже к концу XVII вся Сибирь питалась своею рожью. Пашни доходили на север до Пелыма, Нарыма, Якутска, а в начале XVIII были уже и на Камчатке; и повсюду коренные народы обменивались с русскими хозяйственным и охотничьим опытом. В 1701 на всю Сибирь было 25 тыс. русских семей, одна семья на 400 км², в Восточной Сибири были деревни по 1–2 двора. (По ревизии 1719 в Сибири аборигенов 72 тыс. члв., русских 169 тыс.⁴⁰, к 80м годам — более миллиона.) И при такой слабой населенности (вольнонародным переселением; беглыми, но не возвращаемыми за Урал крестьянами; ссыльно-поселенцами) — XVIII век в Сибири поражает нас, что могут дать мирные народные усилия, направленные на внутренние, а не на внешние задачи: гигантский размах русского труда, ремесел, уже и значительного заводского и металлургического производства и русской торговли — от Урала через всю Сибирь до Кяхты, Чукотки, Алеутских островов и Аляски (в 1787 основана мещанином Шелиховым «Американская торгово-промышленная компания»).⁴¹ Уже

³⁹ «История Сибири с древнейших времен до наших дней», т. II, изд. «Наука», Л., 1968, с. 99.

⁴⁰ Там же, с. 55.

⁴¹ Там же, сс. 181–282.

в XVIII в Сибири действовали школы геодезические, навигационные, горнозаводские, медицинские, возникали библиотеки и типографии; произведена тщательная картография Ледовитого и Тихоокеанского побережий.⁴²

Таково было богатство народной энергии, что через полвека после падения крепостного права — Россия вступила в полосу бурного промышленного развития (5е место в мире по промышленной продукции), железнодорожного строительства, стала крупнейшим экспортером зерна и сливочного (сибирского) масла. В России была полная свобода частной экономической деятельности («рынок», который мы сегодня всё собираемся достичь или у кого-то перенять), свобода выбора занятий и места жительства (кроме еврейской черты оседлости, но и она шла к отмене). Крупный бюрократический аппарат однако не был замкнут ни национально (видим в нем на видных постах представителей множества национальностей), ни социально (становились министрами помощник машиниста Хилков, крестьянин Рухлов, начальник станции Витте, помощник присяжного поверенного Кривошеин, и на военные верхи взошли из самых низов генералы Алексеев, Корнилов). По свидетельству последнего Государственного секретаря России С.Е. Крыжановского, в смысле восхождения отдельных лиц Россия была страна весьма демократическая: высшее чиновничество складывалось не из лиц высокого происхождения; по свидетельству министра путей сообщения Кригера-Войновского: кроме особого положения крестьянства, сословных перегородок к XX веку уже не оставалось, «права определялись образованием, служебным положением и видом занятий».⁴³ Независимость и открытость суда, строгая законность следствия утвердились с 60х годов XIX века, также и печать без предварительной цензуры, а с 1906 — истинный парламент и многопартийная система (которая сегодня жаждется как новейшее достижение). Отметим и то, что для народа действовала бесплатная земская медицина

⁴² Там же, сс. 323–331, 343–353.

⁴³ Из фонда Всероссийской Мемуарной Библиотеки.

высокого качества. Было введено рабочее страхование. В России был самый высокий в Европе прирост населения. И высшее женское образование в России стояло на одном из первых мест в Европе.

И все это обрушилось с 1917 года, а в мире представлено и поныне крайне искаженно.

Но и в этот краткий благополучный период 1906-1913 прозорливые люди видели запущенность государственной болезни, опасную разорванность общества и власти, и упадок русского национального сознания. Лев Тихомиров, в прошлом виднейший народоволец, позже государственный теоретик, перешедший в патриотизм, писал в своем дневнике в 1909-10 годах: «Нельзя ничего сделать в современной России, нечего делать. Мы, по видимому, идем к новой революции и, кажется, — неизбежно... все, все даже частные меры власти, — как на подбор ведут к революции»; «с Россией я совсем недоумеваю. Стою на своих бастионах, знамени не опускаю, палю из орудий... но родная армия уходит от тебя все дальше и — по разуму человеческому — невысказанно и ждать от нее ничего...». О молодежи: «Они уже не потомки наши, а что-то новое»; «Народ русский!... Да и он уже потерял прежнюю душу, прежние чувства»⁴⁴, — тут Тихомиров имел в виду утерю православного и национального сознания, «умственное и нравственное приращение вообще нации».⁴⁵

Духовную суть кризиса Тихомиров отмечал верно. В 1909 вопрос о русском национальном сознании неожиданно попал в центр обсуждения либеральной прессы. «Когда недержавные национальности стали самоопределяться, явилась необходимость самоопределения и для русского человека». Происходит «в прогрессивной русской печати невозможное еще так недавно: дебатруется вопрос о великорусском национализме», «первое выступление того сознания, которое просыпается, наподобие инстинкта самосохранения, у народов в минуту угрожающей им опасности». — «Не шутка и опозорение самого слова “русский“, превращенного в

⁴⁴ «Красный архив», т. 74, сс. 165-177.

⁴⁵ «Красный архив», т. 38.

“истинно-русский“». — «Как не следует заниматься “обрусением“ тех, кто не желает “русеть“, так же точно нам самим не следует себя “оброссиивать“, тонуть и обезличиваться в российской многонациональности» (П.Б. Струве). — «Попытка овеликорусить всю Россию... оказалась гибельной для живых национальных черт не только всех недержавных имперских народностей, но и прежде всего для народности великорусской... Для великорусской национальности — только полезно интенсивное развитие вглубь, нормальное кровообращение». Русское общество в прежние годы «устыдилось не только ложной антинациональной политики, но и истинного национализма, без которого невысказанно национальное творчество. Народ должен иметь свое лицо». — «Как 300 лет назад, история требует нас к ответу, чтобы в грозные дни испытаний» ответить, «имеем ли мы как самобытный народ право на самостоятельное существование».⁴⁶

Однако эта поучительная и для нашего времени дискуссия, читаемая сегодня как самая современная, в оставшемся простенке до Мировой войны уже не имела плодотворного развития. Динамичная эпоха перестигала неторопливую Россию. Возрождения русского национального сознания — в русском обществе не произошло. И В.В. Розанов (в 1911) выразил это так: «Душа плачет, куда же все русские девались?... Я ужасно плачу о русских, ибо думаю, что погибает само племя, что вообще попирается все русское».⁴⁷

Так и попытки православной общественности около 1905 года, через Предсоборное совещание выйти к Поместному Собору и выборам Патриарха, были остановлены тормозящей резолюцией царя. Русская православная Церковь в неизменности достаивала уже отмеренный оставшийся исторический срок. И справедливый упрек Бердяева, обращенный к интеллигенции, демократам и социалистам, — «Вы ненавидели церковь и травили ее. Вы думали, что народ может существовать без духовных основ, без святых, достаточно

⁴⁶ газ. «Слово», 9-25 марта 1909.

⁴⁷ «Новый мир», 1991, № 3, с. 227.

материальных интересов и просвещения»⁴⁸ — другим тяжелым концом ложится на дремавшие правительственные верхи. Православная церковь встретила революцию 1917 неготовой и в полной растерянности. Лишь через несколько лет, под свирепыми преследованиями большевиков поднялись и народные бунты в защиту храмов (1918), и с решимостью античных первохристиан потекли в ГУЛаг и на смерть десятки тысяч священнослужителей. (Но большевицкий расчет был безошибочен: ведь они материально *вычитались* из живого сопоставления.)

В Первой Мировой войне как-то сказалась — накопленная, неизбежная народная усталость от всех прежних, прежних, прежних русских войн, от которых народ всегда оставался невознагражден, — и к той усталости добавилось такое же накопленное в поколениях и поколениях недоверие к правящему классу. И все это — отъездалось в солдатах двухтысячевёрстного фронта, когда дошли вести о перевороте в Петрограде, скоропостижном податливом отречении царя, вскоре и заманчивых лозунгах большевиков.

С 1917 года — мы стали еще заново и крупно платить за все ошибки нашей предыдущей истории.

Всю предысторию Февраля, саму Февральскую революцию и неумолимые последствия ее — я уже изложил предостаточно в «Красном Колесе», и здесь полностью минуя. Большевицкий переворот — был логическое и неуклонное завершение Февраля.

Но так как в предыдущем обзоре мы много касались то безкорыстных, то бессмысленных вмешательств России в европейские дела, — уместно здесь кратко отозваться о роли западных союзников в гражданской войне в России. Пока Германия еще сопротивлялась, союзники естественно предпринимали усилия — то вызволять чехословацкий корпус через Сибирь, чтоб успеть использовать его против Германии; то высадку в Архангельске и Мурманске, чтобы помешать сделать это немцам. Но кончилась Мировая война — и союзни-

⁴⁸ Н.А. Бердяев. Философия не равенства, ИМКА-пресс, Париж, 1923, с. 20.

ки потеряли интерес к белым, — к русским генералам, своим прямым и персональным союзникам по минувшей войне. На Севере — англичане топили в море амуницию и армейские запасы, только бы не оставить белым. Белых правительств — не признавали (Врангеля — только де-факто и коротко, пока он мог облегчить положение Польши), но тотчас признавали всякую нацию, отколовшуюся от России (и Ллойд-Джордж того же требовал от Колчака). За военное снабжение требовали русского сырья, зерна, золота, подтверждений о выплате русских долгов. Французы (вспомним спасение Парижа в 1914 жертвами русскими армий в Пруссии) от ген. Краснова требовали возместить все убытки французских предприятий в России, «происшедшие вследствие отсутствия порядка в стране», и с процентами компенсировать их утерянную с 1914 доходность; в апреле 1920 союзники слали ультиматум Деникину-Врангелю: прекратить борьбу, «Ленин обещал амнистию»; за помощь в эвакуации Крыма французы забрали себе русские военные и торговые суда, а с эвакуированных в Галлиполи врангелевцев в оплату за питание брали военное имущество, вплоть до армейского белья. — Поражение России от большевиков было весьма выгодно союзникам: не надо было делиться долей победы. Таков *реалистический* язык международных сношений.

По исконной неразвитости правосознания, национального сознания и поблеклости религиозных устоев за последние перед тем десятилетия — наш народ достался верховым большевицким выжигам — экспериментальным лепным материалом, удобным для перелепливания в их формы.

Эти идейные интернационалисты начали с безоглядного разбазаривания российских земель и богатств. На Брестских переговорах они проявили готовность отдать любой охват русских земель, лишь бы самим уцелеть у власти. — В дневнике американского дипломата Уильяма Буллита можно прочесть и о большей цене, которую в 1919 Ленин предлагал американской делегации: советское правительство готово отказаться

от западной Белоруссии, половины Украины, от всего Кавказа, Крыма, от всего Урала, Сибири и от Мурманска: «Ленин предлагал ограничить коммунистическое правительство Москвой и небольшой прилегающей к ней территорией, плюс город, известный теперь как Ленинград».⁴⁹ (Этот крик Ленина важно бы усвоить всем тем, кто сегодня все еще восхищается, как большевики «воссоздали Державу».) — Так панически Ленин предлагал тогда, когда опасался вполне бы естественного «похода Антанты» на его мятежную кучку, в защиту союзницы России. Но скоро он убедился, что такое не грозит, и уступал русскую землю уже в меньших размерах. В феврале 1920 Эстонии, взамен за первое международное признание советского правительства, прорыв изоляции, — уступил русское население у Ивангорода-Нарвы и какие-то там «святыни» Печор и Изборска; вскоре за тем — и Латвии отдал обильное русское население. — По интернациональным замыслам ища дружбы Турции (в декабре 1920 оккупировавшей почти всю Армению), советское правительство с зимы 1920 на начало 1921, кажется само едва встающее от гражданской войны в своей разоренной стране, начинает широкую помощь Турции всеми видами оружия, а также «безвозмездную финансовую помощь» в 13 миллионов рублей золотом (в 1922 еще добавили 3,5 миллиона).⁵⁰

Примеры эти можно множить и множить. А прямое раскрадывание большевицкой бандой сокровищ российского алмазного фонда и всего награбленного ими из государственного, царского и частных имуществ вряд ли вообще кем учтено, только в редких мемуарах встретишь, как в кремлевской кладовой просто пригоршнями, без счета, злодеи и проходимцы набирали драгоценностей для очередной коминтерновской операции за границей. (Для тех же целей тайно распродавались и сокровища государственных музеев.) — Наверно и целую книгу можно написать о хищническом расхвате *концессий* на территории России: с Вандерлипом вели

⁴⁹ цит. по «Время и мы», № 116, с. 216.

⁵⁰ Документы внешней политики СССР, М., 1959, т. III, с. 675.

переговоры о сдаче на 50 лет (!) нефтеносных участков, угольных копей и рыбной ловли Приморской и Камчатской областей⁵¹; пресловутому «антисоветчику» Лесли Уркарту — долгосрочной концессии на его прежние предприятия по добыче цветных металлов и угля (Кыштым, Риддер, Экибастуз)⁵²; англичанам — на 25 лет (до 1945!...) нефтяную концессию в Баку и Грозном; начинающему сопляку делового мира Арманду Хаммеру — алапаевские асбестовые рудники (а дальше сердечная взаимопомощь и дружба с ним длилась и до его смерти, уже в горбачевское время). — Не все планируемые тогда концессии состоялись из-за того, что утвержденность ленинской кучки у власти еще казалась Западному взгляду хлипкой.

История 70-летнего коммунистического господства в СССР, воспетого столькими бардами, добровольными и покупными, господства, сломавшего органическое течение народной жизни, — уже сегодня, наконец, видна многим во всей своей и неприглядности и мерзости. По мере раскрытия архивов (если они откроются, а многие уже проворно уничтожены) об этом 70-летию будут написаны тома и тома, и такому обзору не место в этой статье. Здесь приведем только самые общие оценки и соображения.

Все потери, которые наш народ перенес за огляженные 300 лет от Смуты XVII века, — не идут и в дальнейшее сравнение с потерями и падением за коммунистическое 70-летие.

На первом месте здесь стоит физическое уничтожение людей. По косвенным подсчетам разных статистиков — от постоянной внутренней войны, которую вело советское правительство против своего народа, — население СССР потеряло не менее 45–50 миллионов человек. (Проф. И.А. Курганов пришел к цифре 66 миллионов.) Причем особенность этого уничтожения была та, что не просто косили подряд, кого придется, или по отдельным территориям, но всегда — *выборочно*: тех, кто выдавался либо протестом, сопротивлением, либо

⁵¹ Там же, сс. 664–665, 676–681.

⁵² Там же, т. IV, с. 774.

критическим мышлением, либо талантом, авторитетом среди окружающих. Через этот *противоотбор* из населения срезались самые ценные нравственно или умственно люди. От этого непоправимо падал общий средний уровень остающихся, народ в целом — принижался. К концу сталинской эпохи уже невозможно было признать в народе — тот, который был застигнут революцией: другие лица, другие обычаи и понятия.

И чем же, как не физическим уничтожением своего народа назвать безоглядную, безжалостную, безрасчетную укладку красноармейских трупов на путях побед Сталина в советско-германской войне? («Разминирование» минных полей ногами гонимой пехоты — еще не самый яркий пример.) После сталинских «7 миллионов потерь», после хрущевских «20 миллионов», теперь, наконец, в российской прессе напечатана и фактическая цифра: 31 миллион. Онемляющая цифра — пятая часть населения! Когда и какой народ укладывал столько на войне? Наша «Победа» 1945 года овеществилась в укреплении сталинской диктатуры — и в полном обезлюживании деревень. Страна лежала как мертвая, и миллионы одиноких женщин не могли продолжить жизнь народа.

Но еще и физическое массовое уничтожение — не высшее достижение коммунистической власти. Всех, кто избегал уничтожения, — десятилетиями облучали оглуляющей и душу развращающей пропагандой, и от каждого требовали постоянно возобновляемых знаков покорности. (А от послушной интеллигенции — и ткать эту пропаганду в подробностях.) От этой гремющей, торжествующей идеологической обработки — еще и еще снижался нравственный и умственный уровень народа. (Только так и могли воспитаться те нынешние старики и пожилые, кто вспоминает как эру счастья и благоденствия, когда они отдавали свой труд за грошовую зарплату, но под 7-е ноября получали полкило печени, перевязанное цветной ленточкой.)

За что во внешней политике — о! вот тут коммунисты не повторили ни единого промаха и ляпа царской дипломатии, каких много мы уже отметили в этой статье.

Коммунистические вожди всегда знали верно, что им нужно, и каждое действие направлялось всегда и только к этой полезной цели — никогда ни одного шага великодушного или бескорыстного; и каждый шаг верно смечен, со всем цинизмом, жестокостью и пронизательностью в оценке противников. Впервые за долгий ход истории российской дипломатия советская была находчива, неотступчива, цепка, бессовестна — и всегда превосходила и побивала западную. (Те же и Балканы коммунисты полностью забрали, без большого усилия; отхватили пол-Европы; без сопротивления проникали в Центральную Америку, Южную Африку, Южную Азию.) И таким привлекательным идеологическим оперением была советская дипломатия снабжена, что вызывала восторженное сочувствие у западного же *передового общества*, отчего потуплялись и западные дипломаты, с трудом натягивая аргументы. (Но заметим: и советская дипломатия служила не интересам своего народа, а — чужим, «мировой революции».)

И эти блистательные успехи еще одуривали и одуривали ослабевшие головы советских людей — новоизобретенным, безнациональным *советским патриотизмом*. (Так и воспитались нынешние, постаревшие, радетели и болельщики Великого Советского Союза.)

Не повторяем здесь теперь уже общеизвестной оценки «промышленных успехов» СССР: безжизненной экономики, уродливого производства неспрашиваемых и некачественных товаров, изгаживания огромных природных пространств и грабительского истощения природных ресурсов.

Но и во всем высасывании жизненных соков из населения — советская система не была равномерна. По Твердому наследству ленинской мысли надо было (и так и делалось): главный гнет налагать на республики крупные, сильные, т.е. славянские, и особенно на «ветхорусскую шваль» (Ленин), главные поборы — брать с нее, притом первоначально опираться на национальные меньшинства, союзные и автономные республики. Сегодня тоже уже не новость, опубликовано многократно, что главную тяжесть советской экономической

системы несла на себе РСФСР, с ее бюджета брались непропорционально крупные отчисления, она меньше всего получала вложений, а ее крестьяне продавали продукт своего труда двадцатикратно дешевле, чем, скажем, грузинские (картофель — апельсины). Подрубить именно русский народ и истощать именно его силы — была из нескрываемых задач Ленина. И Сталин продолжал следовать этой политике, даже когда произнес свой известный сентиментальный тост о «русском народе».

А в брежневское время (все державшееся на паразитстве от продажи за границу сырой нефти — до полного износа нефтяного оборудования) — совершены были новые жуткие и непоправимые шаги по «оскудению Центра», по разгрому Средней России: «закрытие» тысяч и тысяч «неперспективных деревень» (с покиданием многих удбей, пашен и лугов), последний крушащий удар по недобитой русской деревне, искажение всего лика русской земли. И уже был взнесен страшный удар, добивающий Россию, — «поворот русских рек», последний одурелый бред маразматического ЦК КПСС, — на последнем краю и в последний момент, слава Богу, отведенный малой мужественной группой русских писателей и ученых.

«Противоотбор», который методически и зорко коммунисты вели во всех слоях народа от первых же недель своей власти, от первых же дней ЧК, — предусмотрительно заранее обессиливал возможное народное сопротивление. Оно еще могло прорываться в первые годы — кронштадтское восстание с одновременными забастовками петроградского пролетариата, тамбовское, западносибирское и еще другие крестьянские восстания, — но все они были потоплены в смертях с такой запасливой избыточностью, что больше не вздымались. А когда и поднимались малые бугорки (как стачка ивановских ткачей в 1930), то о них не узнавал не только мир, но даже и само советское пространство, все было надежно заглушено. Прорыв реальных чувств народа к власти мог проявиться — и как же зримо проявился! — лишь в годы советско-германской вой-

ны: только летом 1941 больше чем тремя миллионами легко сдавшихся пленных, в 1943–44 целыми караванами жителей, добровольно отступающих за немецкими войсками, — так, как если бы это были их отечественные... В первые месяцы войны советская власть легко могла бы и крахнуть, освободить нас от себя, — если бы не расовая тупость и надмение гитлеровцев, показавшие нашим пострадавшим людям, что от германского вторжения нашему народу ничего хорошего ждать, — и только на этом Сталин удержался. О попытках формирования русских добровольческих отрядов на германской стороне, затем и о начатке создания власовской армии — я уже писал в «Архипелаге». Характерно, что даже *в самые последние месяцы* (зима 1944–45), когда всем уже было видно, что Гитлер проиграл войну, — в эти самые месяцы русские люди, оказавшиеся за рубежом, — многими десятками тысяч подавали заявления о вступлении в Русскую Освободительную армию! — вот это был голос русского народа. И хотя историю РОА заплевали как большевицкие идеологи (да и робкая советская образованщина), так и с Запада (где представить не умели, чтоб у русских могла быть и своя цель освобождения), — однако она войдет примечательной и мужественной страницей в русскую историю — в долготу которой и будущность мы верим даже и сегодня. (Генерала Власова обвиняют, что для русских целей он не побрезговал войти в показной союз с внешним врагом государства. Но, кстати, как мы видели, такой же показной союз заключала и Елизавета со Швецией и Францией, когда шла к свержению бирюзовщины: враг был слишком опасен и укоренен.) — В послесталинское время были и еще короткие вспышки русского сопротивления — в Муроме, Александрове, Краснодаре и особенно в Новочеркасске, но и они, благодаря непревзойденной большевицкой заглушке, десятилетиями оставались неизвестны миру.

После всех кровавых потерь советско-германской войны, нового взлета сталинской диктатуры, сплошного вала тюремных посадок всех, кто хоть как-то соприкоснулся за время войны с европейским населением,

затем лютейшего послевоенного колхозного законодательства (за невыработку трудодней — ссылка!), — кажется и наступил конец русского народа и тех народов, которые делили с ним советскую историю?

Нет. И еще то́ был — не конец.

К концу мы придвинулись — как ни парадоксально — от лицемерной и безответственной горбачевской «перестройки».

Немало было разумных путей постепенного осторожного выхода из-под большевицких глыб. Горбачев избрал путь — самый неискренний и самый хаотический. Неискренний, потому что искал, как сохранить и коммунизм в слегка измененном виде и все блага партийной номенклатуры. А хаотический — потому что, с обычной большевицкой тупостью, выдвинул лозунг «ускорения», невозможный и губительный при изношенности загнанного оборудования; когда же «ускорение» не потянуло, то сочинил немыслимый «социалистический рынок», следствием которого стал распад производственных связей и начало разворовки производства. — И такую свою «перестройку» Горбачев сопровождал «гласностью», в близоруком расчете на единственное следствие: получить интеллигенцию в союзники против уж крайних зубров коммунизма, не желающих понять и собственной пользы от перестройки (другой системы кормушек). Он и во сне представить не мог, что этой гласностью одновременно же распахивает ворота всем яростным национализмам. (В 1974, в сборнике «Из-под глыб» мы предсказывали, что национальной ненавистью СССР поджечь очень легко. Тогда же, в Стокгольме, я предупреждал: в СССР «если объявить демократию внезапно, то у нас начнется истребительная межнациональная война, которая смоем эту демократию вообще в один миг». Но вождям КПСС это было недоступно понять.) — В 1990 я с уверенностью писал (в «Обустройстве»): «Как у нас теперь все поколесилось — так все равно “Советский Социалистический” развалится, все равно!» (Горбачев пришел во гнев и метко обозвал меня за то... «монархистом». Не удивлюсь: ведущая американская газета прокомментировала

мою фразу так: «Солженицын все еще не может расстаться с имперскими иллюзиями», — это когда сами они еще больше всего боялись развала СССР.) Тогда и там же я предостерегал: «Как бы нам, вместо освобождения, не расплющиться под его [коммунизма] развалинами.» И — именно так получилось: в августе 1991 бетонные блоки стали падать и падать на неподготовленные головы, а поворотливые фюреры некоторых национальных республик, десятилетиями, до последнего дня усердно и благоуспешно тянувшие коммунистическую выслужбу, тут — разом, в 48 часов, а кто и в 24, объявили себя исконными ярыми националистами, патриотами своей, отныне суверенной республики, и уже безо всякого коммунистического родимого пятна! (Их имена — и сегодня сверкают на мировом небосклоне, их с уважением встречают в западных столицах как первейших демократов.)

Блоки и глыбы, в разных областях народной жизни, хлопались и в следующие месяцы с большой густотой, придавливая массы застигнутых людей. Но введем в рассуждение — черёд.

Первое следствие. Коммунистический Советский Союз был исторически обречен, ибо основан был на ложных идеях (более всего опирались на «экономический базис», а он-то и погубил). СССР держался 70 лет обручами небывалой диктатуры — но когда издряхлело изнутри, то уже не помогут и обручи.

Сегодня далеко не только бонзы, закоснелые в коммунистических идеях, но и немало простых рядовых людей, омороченных нагретым «советским патриотизмом», искренно жалеют о распаде СССР: ведь «СССР был — наследник величия и славы России», «советская история была не тупик, а закономерное развитие»...

Что касается «величия и славы», то в историческом обзоре мы видели, какой ценой и для каких посторонних целей мы часто напрягались исильно в минувшие 300 лет. А советская история была именно т у п и к. И хоть в эти 20е-30е... 60е-70е правили *не мы с вами* — а отвечать за все содеянные злодеяния и перед всем миром достается — кому же? да только нам, и, заметим:

только русским! — вот тут все охотно уступают нам исключительное и первое место. Да если безликая корыстная свора вершила, что хотела, чаще всего от нашего имени, — так нам и не отмыться, как быстро отмылись другие.

Что советская империя для нас не только не нужна, она губительна — к этому выводу я пришел в первые послевоенные годы, в лагерях. Я давно так думаю, уже полвека, не из сегодня. И в «Письме вождям Советского Союза» (1973) я писал: «Цели великой империи и нравственное здоровье народа несовместимы. И мы не смеем изобретать интернациональные задачи и платить по ним, пока наш народ в таком нравственном разорении.» И в «Обустройстве»: «Держать великую Империю — значит вымертвлять свой собственный народ. Зачем этот разнопёстрый сплав? — чтобы русским потерять свое неповторимое лицо? Не к широте Державы мы должны стремиться, а к ясности нашего духа в остатке ее». Не надо нам быть мировым арбитром, ни соперничать в международном лидерстве (там охотники найдутся, у кого сил больше), — наши все усилия должны быть направлены *внутри*, на трудолюбивое *внутреннее* развитие. Восстанавливать СССР — это верный путь уже навсегда забить и заглушить русский народ.

Надо же, наконец, ясно понять: у Закавказья — свой путь, не наш, у Молдавии — свой, у Прибалтики — свой, а уж у Средней Азии — тем более. Почти все среднеазиатские лидеры уже заявили об ориентации своих государств на Турцию. (Не все заметили в декабре 1991 многообещающую конференцию в Алма-Ате о создании «Великого Турана» — от Анатолийского полуострова до Джунгарского Алтая. В XXI веке мусульманский мир, быстро растущий численно, несомненно возьмется за амбициозные задачи — и неужели нам в то мешаться?)

Беда не в том, что СССР распался, — это было неизбежно. Огромная беда — и перепутаница на долгое будущее — в том, что распад автоматически произошел по фальшивым ленинским границам, отхватывая от

России целые русские области. В несколько дней мы потеряли 25 миллионов этнических русских, 18% от общего числа русских, — и российское правительство не нашло мужества хотя бы отметить это ужасное событие, колоссальное историческое поражение России, и заявить свое политическое несогласие с ним — хотя бы, чтоб оставить право каких-то же переговоров в будущем. Нет... В горячке августовской (1991) «победы» все это было упущено. (И даже — национальным праздником России избран день, когда РСФСР возгласила свою «независимость» — и, значит, отделенность от тех 25 миллионов тоже...)

Тут надо сказать о нынешней Украине. Не говоря о быстро перелицевавшихся украинских коммунистических вождях, — украинские националисты, в прошлом так стойко боровшиеся против коммунизма, во всем как будто проклинали Ленина, — отначала же соблазнились на его отравленный подарок: радостно приняли фальшивые ленинские границы Украины (и даже с крымским приданым от самодура Хрущева). Украина (как и Казахстан) сразу стали на ложный имперский путь.

Груза великодержавности — я не желаю России, не пожелаю и Украине. Я выражаю самые лучшие пожелания развитию украинской культуры и самобытности, и сердечно люблю их, — но почему начинать не с оздоровления и духовного упрочения национального ядра, не с культурной работы в объеме собственно украинского населения украинской земли, — а с порыва к «великой Державе»? Я предлагал (1990) решать все национальные, хозяйственные и культурные проблемы в едином Союзе восточно-славянских народов — и до сих пор считаю это решение наилучшим, ибо не вижу оправдания разрубу государственными границами миллионов семейных и дружественных связей. Но, в той же статье, я и оговаривал, что конечно никто не посмеет удерживать силой украинский народ от отделения, — однако же с полным обеспечением прав меньшинств. Вполне ли представляют нынешние руководители Украины и ее общественного мнения — какой огром-

ности культурная задача простирается перед ними? Даже этнически украинское население во многом не владеет или не пользуется украинским языком. (Для 63% населения основной язык — русский, тогда как русских только 22%, то есть: на Украине на каждого русского приходится двое «нерусских», считающих, однако, русский язык своим родным!) Значит, предстоит найти меры перевести на украинский язык всех номинальных украинцев. Затем, очевидно, станет задача переводить на украинский язык и русских (а это уже — не без насилия)? Затем: украинский язык поныне еще не пророс по вертикали в высшие слои науки, техники, культуры — надо выполнить и эту задачу. Но и более: надо сделать украинский язык и необходимым в международном общении. Пожалуй, все эти культурные задачи потребуют более чем одного столетия? (А пока что мы читаем сообщения — то о притеснении русских школ и даже детских садов в Галиции, даже хулиганских нападениях на русские школы, о пресечении трансляции русского телевидения местами, и вплоть до запрета библиотекарям разговаривать с читателями по-русски, — неужто же это путь развития украинской культуры? А звучат и лозунги «Русские — вон с Украины!», «Украина для украинцев!» — хотя на Украине множество народностей; и с практическими мерами: кто не принял украинского гражданства, тот испытывает стеснения в работе, пенсии, владении недвижимостью, тем более лишается участия в приватизации — а ведь люди не из-за границы приехали, они тут и жили... Но еще хуже, что по непонятному накалу ведется антирусская пропаганда; офицерам, принимающим присягу, задается отдельный вопрос: «а вы готовы воевать против России?»; армейское Социально-Психологическое Управление создает из России образ врага, нагнетается тема «военной угрозы» со стороны России. А по каждому прозвучавшему из России политическому несогласию с отходом русских территорий к Украине официальные украинские лица реагируют истерически звонко: «Это — война!», «это — выстрел в Сараяве!» Почему пожелание переговоров — это уже

война? зачем наклеивать войну, где ее нет и никогда не будет?)

Еще более уязвимый державный промах допустил Назарбаев, намерясь с помощью казахского меньшинства переработать *большинство* — других, совершенно инородных наций. (И вот: русских устраняют с ответственных должностей, подавляется самодеятельность уральских и сибирских казаков, нападают на православные храмы, русские поселения — а вот уже и большие города — переименовывают по-казахски, отпускают 5 лет на изучение казахского языка даже в местностях, где 90% — русские. Местное телевидение почти полностью переводят на казахский язык, хотя казахи составляют только 43% населения. Что ждет остальных — выпукло показали извращенные «выборы» 1994 года. Ко мне приходят жалобы и от немцев — на насилия со стороны казахов, непроницаемо покрываемые местными властями.) Примыкание к идее «Великого Турана», весьма легкое для Средней Азии, окажется для Казахстана совсем-совсем нелегким. (Ныне объявленная *словесная* программа надгосударственного Евразийского Союза — с чудовищной бюрократической над-национальной надстройкой — находится в полном противоречии с неуклонно идущей в Казахстане национальной подавительной *практикой*.)

Как я писал в «Обустройстве»: наилучшее решение вопроса — это государственный Союз трех славянских республик и Казахстана. И в Беловежском соглашении, судя по прессе, Кравчук и обещал коллегам реальный неразрывный союз, «прозрачные» границы, единую армию и валюту. Но все это оказалось лишь кратковременным обманом. Ничего этого не образовалось, а спустя время Кравчук и прямо заявил: «Кончать надо с мифом о “прозрачных” границах». Однако с существеннейшей поправкой: переход на мировые цены по нефти — это «со стороны России неприкрытый шантаж» (премьер Кучма), даже «приближение к мировым ценам по нефти есть *экономическая война*» (украинский посол в Москве; и тут опять «война». А как же все в мире и торгуют по мировым ценам — и никто не зовет это «войной?»).

Однако же Россия-то попала — в разорванное состояние: 25 миллионов оказались «за границей», никуда не переезжая, оставаясь на отеческих и дедовских местах. 25 миллионов — самая крупная диаспора в мире; ни у кого такой нет, и — как мы смеем от нее отвернуться?? Тем более, что местные национализмы (как мы привыкли — весьма понятные, простительные и «прогрессивные») — всюду идут на притеснение и угнетение наших отколотых соотечественников. (А желающим уехать — из Средней Азии не дают вывозить личного имущества: не признают такого понятия.)

Принципиально отказываясь от методов силы и войны, мы можем усмотреть только такие три пути:

1) из стран азиатских (закавказских и среднеазиатских), где вряд ли что доброе наших ждет, — надо методично, пусть в немалые сроки, увозить желающих русских и добротнo поселять их в России; а для остающихся — искать защиты либо в двойном гражданстве, либо, либо... через ООН? худая надежда;

2) от стран Прибалтики требовать неукоснительного и полного выполнения всеевропейских норм о правах нацменьшинств;

3) с Белоруссией, Украиной и Казахстаном надо искать возможных степеней объединения в разных областях и добиваться-таки по меньшей мере — «прозрачных» границ.

А мы? За эти годы мы гостеприимно нашли в России место и для 40 тысяч месхов, выжженных из Средней Азии и отвергнутых грузинами, где месхи исконно жили; и для армян из Азербайджана; и, разумеется, повсюду для чеченов, хотя и объявивших свое отделение; и даже для таджиков, у которых есть своя страна, — но никак не для русских из Таджикистана — а их там хоть и более 120 тысяч, но, спохватясь вовремя, уже бы многих мы приняли в Россию — и не надо было бы посылать русские войска на защиту Таджикистана от Афганистана, чужое это дело, не русским там кровь проливать. (Вопрос защищенных *границ*, которые у России разом перестали существовать, — отдельный, сложный. И все же направление его решения: не рус-

ское военное присутствие в тех республиках, а — ужиматься нам надо в территорию собственно российскую.) А разве не обязаны были мы управиться забрать всех русских из Чечни, где над ними издеваются, где ежеминутно грозит им грабеж, насилия и смерть? И многих ли мы взяли из Тувы, когда оттуда начали выживать русских?

Нет, у нас в России для русских **н е т м е с т а**, нет средств, отказ.

Это — и предательство своих и унижение передо всем миром: кто еще в мире поступает так? Посмотрите, как тревожатся и хлопочут западные страны о двух-трех своих подданных, застрявших где-либо в опасности. А мы — 25 миллионов отбросили и забыли.

Меру нашего унижения и слабости мы можем ощутить и по непреклонным приговорам, которые нам выносят с Запада. Хельсинкское соглашение, толковавшее (по вынуждению СССР, защитить свои захваты в Европе) о нерушимости *государственных* границ, западные государственные деятели бездумно и безответственно перенесли на границы *внутренние, административные* — да с такой неоглядчивой поспешностью, что подожгли в Югославии многолетнюю истребительную войну (где фальшивые границы нагородил Тито), да и в распадающемся СССР — в Сумгаите, в Душанбе, Бишкеке, Оше, Фергане, Мангашлыке, Карабахе, Осетии, Грузии (однако заметим: не в России и не русскими вызваны те резни). А на самом-то деле: не границы должны быть незыблемы, а воля наций, населяющих территории. — Президент Буш мог бестактно вмешаться перед украинским референдумом: выразить сочувствие отделению Украины, при ленинских границах. (Стал бы он что-нибудь этакое высказывать, например, о Северной Ирландии?...) — Американский посол в Киеве Попадюк имел авантаж заявить, что Севастополь есть подлинно украинская территория. По какой исторической эрудиции или на каких юридических основаниях он вынес это свое ученое суждение? — не пояснил. Да и не надо: тотчас же и Госдепартамент подтвердил мнение г-на Попадюка. Это — о Севастополе, которого

и сумасбродный Хрущев не догадался «подарить» Украине, ибо он исключен был из Крыма как город центрального подчинения. (А спрашивается: какое дело Госдепартамента вообще высказываться о Севастополе?)

И одновременно же пустовесный Жириновский, далеко захлестывая за все худшее, что когда-либо говорилось о российской политике в ее осуждение, — в своих сумасбродных, крикливых и безумных заявлениях зовет то превратить Среднюю Азию в пустыню, то — к Индийскому океану, то проглотить Польшу или Прибалтику, то воцариться на Балканах. Нельзя соорудить худшей карикатуры на русский патриотизм и нельзя предложить прямее пути, чтобы потопить Россию в крови.

Несомненна живая заинтересованность многих западных политиков в слабости России и желательном дальнейшем дроблении ее (такое настойчивое подталкивание уже который год несет нашим слушателям американское радио «Свобода»). Но скажу уверенно: эти политики плохо просматривают дальнюю перспективу XXI века. Еще будут в нем ситуации, когда всей Европе и США ой как понадобится Россия в союзники.

Вторым следствием краха коммунизма в СССР должно было стать, как вгоряче объявлено в те августовские дни, — немедленное установление демократии. Но на 70-летней тоталитарной почве какая демократия может вырасти мгновенно? По окраинным республикам — мы слишком вполноте наблюдаем, что там выросло. А в России? Только в виде язвительной насмешки можно назвать нашу власть с 1991 — демократической, то есть, властью народа. Демократии у нас нет уже потому, что не создано живое нескованное местное самоуправление: оно осталось под давлением тех же местных боссов из местных коммунистов, а до Москвы — и тем более не докричишься. Народ у нас — никак не хозяин своей судьбы, а — игрушка ее. На местах — настроение отчаяния: «о нас никто не думает», «мы никому не нужны», — и ведь верно. На народ легли только новые, невиданной формы тяготы — а комму-

нистическая номенклатура, еще с горбачевской подготовки, извернулась, отлично приспособилась и в «демократы», и не пострадала так, как жизненный фундамент страны. (А «золотые сынки» номенклатуры, выкормыши привилегированных коммунистических институтов, либо прямо пошли в управление страной, либо, по охотке, утекли в Америку, которую их отцы проклинали, даже и стуча ботинком; да и другие подготавливают себе на Западе посадочные площадки.) Исполнительная и так называемая законодательная власть — полтора года изнурительно, до взаимного бессилия, сражались друг с другом — на позор всей страны. (И тут не упустим отметить парадоксальную ситуацию: Верховный Совет, сторонники тоталитарной власти, по тактическим расчетам изо всех сил вынуждены были отстаивать «принципы демократии»; а «демократы», из таких же тактических соображений, стояли грудью за авторитарность власти. Столь тверды были принципы тех и других.) Обе борющиеся стороны безответственно, наперебой, заигрывали с сепаратизмом автономных республик, толкнули негодующие области и края объявлять и себя республиками, какой оставался им выход? И если бы этот балаган двоевластия не окончился — Россия бы уже распалась на куски. («Федеративным договором» Ленин еще раз кусает нас из мавзолея. Но Россия никогда не была федерацией и не создавалась так.)

А когда этот кризис разрешился — кровью, избиением посторонних и опять на позор страны, — демократия потекла не снизу, а *сверху*, от центрального парламента, и по худшему руслу — через «партийные списки», там партия решит, кто именно будет радетель вашего избирательного округа; и это — при роскошных привилегиях парламентских депутатов и опять-таки нищете страны. Наше закоренелое несчастное русское свойство: *снизу* мы всё никак не научимся организовываться — а склонны ждать указаний от монарха, или вождя, или духовного или политического авторитета, — а их, вот, нет как нет, — мелюзговая суетня наверху.

Третьим следствием падения коммунизма должен был стать возврат к вожделенному (утерянному со

старой России) *рынку* (по нашему коммунистическому обычаю так и звали — к будущему светлому рынку!). Но еще Горбачев потерял, протоптался 7 лет, в какие можно было этот переход начать с разумной постепенностью — оживлением экономического организма с самого низу, с мельчайшего бытового предпринимательства, чтобы народ сперва подкормился и обчинился, и лишь потом забирать выше и выше. Нет, с января 1992 поспешно обрушили на страну кабинетный (Международного Валютного Фонда и гайдаровский) проект («решали на ходу», «некогда было выбирать лучший вариант» — вспоминал потом Президент), — проект не «сбережения народа», а жестокого «шока» по нему; проект — невежественный, даже для простого дилетантского глаза: объявить «свободные цены» без наличия в стране конкурентной среды производителей, то есть свободу монопольных производителей как угодно высоко и сколь угодно долго повышать цены. (Автор реформы сперва выражал необдуманную надежду, что цены стабилизируются «вот, через два месяца», «вот, через полгода» — но не было причин, зачем бы им останавливаться. И никто не нашел мужества объявить о своем близоруком промахе.) Вот когда нам до конца отпрыгнулись все последствия коммунизма. Производство ничем не стимулировалось, резко падало, цены резко росли, народ повергался в глубочайшую нищету — и за два протекших года это пока и есть главное действие реформы.

Нет, и еще не главное. Самое-то страшное следствие этой безумной «реформы» — даже не экономическое, а психологическое. Беззащитный ужас, потерянности, которые охватили нашу народную массу от гайдаровской реформы и зримого торжества резвых акул беспроизводительной коммерции (в безумии самодовольства они не стесняются выставлять свое ликование и по телевизору), — можно сравнить только с тем, по Глебу Успенскому, «ударом рубля», которого не выдержал пореформенный мужик — и с тех-то пор поползла Россия в Катастрофу.

Самое отчетливое отображение и оценка нынешних реформ — в нашей демографии. Вот данные, уже из-

вестные теперь и мировой статистике. В 1993 смерти в России превзошли рождаемость на 800 тыс. В 1993 на 1000 чел. пришлось 14,6 смертей — на 20% выше, чем в 1992 («реформа!»), рождений 9,2 — на 15% ниже, чем в 1992. Именно за последние два года («реформа!») резко возросло число самоубийств — до трети от всех неестественных смертей. Отчаявшиеся люди не видят: зачем жить? и зачем рожать? Если в 1875 в России приходилось в среднем на одну женщину 7 детей, перед Второй мировой войной в СССР — 3, еще 5 лет назад — 2,17 ребенка, то сегодня — чуть больше 1,4. Мы в ы м и р а е м. Вероятная долгота жизни взрослого мужчины опустилась до 60 лет, т.е. как в Бангладеш, Индонезии и частично в Африке.⁵³ От демографов слышим: «трудно в это поверить, даже видя реальные цифры»; «такое явление впервые наблюдается в индустриальной стране вне войны и эпидемий», «такое драматическое снижение длительности жизни никогда не происходило в послевоенном мире. Это воистину потрясает»; «Россия стоит перед лицом небывалого демографического кризиса».⁵⁴

Нынешний «удар доллара» — это еще одна, еще одна (и последняя ли?) расплата за наше остервенение и крах Семнадцатого года. Мы сейчас создаем жестокое, зверское, преступное общество — много хуже тех образцов, которые пытаемся копировать с Запада. Да можно ли вообще копировать уклад жизни? — он должен органически слиться с традициями страны; вот Япония — не копировала, вошла в мировую цивилизацию, не потеряв своеобразие. Как определял Густав Ле-Бон: национальную душу составляет сочетание традиций, мыслей, чувств и предрассудков; этого всего — не отбросить, и не надо. Мы третий год ни о чем другом не слышим, как об экономике. Но кризис в нашей стране сейчас — намного глубже, чем только экономический, — это кризис сознания и нравственности, настолько глубокий, что не посчитать, сколько

⁵³ «Нью-Йорк Таймс», 6.3.94.

⁵⁴ Там же.

десятилетий — или век — нам нужны, чтобы под-
няться.

Однако сузимся на нашей теме — на «русском
вопросе» (потому беру в кавычки, что их часто так
употребляют).

Русском — или российском?

В нашем многонациональном государстве оба тер-
мина имеют свой смысл и должны соблюдаться. Александр III говорил: «Россия должна принадлежать
русским». Но с тех пор историческая эпоха стала взрос-
лее на столетие — и неправомерно бы уже сказать так
(или, копируя бы украинских шовинистов, — «Россия
для русских»). Вопреки предсказаниям многих мудре-
цов гуманизма и интернационализма — XX век прошел
при резком усилении национальных чувств повсюду в
мире и этот процесс еще усиляется, нации — сопротив-
ляются попыткам всемирной нивелировки их культур.
И национальное сознание надо уважать всегда и везде,
без исключений. (Я и писал в «Обустройстве»: в России
«утвердить плодотворную содружность наций, и цель-
ность каждой в ней культуры, и сохранность каждого
в ней языка».) — И «российский» и «русский» — имеет
каждое свой объем понимания. (Лишь слово «рос-
сиянин», может быть и неизбежное в официальном
употреблении, звучит худосочно. Не назовет себя так
ни мордвин, ни чуваш, а скажут: «я — мордвин», «я —
чуваш».)

Справедливо напоминают, что на просторах россий-
ской равнины, веками открытой всем передвижениям,
множество племен перемешивалось с русским этносом.
Но когда мы говорим «национальность», мы и не имеем
в виду *кровь*, а всегда — *дух, сознание*, направление
предпочтений у человека. Смешанность крови — ни-
чего не определяет. Уже века существует русский дух
и русская культура, и все, кто к этому наследству при-
вержены душой, сознанием, сердечной болью, — вот
они и суть *русские*.

Ныне патриотизм во всякой бывшей окраинной
республике считается «прогрессивным», а ожесто-

ченный воинственный национализм там — никто не
посмеет назвать ни «шовинизмом», ни, упаси Бог, «фа-
шизмом». Однако к русскому патриотизму — еще от
революционных демократов начала XX века, прилипло
и сохраняется определение «реакционный». А ныне
всякое проявление русского национального сознания
— резко осуждается и даже поспешно примежует к
«фашизму» (которого в России и не было никогда, и
который вообще невозможен без расовой основы,
однорасового государства.)

Мне приходилось давать определение патриотизма
в статье «Раскаяние и самоограничение» (1973). Спустя
и два десятилетия я не берусь его поправить: «Патри-
отизм — это цельное и настойчивое чувство любви к
своей родине и к своей нации со служением ей не угод-
ливым, не поддержкою несправедливых ее притязаний,
а откровенным в оценке пороков и грехов». На *такой*
патриотизм — имеет право любая нация, и русские — ни-
как не меньше других. Иное дело, что после пережитых
русскими кровопусканий, потерь от «протоотбора»,
подавления и обморожения сознания — сегодня патри-
отизм в России раздроблен в разрозненных единицах, не
существует как единое, осознавшее себя движение, а
многие из тех, кто зовут себя «патриотами» — присло-
нились за подкреплением к коммунизму и измазались
в нем. (А то еще и — поднимают, слабыми рученками,
снова призрак панславизма, уже столько раз губившего
Россию, и уж вовсе непосильный нам ныне.)

С.Н. Булгаков однажды написал так: «Те, сердце
которых истекало кровью от боли за родину, были в то
же время ее нелицемерными обличителями. Но только
страждущая любовь дает право на это национальное
самозаушение; там же, где ее нет... поношение родины,
издевательство над матерью... вызывает чувство отвра-
щения...»⁵⁵

В таком сознании и в таком праве я и пишу сейчас
здесь.

⁵⁵ С. Булгаков. «Размышления о национальности», «Два Града»,
М., изд. «Путь», 1911, том II, с. 289.

Краткий и частный обзор русской истории четырех последних веков, сделанный выше в этой статье, мог бы показаться чудовищно пессимистическим, а «петербургский период» несправедливо развенчанным, если бы не нынешнее глухое падение и падшее состояние русского народа. (Под обаянием этого блеска «петербургского периода» — да уж по сравнению с периодом большевизма, три года назад жители города на Неве, с большим энтузиазмом восстановили — совсем не в лад и к XX веку, и к нашей растерзанной стране в лохмотьях — как белое крахмальное жабо название «С а н к т-Петербург»...) К а к ж е некогда могучая и избывающая здоровьем Россия — могла вот так пасть? Т р и таких великих болезненных Смуты — Семнадцатого века, Семнадцатого года и нынешняя — ведь они не могут быть случайностью. Какие-то коренные государственные и духовные пороки привели к ним. Если мы четыре века растрчивали народную силу на ненужное внешнее, а в Девятьсот Семнадцатом могли так слепо клюнуть на дешевые призывы к грабежу и дезертирству, — то когда-то же пришло время и платить? Наше сегодняшнее жалкое положение — оно как-то накоплялось в нашей истории?

И вот, мы докатились до Великой Русской Катастрофы 90х годов XX века. За столетие многое вплеталось сюда, — Девятьсот Семнадцатый год, и 70 лет большевизма, и миллионы, взятые на Архипелаг ГУЛаг, и миллионы, уложенные без бережи на войне, так что в редкую русскую деревню вернулись мужчины, — и нынешний по народу «удар Долларом», в ореоле ликующих, хохочущих нуворишей и воров.

В Катастрофу входит — прежде всего наше вымирание. И эти потери будут расти: в нынешней непроглядной нищете сколько женщины решатся рожать? Не менее вчисляются в Катастрофу и неполноценные и больные дети, а они множатся от условий жизни и от безмерного пьянства отцов. И полный провал нашей школы, не способной сегодня возвращать поколение нравственное и знающее. И жилищная скудость такая, какую давно миновал цивилизованный мир. И кише-

ние взяточников в государственном аппарате — вплоть до тех, кто по дешевке отпускает в иностранную концессию наши нефтяные поля или редкие металлы. (Да что терять, если предки в восьми изнурительных войнах лили кровь, пробиваясь к Черному морю, — и все это как корова слизнула в один день?) Катастрофа и в расслоении русских как бы на две разных нации: огромный провинциально-деревенский массив — и совсем на него не похожая, иначе мыслящая столичная малочисленность с западной культурой. Катастрофа — в сегодняшней аморфности русского национального сознания, в сером равнодушии к своей национальной принадлежности и еще большем равнодушии к соотечественникам, попавшим в беду. Катастрофа и в изувеченности нашего интеллекта советской эпохой: обман и ложь коммунизма так наслоились на сознание, что многие даже не различают на своих глазах эту пелену. — Катастрофа и в том, что для государственного руководства слишком мало у нас людей, кто б одновременно был: мудр, мужествен и бескорыстен, — всё никак эти три качества не соединятся в новом Столыпине.

Сам русский характер народный, так известный нашим предкам, столько изображенный нашими писателями и наблюденный вдумчивыми иностранцами, — сам этот характер угнетался, омрачался и изламывался во весь советский период. Уходили, утекали из нашей души — наша открытость, прямота, повышенная простоватость, естественная непринужденность, уживчивость, доверчивое смирение с судьбой, долготерпение, долговыносливость, непогоня за внешним успехом, готовность к самоосуждению, к раскаянию, скромность в совершении подвига, сострадательность и великодушие. Большевики издергали, искрутили и изожгли наш характер — более всего выжигали сострадательность, готовность помогать другим, чувство братства, а в чем динамизировали — то в плохом и жестоком, однако не восполнив наш национальный жизненный порок: малую способность к самостоятельности и самоорганизации, вместо нас все это направляли комиссары.

А рублево-долларовый удар 90х годов еще по-новому сотряс наш характер: кто сохранял еще прежние добрые черты — оказались самыми неподготовленными к новому виду жизни, беспомощными негодными неудачниками, не способными заработать на прокормление (страшно — когда родители перед своими же детьми!) — и только с растарашенными глазами и задыхаясь обкатывались новой породой и новым кликом: «нажива! нажива любой ценой! хоть обманом, хоть разворотом, хоть растлением, хоть продажей материнского (родины) добра!» «Нажива» стала новой (и какой же ничтожной) Идеологией. Разгромная, разрушительная переделка, еще пока никакого добра и успеха не принеся нашему народному хозяйству, и не видно такого, — густо дохнула распадом в народный характер.

И не дай Бог нынешнему распаду стать невозвратным.

(Отразилось все и в языке, зеркале народного характера. Наши соотечественники весь советский период неизменно теряли, а сейчас — обрушно потеряли собственно *русский язык*. Не буду говорить о биржевых дельцах, ни о затасканных журналистах, ни о столичных комнатных писательницах — но даже литераторы из крестьянских детей с отвращением отталкиваются: как это я смею использовать коренные сочные русские слова, отвеку существовавшие в русском языке? Даже им теперь понятнее, не вызывают *ничьего* нарекания такие дивные новизны русского языка как брифинг, прессинг, маркетинг, рейтинг, холдинг, ваучер, истеблишмент, консенсус — и многие десятки их. Уже полная глухота...)

«Русский вопрос» к концу XX века стоит очень недвусмысленно: *быть* нашему народу или *не быть*? Да, по всему земному шару катится волна плоской, пошлой нивелировки культур, традиций, национальностей, характеров. Однако сколько выстаивают против нее без пошата и даже гордо! Но — не мы... И если дело пойдет так и дальше — то еще через век слово «русский» как бы не пришлось вычеркивать из словарей.

Из нынешнего униженного потерянного состояния мы обязаны выйти — если уж не для себя, то в память предков, и ради наших детей и внуков.

Сегодня мы слышим толки об одной лишь экономике — и наша загнанная экономика, вправду, душит нас. Однако экономика сгодится и для безличного этнического материала, — а нам надо спасти и наш характер, наши народные традиции, нашу национальную культуру, наш исторический путь.

Русский эмигрант проф. Н.С. Тимашев как-то отметил верно: «Во всяком общественном состоянии есть, как правило, несколько возможностей, которые, становясь вероятными, превращаются в тенденции общественного развития. Какие из этих тенденций осуществляются, а какие нет, — предсказать с абсолютной уверенностью нельзя: это зависит от встречи тенденций друг с другом. И поэтому человеческой воле принадлежит гораздо бóльшая роль, чем это допускается старой эволюционной теорией». Материалистической.

И это — христианский взгляд.

Наша история сегодня видится как потерянная — но при верных усилиях нашей воли она, может быть, теперь-то и начнется — вполне здравая, устремленная на свое внутреннее здоровье, и в своих границах, без заносов в чужие интересы, как мы навидались в начальном обзоре. Еще раз напомним Успенского, как он написал о задачах школы: «Превратить эгоистическое сердце в сердце всескорбящее». Нам и предстоит построить такую школу: в первый класс ее сядут дети уже развращенного народа — а из последнего чтобы вышли с нравственным духом.

Мы должны строить Россию *нравственную* — или уж никакую, тогда и все равно. Все добрые семена, какие на Руси еще чудом не дотоптаны, — мы должны выберечь и вырастить. (Поможет ли нам православная церковь? За годы коммунизма она более всех разгромлена. А еще же — внутренне подорвана своей трехвековой покорностью государственной власти, потеряла импульс сильных общественных действий. А сейчас, при активной экспансии в Россию иностранных конфессий и

сект, богатых денежными средствами, при «принципе равных возможностей» их с нищетой русской церкви, идет вообще вытеснение православия из русской жизни. Впрочем, новый взрыв материализма, на этот раз «капиталистического», угрожает и всем религиям вообще.)

Но из многочисленных писем из русской провинции, с просторов России, я эти годы узнаю рассеянных по этим просторам духовно здоровых людей, и часто молодых, только разрозненных, без духовной подпитки. С возвратом на родину я надеюсь многих из них повидать. Надежда — именно и только на это здоровое ядро живых людей. Может быть они, возрастая, взаимовлияя, соединяя усилия, — постепенно оздоровят нашу нацию.

Минуло два с половиной столетия — а все так же висит перед нами, по наследству от П.И. Шувалова, неисполненное **Сбережение Народа**.

Ничего для нас нет сегодня важнее. И именно в этом «русский вопрос» в конце XX века.

(Перепечатано из «Нового Мира»,
VI, 1994) © А. Солженицын

Александр Л. ДВОРКИН

РЕЛИГИЯ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ: СИНДРОМ «СВОБОДНОГО РЫНКА»

Однажды кто-то сравнил посткоммунистическую Москву с морским дном, открывшимся взору после того, как схлынули воды. Эту аналогию можно распространить и на всю нашу страну. Семидесятилетний потоп завершился, и все, что ранее было скрыто под толщей грязной стоячей воды, явлено теперь на всеобщее обозрение. Это и странные водоросли, и никому ранее неведомые образчики подводных животных, и неожиданно прекрасные цветы, и несказанно уродливые моллюски, и ржавые консервные банки, битое стекло, выброшенные ботинки, кучи прочего мусора и отходов жизни миллионов людей. Все это было приспособлено к жизни под водой и могло худо-бедно существовать. Однако, всем известно, что на воздухе, под открытым небом, образчики подводной жизни либо погибают и гниют, либо, для того, чтобы выжить, должны мутировать, принимая новые, часто совсем уже невообразимые формы.

Во время потопа люди передвигались на речных трамвайчиках, которые направляли по курсу партийные начальники (помните, «Партия — наш рулевой?»). Производство индивидуальных лодок было запрещено. Трамвайчики были старые, часто ломались, их приходилось подолгу ждать, да и переполнены они были донельзя. Народ ворчал, в меру пихался, но старался не слишком раскачивать суденышки: кому охота оказаться в коричневой вонючей воде, кишасей неизвестными опасностями! Сегодня каждый вынужден сам шлепать по грязному дну. Мы заново учимся пользоваться своими ногами: это трудно и на ровном месте, что же говорить о зарослях, через которые нам приходится пробираться, и о всех ямах и кучах грязи, которые нам приходится обходить! В то же время нам нужно расчи-

щать пространство вокруг себя и принимать участие в генеральной чистке перед начинающимся грандиозным строительством. Ах, как все это непривычно, невероятно трудно, ну и опасно, наконец!

А ведь совсем еще недавно все было покрыто толстым слоем воды: Советский Союз казался монолитно атеистической страной. Храмы были заполнены в основном старушками, а так называемое «религиозное возрождение» затрагивало лишь небольшую кучку интеллигентов. Подавляющее большинство населения не задавалось метафизическими вопросами, твердо веря космонавту, который «никакого Бога там не видел». Религия была прочно выключена из жизни обыденного человека, знающего лишь, что все ее разновидности представляют собой зловредный и губительный опиум для народа. Многие воспитанные на классической русской литературе интеллектуалы знали о православии немногим больше, чем, скажем, о религии австралийских аборигенов. Все это было «по ту сторону».

Даже среди считающих себя православными, многие никогда не читали Евангелия, не имели представления о догматах и таинствах Церкви, даже и о самой сущности христианства, но лишь строго придерживались неких бытовых, часто явно языческих, обычаев и верований. В храм нужно зайти, чтобы поставить свечку, причем передать ее можно только через правое плечо. Покрестить ребенка надо, чтобы он не болел или не плакал по ночам. В первый день Пасхи полагается устроить пикник с выпивкой на могиле родных и т.д. Помню, как возмутилась одна, называющая себя православной, ученейшая дама, когда услышала в случайном разговоре, что в Страстную Пятницу предписан строгий пост. «Как, — сказала она, — всем известно, что православные в этот день едят блинчики с вареньем! А вы учите нас каким-то нововведениям!» Нужно сказать, что в храме в Великую Пятницу эта дама не бывала никогда.

Разделение проходило между «верующими» и «неверующими». Не важно, какую веру вы исповедуете: дзен буддизм, НЛО, католичество или оккультизм,

увлекаетесь ли вы гипнозом, собиранием икон, составлением гороскопов или телекинезом, показалась ли вам убедительной «сциентология» Рона Хаббарта, или вы почитаете древнеславянского Перуна. Вы можете склоняться к старообрядчеству, ходить к гадалке или знахарю, говорить, что вы веруете в бога «внутри себя», или даже просто утверждать, что «что-то, наверное, там есть», все это не так важно! Главное, что вы сомневаетесь в монолитности материализма, значит вы «верующий», значит мы все если даже и не стопроцентные единомышленники, то союзники и соратники. Ведь противник-то у нас один!

Но вот поддерживаемый государством атеизм рухнул, религия была объявлена делом хорошим и полезным, основой нравственности и помощи ближнему. На экранах телевизоров стали появляться люди в рясах, сутанах, сари и мантиях, города запестрели объявлениями различных проповедников истины, магов и чародеев, пишущая братия переключилась на похвалы тому, что раньше бранилось (впрочем, это делалось с той же степенью невежества и непрофессионализма), и народ стал заходить в храмы. Теперь почти все убеждены, что религия — это хорошо, и что верующие — совсем не обязательно дурачки или жулики. Число крещений и венчаний удесятирилось. Более того, люди уже знают, что Православие — главная религия на Руси, поэтому, если вы русский и верующий — значит вы православный. При этом, дерзну сказать, громадное большинство таких православных по-прежнему не имеют представления не только о Православии, но и о самых основных принципах христианства. Верования, которых они придерживаются, могут варьироваться от вариаций на тему буддизма и оккультизма до некоего бытового язычества. Они не знают не только, чем Православие отличается, скажем, от баптизма, но и что значат основные принципы христианства в применении к нашей жизни. Вместо веры в распятого и воскресшего Господа, большинство придерживается смеси из обрядового суеверия. Грех — передать свечку через левое плечо, грех — подать записку за некрещеного,

страшный грех — случайно повернуться в храме спиной к алтарю. А блуд, разводы и аборт остаются нормой жизни, всеобщее ожесточение и хамство поражают внешнего наблюдателя не только в метро, но и в православных храмах, а оккультисты и экстрасенсы собирают обильную жатву среди тех же православных прихожан. Именно эти мутные воды невежества и духовной всеядности служат той питательной средой, в которой зарождаются и плодятся чудовищные сектантские извращения и изуверства.

Распространено мнение, что наблюдаемое сегодня широкое распространение сектантства — следствие «косности» Православной Церкви, не сумевшей воспользоваться новыми возможностями и, таким образом, косвенно способствовавшей росту жертв сектантства. Думается, это обвинение несправедливо: сегодня Православная Церковь предпринимает поистине героические усилия по распространению религиозного просвещения. Однако, жатвы много, а делателей мало, а начинать приходится даже не с нуля, а с минусовых величин. К примеру, в одной лишь Москве число православных храмов выросло более чем в пять раз, а священников — всего лишь вдвое. Не хватает людей, нет средств, помещений, оборудования. Можно говорить и о негласном запрете на публикацию серьезных православных материалов, действующем в большинстве органов массовой информации, при том, что сектанты скупают часы эфирного времени и целые страницы газет. Но это уже особая тема...

Думается, главное все же в другом, в том, что можно назвать общечеловеческой проблемой. Христианство подразумевает сознательно сделанный выбор, самостоятельный шаг навстречу Богу. Ключевой термин в сотериологии — *синергия* — совместная работа, сотрудничество человека и Бога. От искренне приходящего в Церковь человека требуется усилие, требуется постоянная, ежечасная и ежеминутная борьба с собой: «Царство Небесное силой берется, и употребляющие усилие восхищают его» (Мф. 11:12). Христианство — религия свободы, а свобода подразумевает личную ответствен-

ность. Понять это зачастую нелегко, а воспринять тяжкое бремя ответственности — еще сложнее. Гораздо проще пойти за кем-либо, берущим эту ответственность на себя и гарантирующим «автоматическое» спасение — «лишь следуй за мной».

В этом основная причина успеха, которым пользуются секты, которые я называю «тоталитарными». Они могут называться «Церковью объединения» или «Обществом сознания Кришны», или «Трансцендентальной медитацией», или «Церковью Божией Матери преображающейся». Их тысячи, они существуют в разных странах, проповедуют на разных языках; их учения могут не иметь ничего общего друг с другом. Но одна, главная черта у всех них общая: именно это и страшно. Они не просто проповедуют, они не просто хотят увеличить число обращенных. Им нужен ваш ум, и они стремятся к полному контролю над ним: тогда они смогут программировать ваше поведение. Именно поэтому я называю такие секты тоталитарными. Ведь тоталитарным может быть не только государство, но и сравнительно небольшая община. И мне кажется, что только небольшие группы могут достичь стопроцентного тоталитаризма, о котором любое, даже самое полицейское государство не может даже и мечтать. Мрачные пророчества Оруэлла не исполнились, так сказать, «в государственном масштабе». Но мы вновь и вновь видим, как предсказанные им методы тотального порабощения людей успешно применяются в тоталитарных сектах.

С падением железного занавеса в Россию хлынул поток подобных сект с Запада и с Востока. Страна покрылась сетью кришнаитских ашрамов, иеговисты стали раздавать свои листовки в метро, преподобный Мун засыпал подарками чиновников в департаментах образования, а корейские проповедники начали ежедневно вещать на российских радиочастотах. Появились и отечественные секты.

Руководитель одной из них, Вениамин Береславский, называющий себя архиепископом Иоанном и пророком Божией Матери, основал собственную «Церковь Божией

Матери преображающейся» (она больше известна под названием «Богородичный центр»). Он провозглашает о создании новейшего завета со Святым Духом, воплотившимся в Богородице. Божия Матерь ежедневно диктует откровения своему пророку, а он провозглашает их людям. Главная черта секты, помимо апокалиптизма, — патологическая ненависть к семье, к женщине и к матери. Говоря о женщине, Береславский не жалеет грязных слов. Но худшее слово для него — мать. Родители провозглашаются «родовыми упырями», уничтожающими своих чад и сосущими из них жизненную энергию. Детей призывают поскорее оставить своих родителей, и в качестве одного из тестов на послушание молодые жертвы секты должны ударить по лицу собственную мать. «Богородичный центр» по всем показателям подходит под определение классического тоталитарного культа, обладающего огромной дестабилизирующей и разрушительной потенцией. Он чрезвычайно опасен, как для своих членов, так и для всего общества в целом. Как и любая секта, он размножается делением: уже отделился от него некто Лазарь Каширский, именующий себя Митрополитом всея Сибири и сыном «в духе» Патриарха Тихона и императора Николая II. Церковь свою он назвал «Истинно православной церковью откровения св. Иоанна Богослова», а себя назначил «Председателем небесного трибунала», приговаривая к различным срокам всех, не принимающих его церкви. В Москве действует и «Белое Братство», глава которого, некто Кривоногов, именуется Иоанном Крестителем, а свою сожительницу — Иисусом Христом, пришедшим возвестить конец мира 24 ноября. Повсюду встречаются листовки некоего Виссария, провозглашающего себя новым воплощением Бога Слова.

Можно воскликнуть: «Какой кошмарный бред!» Но, тем не менее, все эти люди находят последователей и почитателей. И это объясняется прежде всего характерным, к сожалению, для нашего общества страшным невежеством. И Береславский, и Лазарь Каширский, и Кривоногов называют свое учение православием, а

секты свои — истинно православной церковью. Человечек, не отличающий христианства от буддизма или оккультизма, не заметит подлога и тут. К сожалению, жертвами сектантства часто становятся лучшие из нас, ищущие души, отвергающие царящую вокруг бездуховность и, по той или иной причине, не находящие двери в истинную Церковь. Поэтому, думается, главным оружием в борьбе с сектантством должно стать образование и духовное просвещение. Человека, знающего хотя бы основы христианства, гораздо труднее соблазнить лжеоткровениями Береславского, Муна, Кривоногова или Свами Прабхупады.

Граждане России сегодня в очень нелегком положении. Многие годы большинство из них жили, не зная, что такое выбор, и не умея пользоваться им. Сегодня они ежедневно и ежечасно поставлены перед множеством выборов. Это не только выборы материальные и политические. Это и выбор духовный.

По CNN часто передают «рекламу рекламы», в которой говорится, что реклама информирует вас о наличии тех или иных товаров, предоставляет вам выбор и увеличивает, таким образом, вашу свободу. Жители СНГ познакомились с рекламой совсем недавно. Но, помимо рекламы товаров и услуг, у нас сегодня широко распространен другой вид рекламы — рекламы духовной. И тут я должен, к сожалению, отметить не совсем благовидную роль, которую играют многие представители евангелических деноминаций, приезжающие проповедовать к нам в страну. Я не хочу вступать с ними в богословские споры или обвинять их в злонамеренности. Возможно, то, что они хотят сообщить гражданам России, чрезвычайно важно для многих из них. Но, к сожалению, именно из-за методов, которые они используют для привлечения людей на свои проповеди и богослужения, я вынужден поместить их в одну группу с вышеупомянутыми представителями культов и новых религиозных течений.

Дело в том, что вследствие всеобщей религиозной необразованности граждан бывшего СССР слова «православный» и «христианин» являются синонимами для

большинства из них. Мне часто задают вопросы: «Он христианин или католик?»; «Он христианин или баптист?». Поэтому, когда на афише заморского гостя написано «Знаменитый христианский проповедник», большая часть людей считает, что он приехал проповедовать православие. Это и было подтверждено неофициальным опросом, проведенным среди людей, направляющихся послушать проповедь Билли Грэма. Более 70% опрошенных считали, что идут на православного проповедника.

Однако свобода выбора подразумевает информированность. Один мой знакомый лютеранский пастор сравнил религиозное положение в России с огромным шведским столом, перед которым стоит ошеломленный россиянин, привыкший лишь к хлебо-картофельной диете. Я думаю, что это сравнение справедливо лишь отчасти. Мне кажется, что сегодняшний россиянин видит на столе перед ним лишь множество запечатанных консервных банок, содержимого которых он не знает, ибо на них написано лишь: «Я очень вкусная. Съешь меня, и тебе сразу станет хорошо!». На обычных консервных банках, по закону, требуется писать их содержимое. Почему же в мире религиозных идей практикуется подобная анонимность? Ведь если бы на рекламе было написано: «Евангельская церковь христиан-баптистов приглашает вас послушать всемирно известного проповедника Билли Грэма», или «По приглашению общины Адвентистов 7-го дня в Москву прибыл знаменитый проповедник Марк Финли», неужели их свидетельство стало бы менее эффективным? Но люди, идущие туда, по крайней мере знали бы, что они делают некий выбор. А может быть они шли бы не выбирать? Может быть, они просто хотели бы узнать, что представляет из себя баптистское учение, и, послушав, с радостью для себя узнали бы, что баптисты являются их братьями во Христе? К сожалению, разделения христиан являются реальностью нашей жизни. Как бы мы к ним ни относились, с ними приходится считаться. И, думается, преодолены они могут быть не через прозелитизм и двусмысленность, а через откры-

тый и честный диалог, через взаимные контакты и знание друг друга, через братское сотрудничество.

А поле для сотрудничества может быть громадное. И прежде всего, все традиционные христианские конфессии должны объединить свои усилия для противодействия распространению тоталитарных сект и для помощи их жертвам.

Итак, вода схлынула. Россияне учатся ходить своими ногами, сами выбирать свои направление, маршрут, скорость. Процесс этот чрезвычайно сложный и болезненный. Многие мечтают о прежней жизни: все-таки насколько было легче: возят тебя коммунальные суденышки, и ни забот, ни тревог. Другие предлагают все вытравить, сжечь, заасфальтировать это проклятое дно, а на специально отведенных местах разбить клумбы, усаженные заморскими цветами: тем более, что и предложений навалом. Третьи заявляют, что никакой чистки проводить вообще не нужно: в демократическом государстве все должно иметь право на существование. Только сам гражданин решает, какие растения разводить в своем саду и каких животных держать в доме. И никто не смеет указывать ему, как убирать его квартиру, тем более — приказывать.

Поверхностность подобных взглядов в применении к реальной жизни очевидна: любое государство в той или иной степени ограничивает свободу своих граждан. Бездумная пересадка растений другого континента и климата может привести к экологической катастрофе. К примеру, на всей территории Северной Америки вы не найдете ни одного смородинного куста: дело в том, что жучок, паразитирующий на смородине, оказался смертоносен для американской сосны. Правительства США и Канады запретили ввоз и разведение смородины, хотя это, безусловно, ущемляет права граждан, хотевших бы полакомиться свежими ягодами. Однако, никто не воспринимает этот запрет как нарушение прав человека: свобода граждан подлежит ограничению всякий раз, когда она входит в конфликт с правами других. Сорняки, которыми зарос садовый участок, могут легко перекинуться на соседний, а не истребленные

в одном месте грибки или насекомые-вредители могут стать серьезной помехой для развития сельского хозяйства целой области. Если свободный гражданин не будет привязывать свою собаку, она перекушает всех соседей, если не будет ее лечить — перезаразит всех собак в округе, а если он решит не убирать из своей кухни кучу гниющих отходов, то скорее всего его дети, а от них и соседские, будут подхватывать одну болезнь за другой.

К сожалению, немногие понимают, что те же критерии действуют и в духовной жизни: наиболее распространенное сегодня мнение, что любая религия — положительное явление, и никто не имеет права как-либо ограничивать свободу выбора гражданина между ними. Не желая вновь приобретать репутацию гонителей, мы предпочитаем не замечать, что религиозность может быть не только светлой, но и темной, что в мире плодятся тоталитарные культы и что многие секты чрезвычайно опасны как для общества в целом, так и для отдельных личностей. За примерами далеко ходить не надо: у всех еще в памяти недавний кровавый конец секты Дэйвида Кореша в Техасе. Можно вспомнить и десятки людей, принесенных в жертву сектой сатанистов в Мексике, и происшедшее 15 лет назад в Гайане массовое самоубийство членов руководимой Джимом Джонсом секты «Народный Храм». Но это лишь самые очевидные примеры. А у скольких людей психика была разрушена методами воздействия, использующимися в той или иной секте? Я не говорю уже о том, что можно назвать «вымогательством на религиозной почве», которым не брезгуют многие самопровозглашенные «мессии»...

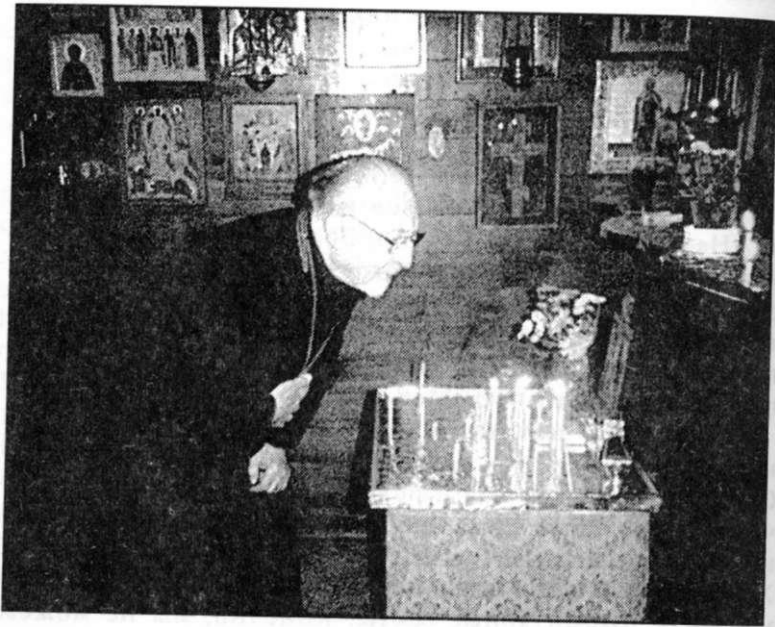
Да, мой сосед имеет неотъемлемое право исповедовать любую избранную им религию или не придерживаться никакой. Но и я располагаю не менее неотъемлемым правом не допускать его проповедовать на «моей» территории. Более того, как налогоплательщик, я имею право требовать от государства ограничить возможности для распространения учения, которое считаю опасным для меня или для зависящих от меня

людей. И государственные власти обязаны проверить, соответствуют ли мои утверждения истине, и если да, то принять все необходимые меры.

Итак, мы чистим местность, которая раньше была дном водоема; мы стараемся сделать ее пригодной для жилья. Очевидно, что наша сложная задача требует самого пристального внимания и даже некоторого дара предвидения: как иначе отличить полезное растение от сорняка и кучу грязи — от удобрения? Нам нужны специалисты, исследователи, ученые: да и мы сами должны многому научиться и многое постичь заново. Нам будет очень трудно, более того, можно быть уверенным, что нам предстоят многие огорчения и разочарования. И, тем не менее, думаю, что в демократическом государстве, желающем гарантировать своим гражданам подлинную свободу вероисповедания, другого пути просто не может быть.

«Познайте истину и истина сделает вас свободными» (Ин. 8:32), — сказал Христос своим ученикам. Свобода — подлинная и истинная свобода — это отличительная черта христианства. Любая секта, любой культ, отрицающие свободу, не имеют ничего общего с Христом и Его Церковью. Помня это, мы легко сможем узнавать тоталитарные секты. Конечно, мы не можем предотвратить появление лжеучителей и ересиархов, таких как Мун, или Джонс, или Береславский. Но, я думаю, наш долг — ясно и недвусмысленно заявить о ложности их учения и о его опасности как для отдельных людей, так и для всего общества. Таким образом, мы поможем определиться многим людям и предотвратим появление многих тысяч новых жертв сектантства.

памяти наставника–друга

После продолжительной болезни, в Париже, на 84 году жизни ушел от нас едва ли не последний священник из Движения, целиком сформировавшийся в его среде и питавшийся от его идей и вдохновений.

По матери из старообрядческого корня (чем он любил хвалиться), по отцу из малороссийской семьи, Игорь Верник попал в эмиграцию отроком и вскоре был захвачен религиозным энтузиазмом, царившим в конце 20-х годов в парижских движенческих кружках. Из высшей светской школы он переходит в 1930 г. в Богословский Институт. Многих его приятелей это решение удивило: весельчак, свой в компаниях, любитель спорта (кто-то говорил: «одни мускулы») идет в священники, на первый взгляд как бы и не меняясь. Но следует сразу выделить близорукость приятельского взгляда:

полувековой священнический путь отца Игоря (сначала духовником детского приюта, созданного С.М. Зерновой, в 1960-е годы вторым священником, затем настоятелем «движенческой» церкви) был путем медленного, но неукоснительного возрастания и просветления. Три основных качества определяли его духовный рост: смирение, юмор и, производная от них, подлинность. Отец Игорь был насквозь перед Богом смиренен, в первую очередь по отношению к самому себе. Он о себе высоко не мнил, знал свои границы, часто и открыто упрекал себя в недостаточностях (помню, как он мне раз с грустью сказал, лет 20 тому назад, «я ведь полумертвый человек», желая вероятно намекнуть на недостаток жизненных сил). Смиренен он был и перед невзгодами жизни. Правда, женившись на прибалтийской движенке, Зинаиде Павловой, он познал радость счастливого брака до самого конца, но объективных трудностей выпало на его долю немало: бездетность, нищета, позже долгие–долгие годы болезни тещи, свояченицы, живших с ними, затем и жены, да и своих недугов было вдоволь. На о. Игоря ложились почти целиком заботы по дому, по уходу за болящими, по покупке еды, чуть ли не по готовлению, но эти тяготы он переносил с примерными покорностью и безропотностью, как Богом заповеданный путь.

Смирение о. Игоря не было пассивным, еще менее сусальным. У него были всегда определенные мнения, он любил резать правду-матку (пусть иной раз и невпопад). Пожалуй, смирение и давало ему возможность быть строгим на исповеди, не говорить, как некоторые священники, «все мы слабые», а требовать никогда не формальных и не чрезмерных, но конкретных усилий в борьбе с греховными привычками или с нерадением в молитве. Деятельное смирение питается от юмора. Быть смиренным — значит уметь посмеяться над самим собой, всегда помнить о расстоянии между Духом и относительными делами духа, своими или чужими. Юмором, всегда добродушным, отец Игорь обладал в высшей мере, он даже не покинул его в предсмертные дни, когда, уже уйдя в себя, он лишь урывками возвра-

щался к общению с друзьями. Взгляду на себя со стороны он любил учить и своих духовных детей.

На отце Игоре лежал отблеск крупных духоносных светочей, его старших наставников (о. С. Булгаков, о. В. Зеньковский, Г.П. Федотов и др.) или предшественников по приходу (о. Сергей Четвериков, о. Виктор Юрьев), свет безвозвратно ушедшей эпохи. С ним дружили как старшие богословы (о. Г. Флоровский, С.С. Верховской), так и младшие (о. А. Шмеман). Но и сам отец Игорь, не обладая ни сильным отвлеченным умом, ни даром речи, ни умением писать, стал через смирение, молитву, любовь к пасомым — духоносцем. Причем, характерно, что духовность, церковная и частная, жила у него в добром соседстве с самыми разнообразными, разнокачественными интересами и вкусами, от мотоциклетки в молодости, устриц, классической музыки и историко-политических книг, вплоть до спортивных игр по телевидению... В больнице, за несколько дней до кончины, наш разговор с ним коснулся положения Церкви в России (его обеспокоили крутые меры, принятые Синодом) и ... хоккейных состязаний, в чем он был куда сильнее меня. Стилизованному православию это может показаться странным. Широта интересов о. Игоря позволяла ему оставаться близким к миру, к повседневной реальности. Движенцы и прихожане Введенской церкви с неподдельной грустью прощались со своим светлым и любимым пастырем. Скольким он помог заботой, наставлениями, улыбкой, просто своим существованием... Последние полтора года, уйдя в отставку, он страдал от вынужденной бездеятельности, от своей, как он говорил, «ненужности». Мы его утешали: достаточно того, что Вы с нами. В нем не было «ни лжи, ни раздвоенья», по крылатому слову Тютчева о Жуковском, и даже больше: в трудном духовном подвиге никто ни разу не услышал от него ни одного елейного, ни одного фальшивого, деланного слова. Таким он и останется в нашей благодарной памяти, образом и учителем смирения, трезвости и подлинности.

Никита Струве

ИМКА-ПРЕСС В РОССИИ И ЭСТОНИИ ЗА ПЕРВОЕ ПОЛУГОДИЕ 1994

За одно первое полугодье 1994 издательство ИМКА-Пресс при посредничестве «Русского Пути» открыло четыре своих библиотеки, три в разных областных и уездных городах России и одну в Эстонии.

В конце января, по приглашению игумена Бобреевского Коломенского монастыря, о. Игнатия Крекшина, и городского художественного клуба «Лига», Н.А. Струве в сопровождении Е. Гениевой и В. Москвина посетили Коломну. К открытию выставки прибыли директора Тверской и Рязанской библиотек, а также профессор Д. Поспеловский. После речей, сопутствующих открытию, Н.А. Струве прочел лекцию о литературе первой волны русской эмиграции. Книги, оплаченные фондом Солженицына, войдут в состав библиотеки Бобреевского монастыря.

Во второй половине марта, по приглашению министерства культуры Эстонии и общества «Русская Энциклопедия», была торжественно открыта в Национальной Библиотеке столицы, Таллина, широкая выставка

почти всех изданных за 70 лет книг ИМКА-Пресс, собравшая большое стечение народа. Книги переданы в дар Национальной Библиотеке. Н.А. Струве дал пресс-конференцию, прочел лекцию о Солженицыне, был принят премьер-министром Мартом Лааром, встречался с архиепископом православной Церкви и местным духовенством, дал целый ряд интервью эстонской и русской прессе и радио. Посол Франции устроил прием, на который пригласил интеллигенцию обеих общин Эстонии. По приглашению ректора и русской кафедры Тартуского Университета, Н.А. Струве прочел лекцию в актовом зале Университета о Г.П. Федотове. В связи с успехом выставки в Таллине было предложено, чтобы выставка в дальнейшем посетила также и Тарту. Приезд в Эстонию дал возможность Н.А. Струве встретиться со старыми движенцами, в частности, с сотрудницами «Вестника» Ксенией Смирновой и Тамарой Милютиной, а также посетить Пюхтицкий монастырь.

В апреле месяце, по инициативе французского посольства, в Нижнем Новгороде был открыт постоянный читальный зал, где наряду с французскими книгами представлена и полная коллекция книг ИМКА-Пресс. Посол Франции, Пьер Морель, решил в первый день пребывания в Нижегородской области посетить Дивеевский монастырь, где вся делегация (включавшая В.А. Москвина и Н.А. Струве) присутствовала на архиерейской воскресной литургии (за которой было пострижение 13 монахинь, иерейская и диаконская хиротония). В Нижнем Новгороде Н.А. Струве принял участие в открытии французской декады, прочел в Университете лекцию о Солженицыне, дал пресс-конференцию и был принят губернатором.

В самом конце апреля была открыта Имковская библиотека в самом отдаленном уездном городе Рязанской области, в Шацке. На открытии присутствовал директор «Русского Пути» В.А. Москвин и сотрудник французского посольства Пьер Тороманов.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции : <i>К возвращению Солженицына в Россию</i> — Н. Струве	3
--	---

БОГОСЛОВИЕ, ФИЛОСОФИЯ

<i>Православие в современном мире</i> (Анкета «Вестника» С. Аверинцев, прот. Борис Бобринской, прот. Евгений Касаткин, свящ. Георгий Кочетков, В. Лепяхин, Д. Поспеловский, Н. Струве	5
<i>Миссия в Православной Церкви сегодня</i> — Карэн Гордон	34
<i>О реформах в Богослужении</i> — Никита Струве	38
<i>К.П. Победоносцев и Прибалтика</i> — А. Гаврилин	50

■ к 50-летию со дня смерти П.Б. Струве

<i>Письмо С.Л. Франка А.П. Струве</i>	67
<i>П.Б. Струве и церковная смута в эмиграции</i> (по материалам газеты «Возрождение») — Т. Трусевич	69

<i>О биографии Льва Карсавина и некоторых от нее далёких предметах</i> — С.С. Хоружий	121
---	-----

ЛИТЕРАТУРА И ЖИЗНЬ

<i>Еськовская община отца Матфея Константиновского</i> — Илья Басин	133
<i>Цветаева и Керенский</i> — Л.А. Мнухин	147
<i>Литургическое время и Евхаристия в романе Пастернака «Доктор Живаго»</i> — Ольга Раевская-Хьюз	164

СУДЬБЫ РОССИИ

«Русский вопрос» к концу XX века — А. Солженицын 193

Религия в постсоветской России : синдром “свободного рынка” — Александр Дворкин..... 275

◆

Протоиерей Игорь Верник (1911-1994) : памяти наставника-группа — Н. Струве 286

«ИМКА-ПРЕСС» в России и Эстонии за первое полугодие 1994 289

SOMMAIRE

Editorial : *Soljénitsyne revient en Russie* – Nikita Struve 3

THEOLOGIE, PHILOSOPHIE

L'Orthodoxie dans le monde d'aujourd'hui – PP. B. Bobrinskoy, E. Kasatkine, G. Kotchetkov, S. Averintsev, V. Lepakhine, D. Pospelovski, N. Struve (enquête du “Vestnik”) 5

Eglise Orthodoxe et Mission – Karen Gordon 34

A propos des réformes de la Liturgie – Nikita Struve 38

K. Pobédonostsev et les Pays Baltes – A. Gavriline 50

■ Pour le 50e anniversaire de la mort de P. B. Struve

Lettres de S. Frank et de Iv. Bounine à A. P. Struve 67

P. B. Struve et la division de l'Eglise russe émigrée (d'après les articles publiés dans le journal “La Renaissance”) – Tatiana Troussévitch 69

A propos de la biographie de Léon Karsavine – S. Khorouzhij.. 121

LITTERATURE ET VIE

La communauté du P. Matthieu Konstantinovski (XIXe s.) – Ilja Bassine 133

Tsvétaéva et Kérenski – L. Mnoukhine 147

Le temps liturgique et l'Eucharistie dans le roman de Pasternak “Le Docteur Jivago” – O. Raevsky-I Hughes 164

DESTINEES DE LA RUSSIE

“La question russe” en cette fin du XXe siècle – A. Soljénitsyne 193

La religion en Russie postsoviétique : le syndrome du “ libre échange” – A. Dvorkine 275

◆

A la mémoire du Père Igor Vernik – N. Struve 286

Les éditions «YMCA-PRESS» en Estonie et en Russie (1er semestre 1994) 289

БИБЛИОТЕКИ «YMCA-PRESS» В РОССИИ

Программа устройства выставок и читальных залов по большим и малым городам России не может быть выполнена без помощи всех, кому дорога русская религиозно-философская и художественная традиция, расцветшая за рубежом и столь нужная теперь возрождающейся из-под развалин России. Каждая библиотека-читальня (больше 300 названий), подаренная городу, стоит 30.000 франков.

С 1990 по 1994 «YMCA-Press» устроила 24 библиотеки по городам России, Эстонии и Украины...

Денежную помощь просим направлять по адресу:

**«YMCA-Press», 11 rue de la Montagne-Ste-Geneviève,
75005 Paris, France**

или прямо переводом в банк с указанием «на библиотеки в России»

**«YMCA-Press», Morgan Guaranty Trust Company, Paris,
(banque 30778 — guichet 00041)
№ compte : 097 300 L 1000/23**

Всех заранее сердечно благодарим.

ВЕСТНИК Р.Х.Д.

Издание РСХД — YMCA-Press

ВНИМАНИЕ !

в России :

Представитель „ВЕСТНИКА“

Богословский А. Н.

Проспект Мира, д. 110/2, кв. 291

129626 Москва

ПРЕДСТАВИТЕЛИ « ВЕСТНИКА » на Западе

в Америке (West) :

Mrs Olga Hughes-Raevsky, P.O. Box 1207, Berkeley, Ca 94701.

в Америке (East) :

Mrs T. Ertl, 6691 Lakeview drive, Boulder, Colorado 80303.

в Канаде :

«Parish News», 1175 A rue de Champlain, Montreal, P.Q. H2L 2R7

Русское Студенческое Христианское Движение за рубежом имеет своей основной целью объединение верующей молодежи для служения Православной Церкви и привлечение к вере во Христа равнодушных к вере и неверующих. Оно стремится помочь своим членам выработать христианское мировоззрение и ставит своей задачей подготовить защитников Церкви и веры, способных вести борьбу с современным атеизмом и материализмом.

Р.С.Х.Д. утверждает свою неразрывную связь с Россией. Наша принадлежность к русскому народу и к русской православной Церкви налагает на нас духовные обязательства, независимо от того, мыслим ли мы себя временными изгнанниками-эмигрантами или решили связать свою жизнь с другой страной. Подлинная русская культура неотделима от Православия: поэтому в хранении и продолжении ее мы видим наш долг. Мы видим наш долг также в свидетельстве перед миром о подлинном лике России, в напоминании о страданиях русского народа.

(Из Устава Р.С.Х.Д. 1959 г.)